

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Москва 2023

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СЛАВЯНСТВО

Москва 2023

УДК 82.09
ББК 83.3(0)
Ф110

Ред. коллегия:

И.А. Герчикова,
И.И. Калиганов,
А.В. Липатов,
А.Ю. Пескова (ответственный редактор).

Рецензенты:

И.Е. Адельгейм,
М.Ю. Котова.

Ф.М. Достоевский и славянство / Отв. редактор А.Ю. Пескова. —
М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 320 с.

Книга, созданная на основе материалов международной конференции Института славяноведения РАН «Восприятие творчества Ф.М. Достоевского в славянском зарубежье» (19–20 октября 2021 г.), посвящена проблемам рецепции и изучения произведений Ф.М. Достоевского в культурах западных и южных славян. Авторы статей, среди которых литературоведы, историки и лингвисты из России и других славянских государств, демонстрируют многообразие влияний Достоевского, неоднозначность и противоречивость восприятия его художественных и публицистических произведений в литературах и культурах зарубежных славян в различные исторические периоды. Многие из представленных в сборнике статей содержат в себе ценные обобщающие материалы, выявляющие специфику рецепции творчества Достоевского в отдельных странах и позволяющие в целом проследить динамику этой рецепции на протяжении последних полутора веков. Одновременно в книге представлены и дискуссионные точки зрения, неминуемо возникающие при рассмотрении творческого наследия Достоевского и в очередной раз подтверждающие всю сложность и глубину поставленных им вопросов. Составляющие книгу статьи отдельных авторов отражают их индивидуальные воззрения, наблюдения и выводы. Сборник рассчитан на широкий круг специалистов по славянским литературам и культурам и на всех читателей, неравнодушных к творчеству великого русского писателя.

ISBN 978-5-7576-0494-7
DOI: 10.31168/7576-0494-7

© Институт славяноведения РАН, 2023
© Коллектив авторов, текст, 2023

Содержание

От редколлегии	11
----------------------	----

Л.Н. Будагова

Ф.М. Достоевский на родине и за рубежом. Вместо предисловия ..	13
--	----

Болгария

В.И. Косик

Достоевский. Славянство. Болгария.....	23
--	----

М.Г. Смольянинова

«Достоевский — великий защитник и заступник болгарского народа в судьбоносный момент его истории»	55
---	----

Польша

А.В. Липатов

Русско-польские антиномии: казус Достоевского	67
---	----

Л.А. Мальцев

Этнотипы и этнохарактеры Ф.М. Достоевского в рецепции польских писателей	89
--	----

Н.Е. Ананьева

Польские языковые элементы в творчестве Ф.М. Достоевского..	107
---	-----

Сербия

С.Н. Мещеряков

Традиции Ф.М. Достоевского в творчестве Мирко Ковача и Миодрага Булатовича	141
--	-----

Словакия

М. Куса

Ф.М. Достоевский как символ — к специфике восприятия его творчества в словацком культурном пространстве	153
---	-----

А.Ю. Пескова

Ф.М. Достоевский на современной словацкой сцене	171
---	-----

Л.Ф. Широкова

Своеобразие творчества Ф.М. Достоевского в трактовке словацкого писателя Яна Йоганидеса	187
---	-----

Хорватия

Я. Войводич

Эволюция восприятия Достоевского в Хорватии	199
---	-----

Чехия

И. Поспишил

К чешской и словацкой рецепции Достоевского в XX и XXI вв.: Франтишек Каутман, Андрей Червенияк и другие	219
--	-----

И.А. Герчикова

Восприятие творчества Ф.М. Достоевского в чешской культуре и обществе	237
---	-----

Я. Билек

Ф.М. Достоевский в чешской литературной культуре	257
--	-----

А.В. Амелина

Ф.М. Достоевский в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла	269
---	-----

Е.Ф. Фирсов

Осмысление наследия Ф.М. Достоевского в переписке Т.Г. Масарика и труде «Россия и Европа».....	281
--	-----

Именной указатель	295
-------------------------	-----

Указатель произведений Ф.М. Достоевского	315
--	-----

Краткие сведения об авторах и рецензентах.....	317
--	-----

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES OF
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

F.M. DOSTOEVSKY
AND THE SLAVIC WORLD

Moscow 2023

Responsible editor:

A.Yu. Peskova.

Editors:

I.A. Gerchikova,

I.I. Kaliganov,

A.V. Lipatov.

Reviewers:

I.Ye. Adelgeym,

M.Yu. Kotova.

Abstract. The book, created on the basis of the materials of the international conference of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences “Perception of F.M. Dostoevsky in the Slavic World Abroad” (October 19–20, 2021), is devoted to the problems of reception and study of the works of F.M. Dostoevsky in the cultures of Western and Southern Slavs. The authors of the articles, including literary scholars, historians and linguists from Russia and other Slavic states, demonstrate the diversity of Dostoevsky’s influences, the ambiguity and inconsistency of the perception of his fiction and journalistic works in the literatures and cultures of foreign Slavs in various historical periods. Many of the articles presented in the collection contain valuable generalizing materials that reveal the specifics of the reception of Dostoevsky’s work in individual countries and make it possible to trace the dynamics of this reception over the past century and a half. At the same time, the book also presents debatable points of view that inevitably arise when considering the creative heritage of Dostoevsky and once again confirm the complexity and depth of the questions he posed. The articles of individual authors that make up the book reflect their individual views, observations and conclusions. The collection is intended for a wide range of specialists in Slavic literatures and cultures and for all readers who are not indifferent to the work of the great Russian writer.

Contents

From the editorial board.....	11
L.N. Budagova <i>F.M. Dostoevsky at Home and Abroad. Instead of Preface</i>	13
Bulgaria	
V.I. Kosik <i>Dostoevsky. Slavic World. Bulgaria</i>	23
M.G. Smolyaninova <i>“Dostoevsky is the Great Defender and Intercessor of the Bulgarian People at a Fateful Moment in Their History”</i>	55
Poland	
A.V. Lipatov <i>Russian-Polish Antinomies: the Case of Dostoevsky</i>	67
L.A. Maltsev <i>Ethnotypes and Ethnocharacters of F.M. Dostoevsky in the Reception of Polish Writers</i>	89
N.E. Ananyeva <i>Polish Linguistic Elements in the Works of F.M. Dostoevsky</i> ...	107
Serbia	
S.N. Meshcheriakov <i>Fyodor Dostoevsky’s Legacy in the Works of Mirko Kovač and Miodrag Bulatović</i>	141
Slovakia	
M. Kusá <i>F.M. Dostoevsky as an Emblem — on the Reception of His Work in the Slovak Cultural Space Over Time</i>	153
A.Yu. Peskova <i>F.M. Dostoevsky on the Modern Slovak Stage</i>	171
L.F. Shirokova <i>The Originality of F.M. Dostoevsky’s work in the interpretation of the Slovak Writer Ján Johánides</i>	187
Croatia	
J. Vojvodić <i>The Evolution of the Reception of Dostoevsky in Croatia</i>	199
Czechia	
I. Pospíšil <i>On the Czech and Slovak Dostoevsky Reception in the 20th and 21st Centuries: František Kautman, Andrej Červenák and Around</i>	219
I.A. Gerchikova <i>Perception of F.M. Dostoevsky’s works in Czech Culture and Society</i>	237
J. Bilek <i>F.M. Dostoevsky in Czech Literary Culture</i>	257
A.V. Amelina <i>F.M. Dostoevsky in the Czech Environment of the 1920s: Left Wing Periodicals</i>	269
Ye.F. Firsov <i>Understanding the Legacy of F.M. Dostoevsky in the Correspondence of T.G. Masaryk and in His Work “Russia and Europe”</i>	281
Name index	295
Dostoyevsky’s works index	315
Brief information about the authors and the reviewers	317

Фото сделано в 2012 г. в Академии наук Чешской Республики
во время вручения Л.Н. Будаговой медали Йозефа Добровского

От редколлегии

Работа над этой книгой начиналась в 2021 г. — в год празднования 200-летия со дня рождения Федора Михайловича Достоевского — под руководством заведующей Отдела истории славянских литератур Института славяноведения, известного слависта-литературоведа Людмилы Норайровны Будаговой (1932–2022). Она давно вынашивала замысел проведения международного научного форума, посвящённого Ф.М. Достоевскому, который объединил бы славистов из разных стран и послужил бы началом подготовки труда о восприятии творчества великого русского писателя в славянских культурах. В октябре 2021 г. в стенах Института славяноведения удалось провести такую конференцию, собравшую участников из шести славянских государств. Людмила Норайровна открывала ее своим пленарным докладом и председательствовала на заключительном заседании, а сразу же по окончании приступила к работе над этой книгой. Вступительная статья, в которой она предлагает свое видение Достоевского, подходов к изучению его творчества и разрабатывает концепцию данного издания, стала последним научным текстом, написанным ее рукой.

Людмиле Норайровне Будаговой

мы и посвящаем эту книгу.

Ф.М. Достоевский на родине и за рубежом*Вместо предисловия*

Книгу «Ф.М. Достоевский и славянство» подготовил Отдел истории славянских литератур Института славяноведения РАН. Одно из направлений работы Отдела — исследование литературных связей, сосредоточенное на связях межславянских. В ходе этих междисциплинарных исследований на грани славяноведения с русистикой возникли такие труды, обогащающие представления о выдающихся представителях русской литературы, как «А.С. Пушкин и мир славянской культуры» (2000), «Н.В. Гоголь и славянские литературы» (2012), «М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян» (2016).

Федор Михайлович Достоевский, которому посвящен данный труд, — самый трагичный по судьбе и творчеству русский классик и, пожалуй, самый противоречивый. Отразивший и во многом опередивший свое время, пророчески заглянувший в будущее, он до сих пор привлекает интерес исследователей и читателей как на родине, так и за ее пределами. Отношение к нему неоднозначно, хотя его величие человека и творца давно доказано и зафиксировано в богатейшей библиографии трудов, ему посвященных. С преклонением перед ним спорит настороженное и даже отрицательное отношение к его творчеству.

Всем, конечно же, знаком воздвигнутый возле Российской государственной библиотеки, бывшей «Ленинки», памятник Федору Михайловичу Достоевскому, уютно расположившемуся в кресле. За его спиной — кладезь несметных литературных богатств, которые Достоевский, внесший туда свой вклад, будто призван расположением своего памятника олицетворять, символизировать, становясь объектом всенародного культа. Вместе с тем в одном из

недавно опубликованных интервью известный российский литературовед и критик И. Золотусский, отвечая на вопрос о лучших, по его мнению, писателях в истории русской литературы, не включил Достоевского в свой список: «Произведения Достоевского для меня похожи на спуск в подвал с фонарем: ниже и ниже опускаешься, видишь черт знает чего, что есть в человеке, и ужасаешься. [...] По-моему, Достоевского любить нельзя. Можно любить Чехова, Толстого, Есенина, Лермонтова, Тургенева»¹.

О вкусах не спорят (известно, к примеру, что Лев Толстой не любил Шекспира), но одна из задач исследователей творчества Ф.М. Достоевского — уменьшать разрыв между его почитанием и ниспровержением, показывая не мрак, а свет «в конце туннеля», в сути его творческой деятельности.

Заканчивая свою речь, произнесенную 8-го июня 1880 г. в зале Благородного собрания (ныне Колонный зал Дома союзов) на втором заседании Общества любителей российской словесности по случаю открытия 6-го июня памятника А.С. Пушкину в Москве, Ф.М. Достоевский сказал: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»².

Нечто подобное можно сказать и о самом Достоевском, хотя тайна у него своя, особая. Он находится на иной, чем Пушкин, более темной стороне Олимпа, где больше туч, чем солнца. Если один — родник оптимизма для писателей и читателей, то другой — источник более сложных, противоречивых и в чем-то взрывоопасных

¹ «Возрождение через Гоголя». Интервью Игоря Малышева с И. Золотусским // Литературная газета. № 47. 25.11–01.12.2020. С. 10–11.

² *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 149.

ощущений и чувств. «Художественный мир Достоевского тревожен и катастрофичен», — фиксируют современные исследователи, подчеркивая его «пристальный и постоянный интерес» к ««капризным» и парадоксальным явлениям психики, [...] к странным и невероятным поступкам, которые, однако, глубоко, изнутри, “антропологически” и характерологически мотивированы»³. Этот мир оказывает на читателей далеко не всегда благотворное влияние. В историю чешской литературы вошли два эпизода из жизни Й.Св. Махара (1864–1942) и Э. Гостовского (1908–1973). Под впечатлением от романа «Преступление и наказание» юный Махар решил было лишить жизни старую лавочницу со Староместской площади в Праге. «Сколько же я натерпелся от этой страшной книги», — вспоминал он позже в своих мемуарах⁴. Восемнадцатилетнего Гостовского то же произведение вдохновило на роман, герой которого, студент, замышляет убийство ненавистного профессора математики, чьим прообразом был преподаватель гимназии в Находе, где учился Гостовский⁵.

Устами Макара Девушкина из романа «Бедные люди» Ф.М. Достоевский просто и понятно объяснил свою сугубо гуманистическую концепцию литературного труда, призванного не только с документальной правдивостью отражать жизнь и чувства людей, но и служить нравственному воспитанию читателя: «А хорошая вещь литература. [...] Очень хорошая. [...] Глубокая вещь! Сердце людей укрепляющая, поучающая. [...] Литература, это — картина,

³ *Ориатская Т.И., Туниманов В.А.* Достоевский Федор Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 175.

⁴ *Mačar J.S.* Konfese literáta. 1900–1901. Díl 1. Praha, 1927. См. подробнее: *Будогова Л.Н.* Чешская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 2. М., 2001. С. 87.

⁵ Об этом см.: *Папоушек В.* Очарование неизвестного. Идеология чешского модернизма и русский авангард // Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований. М., 2021. С. 270.

то есть в некотором роде картина и зеркало; страсти выражение, критика такая тонкая, поучение к назидательности и документ»⁶.

Судьбе и личности Ф.М. Достоевского, его взглядам, философии, верованиям, поэтике, отдельным произведениям и творчеству в целом посвящено огромное количество работ российских и зарубежных авторов, современников писателя и потомков, среди них В. Розанов, Ю. Тынянов, Н. Бердяев, В. Вересаев, А. Луначарский, Л. Гроссман, М. Бахтин, А. Белкин, А. Жид, А. Камю, А. Зегерс, С. Цвейг и т.д. Число исследователей его творчества непрерывно растет. Однако в ряду трудов о Достоевском, приведенных в Краткой литературной энциклопедии⁷, из работ, созданных в славянском зарубежье, упоминается лишь одна книга — сборник статей Т.Г. Масарика⁸. Правда, его автор и сам выдающаяся личность — философ и политик, профессор университета и первый президент независимой Чехословакии, возникшей в 1918 г. Причем такой президент, от которого бы не отказался ни один народ. (И вряд ли среди личностей такого ранга есть еще кто-нибудь, кто бы писал о Достоевском). Но тем не менее в КЛЭ указана всего лишь одна, хоть и высококачественная работа, изданная в славянской стране. В биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» (1992) в обширном списке трудов о Ф.М. Достоевском приводится уже несколько работ чешских, польских, болгарских, сербских авторов, созданных у них на родине. И все же голоса русистов и славяноведов из западно- и южнославянских стран как бы теряются (за редким исключением) в посвященном Достоевскому исследовательском многоголосье. Их усиление с помощью данной коллективной монографии, бесспорно, внесет свой вклад в достоевсковедение, содействуя расширению его горизонтов.

⁶ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Л., 1984. С. 51.

⁷ Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. С. 758–767.

⁸ *Masaryk T.G.* Studie o F.M. Dostojevském. Praha, 1932.

Картина восприятия произведений Ф.М. Достоевского в славянском зарубежье была намечена уже в трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997, 2001). Его имя упоминается там либо в обойме русских классиков, способствовавших формированию реалистических направлений в славянских литературах, либо в конкретизации его воздействий на отдельных писателей. С тех прошло двадцать лет, изменился состав авторов, занимавшихся этой проблематикой, и оптика рассмотрения материала. «Историю литератур западных и южных славян» создавали отечественные литературоведы, это был взгляд на проблему «изнутри» русской культуры. В настоящем труде участвовали и зарубежные ученые, рассматривая творчество классика со своих, «внешних» позиций. Если в «Истории...» участие Достоевского в жизни славянских литератур раскрывалось в общем ряду других писателей, чей опыт помогал их развитию, то данная книга полностью сосредоточена на связях славянского зарубежья с Ф.М. Достоевским.

Казалось бы, о творческом наследии писателя уже все сказано и добавить к этому нечего. Принимая во внимание сходное мнение И.Л. Волгина, крупнейшего в нынешней России исследователя жизни и творчества Достоевского, автора множества книг, восполняющих пробелы недостающих знаний, добавим от себя, что возможно не только дополнять, но и переосмысливать уже сказанное и вроде бы бесспорное. Каждое время, как и каждый исследователь, способны воспринимать прочитанное по-своему, расставляя в нем свои акценты, что-то подтверждая, а что-то оспаривая.

На наш взгляд, требуют уточнения вопрос о месте Ф.М. Достоевского на литературной карте мира и не слишком популярная в современном литературоведении проблема творческого

метода писателя и направления, к которому он принадлежит. Практически все исследователи считают его реалистом. Реалистом считал себя и сам Ф.М. Достоевский, правда, реалистом особенным, «фантастическим», что исключало изображение «типических характеров в типических обстоятельствах», а нацеливало на исключительное. «Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по моему, не есть еще реализм, а даже напротив»⁹, — полагал писатель. Ориентация на исключительное, но при этом глубокая социально-психологическая мотивировка характеров и ситуаций и «продвижение эстетического видения вглубь, в новые глубинные пласты, но не вглубь бессознательного, а в глубину — высоту сознания»¹⁰ (М. Бахтин), бесспорно способствовали модернизации реализма, его переходу на более высокую ступень развития. Однако качества поэтики писателя, повышенная эмоциональность, по сути, экспрессивность поступков и характеров героев, сближают его с экспрессионизмом, еще не распознанным и не зафиксированным в XIX в. как особое явление. Экспрессивность как качество поэтики Достоевского признавалась и признается, но то, что он был, по сути дела, предшественником экспрессионизма или даже отчасти первым в русской литературе экспрессионистом, не отмечается, а жаль. С экспрессионизмом писателя роднит не только повышенная эмоциональность некоторых рассуждений и поступков персонажей, но и его внимание к пограничным состояниям героев между жизнью и смертью, верой и безверием, нравственностью и порочностью, готовностью к преступлениям и страхом наказаний за них. Если все же не отлучать Достоевского от реализма, то вполне возможно назвать его метод не «фантастическим», а «экспрессивным»

⁹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 19.

¹⁰ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 313.

реализмом. Недаром именно на Достоевского опирались чешские экспрессионисты начала XX в. в пору формирования в национальном искусстве экспрессионистского направления.

* * *

Наиболее сложный период творческое наследие Ф. М. Достоевского переживало в своем отечестве во времена сталинизма, когда литература и международные культурные связи были под строгим надзором правительственных органов. Именно тогда были в ходу связанные с произведениями Достоевского пейоративные понятия «достоевщина», «карамазовщина», вызывавшие особое раздражение А. М. Горького. Даже после «оттепели», уже где-то в начале 1980-х гг., разыгравшуюся в Москве трагедию — убийство кинозвездой Валентиной Малявиной своего мужа, тоже актера, советская журналистика связала с погружением семейной пары в творчество Достоевского.

Встречаются свидетельства (в частности, известного исследователя русской классики профессора В. Н. Захарова, почетного председателя Международного общества Достоевского), что его творчество, как и имя, были после войны практически под запретом. Однако на моей книжной полке стоит увесистый том его «Избранных произведений», выпущенный издательством «Художественная литература» в 1946 г. Туда вошли романы «Белые ночи», «Бедные люди», «Село Степанчиково и его обитатели», «Преступление и наказание», рассказы «Кроткая», «Мужик Марей», «Сон смешного человека». Достоевского не запрещали, выборочно издавали, но в школе долгое время «не проходили».

С тех пор ситуация нормализовалась. В школе его творчество изучают, его произведения определяют темы экзаменационных сочинений. Неуклонно пополняется список издаваемых о нем трудов.

Широкий размах получила в нашей стране подготовка к 200-летию писателя в 2021 г. Среди проведенных мероприятий — открытие юбилейной выставки в Музее Ф.М. Достоевского (ул. Достоевского, 2), в здании бывшей Мариинской больницы для бедных, в которой когда-то работал отец писателя; телевизионный цикл лекций и бесед о Достоевском для молодежи на телеканале «Культура»; Международный съезд учителей и преподавателей русской словесности в стенах МГУ им. М.В. Ломоносова, где практически все выступавшие (Патриарх Кирилл, ректор МГУ В. Садовничий, министр науки и высшего образования РФ В. Фальков, председатель Совета при Президенте РФ по русскому языку В. Толстой (потомок Л.Н. Толстого) и др.) говорили о Достоевском. В приверженности гению мировой литературы расписались представители самых разных слоев российского общества. О юбилее Достоевского писали СМИ. Так, ему был посвящен целый номер «Литературной газеты» (№ 45, 10–16 ноября 2021 г.), помимо прочего включивший в себя статьи М. Замшева «Пора прислушаться» и И. Кабыш «Проявление гениальности. Поэты серебряного века как герои русского классика», интервью с И. Волгиным («Мучительный акт самопознания»), с президентом Международного общества Достоевского К. Аполлоньо («Русский ясновидец») и переводчиками произведений Достоевского на иностранные языки.

Данный труд создан на основе международной конференции, состоявшейся в Институте славяноведения РАН 19–20 октября 2021 г. В ней приняли участие ученые из Чехии, Словакии, Сербии, Хорватии, Украины, сотрудники научных институтов и преподаватели российских и зарубежных университетов. Среди докладчиков были

не только те, с кем давно и успешно сотрудничал наш Институт, но и те, кто побывал у нас впервые, в том числе зарубежные представители молодых поколений, взаимосвязи с которыми, как хочется надеяться, продолжатся.

Материалы данного коллективного исследования могут (и должны) подчеркнуть и усилить славистический аспект в современном достоевковедении. Активное участие в этом труде иностранных ученых подтверждает наблюдение о большом интересе к творчеству Достоевского за рубежом, о том, что на лекции о Достоевском в иностранных университетах и на посвященные ему там курсы собирается порой больше студентов, чем у нас.

В то же время хотелось бы сказать и о подмеченном на Западе феномене восхищения Достоевским без понимания его творчества, когда его не анализируют, а просто им восторгаются. Попутно высказывается мысль, что Запад никогда не понимал русского классика¹¹. Однако непонимание или недопонимание столь сильной и разносторонней личности, вероятно, есть не только на Западе, но и в России. Так что в целом мы еще далеки от успехов в разгадывании тайн столь великого человека и его творчества. Здесь есть еще над чем работать.

А теперь — всего лишь пара бытовых штрихов из зарубежных впечатлений, свидетельствующих о мировом признании Ф.М. Достоевского. В Швейцарии, к примеру, где побывало много русских писателей от Карамзина до Солженицына, знаки памяти хранятся далеко не обо всех. О Достоевском они сохранились. В центре Женевы, на улице, ведущей от городского вокзала к Женевскому озеру, на втором этаже старого, но вполне комфортабельного дома, можно разглядеть запыленную мемориальную доску,

¹¹ Об этом см.: *Папоушек В.* Очарование неизвестного. С. 267-247.

омываемую лишь дождями, с надписью по-французски, что в этом доме жил с семьей знаменитый русский писатель Достоевский. А теперь заглянем в Италию, в летнюю ночную Пизу, где на улицах полно отдыхающего от дневной жары народу. Еще открыт книжный магазин, за его стойкой — молоденькая продавщица, читающая в ожидании покупателей какую-то книгу. Автору этих строк удастся рассмотреть обложку, на которой выведено — DOSTOEVSKIJ.

Б О Л Г А Р И Я

В.И. Косик

Достоевский. Славянство. Болгария

Пролог

По сути дела, вся всемирная история человечества представляет собой постоянный взаимообратный процесс перехода от рабства к свободе, вбирающий в себя неисчислимое количество путей, характерных для каждого отдельного освобождения и закрепощения. Такая сентенция применима к любому народу на земле. Не является исключением и Болгария, последовательно переживавшая указанные фазы. Достаточно вспомнить турецкое иго, которое сменило, по мнению некоторых болгар, русское владычество. Потом, после войн и некоторого роздыха, предоставленного стране Европой, опять наступило время войн и очередного «закрепощения» Болгарии Россией, укрытой под четырехбуквенным обозначением СССР. Затем опять наступило время освобождения от «вечных братушек», страна которых была развалена. Сейчас Болгария встала на путь перехода в Европу. Какие плоды принесет это болгарам, трудно предсказывать, но одно очевидно: любое освобождение всегда связано с закрепощением, и, приобретая свободу в одной сфере, теряешь ее в другой. Однако я не хотел бы заниматься «плетением словес». Все же за прошедшие века существования Болгарии в ее истории наблюдались упомянутые процессы, связанные напрямую с Россией — освободительницей и «хозяйкой».

Именно феномены русофильства и русофобства постоянно «всплывают» при освещении известных пророчеств Ф. М. Достоевского, много внимания уделившего болгарам, их отношению к

России. Эти два условных феномена, применяемые мною здесь, весьма удобны для того, чтобы осветить то сложное восприятие России в болгарских головах, да и в русских тоже, которое не раз затрудняло понимание друг друга. Впрочем, и сейчас наши отношения далеки от желаемых.

Безусловно, для болгарского народа имя России было священным на протяжении веков.

Вера в мессианское предназначение России обернулась не только формированием образа освободителя «дядо Ивана» (в годы царствования Николая I гораздо чаще можно было услышать «дядо Никола»), но и возникновением мнения об особом характере болгаро-русских отношений. Эти прорусские симпатии особенно ярко проявились во время русско-турецких войн. Традиционные настроения постепенно меняются после поражения России в Крымской войне. Многие из русофилов уже не хотят таковыми называться. Облегчения участи страны ищут даже в милости султана, в смене религии, в восстании. Вера, надежда и любовь к России пошатнулись — особенно в политизированной интеллигенции, настойчиво искавшей свой путь к национально-церковному освобождению страны и собиранию исторических земель.

Один из великих учителей болгарского народа Любен Каравелов, выпускник Московского университета, как и многие, надеялся, верил, ожидал реальной помощи от России в освобождении от турецкого ига, что, впрочем, не мешало ему и критиковать ее весьма яростно за отсутствие немедленной помощи, даже считать Россию виновницей того, что болгарский народ продолжает страдать, мучиться, быть попраным уже пятьсот лет османликами. Видимо, Каравелов в царской власти видел своеобразную мертвую силу, деспотию, мучающую свой народ и не желающую поспешить с освобождением болгар.

В 1874 г. в газете «Независимость» тот же Каравелов подчеркивал, что нет такого русского, который поднимет свою руку на

православного славянина, страдающего под турецким игом, что нет такого русского, который пожертвовал бы славянскими интересами в пользу Габсбургской династии, что нет такого русского, который отказался бы от своих братьев в пользу «паршивого монгола». «Мы твердо уверены, что Россия не может быть нам врагом и что русско-турецкая дружба не может просуществовать долго. Россия никогда не откажется от нас и никогда не позволит другим народностям погрязнуть славянское имя»¹.

Здесь стоит привести и отрывок из написанного в 1876 г. и неоднократно публиковавшегося стихотворения «Россия» болгарского классика Ивана Вазова:

И, как сыны, тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию, —
Ждем, потому что ты Россия!

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. известно деятельное участие России в новообразованном Болгарском княжестве: русский ставленник на престоле, русский офицер на посту военного министра, русский генерал в кресле премьер-министра в 1882–1883 гг. И здесь же отказ в поддержке осуществленного без ведома России соединения Южной и Северной Болгарии в 1885 г., удаление из страны первого болгарского князя Александра Батенберга, отношения с которым были безнадежно испорчены, приглашение болгарами на пустующее место католика Фердинанда Кобургского. Государственная власть попала в руки русофобов.

Русофильство стало подозрительным, даже гонимым. Прорусское сменилось антирусским.

И еще одно замечание: и русофильство, и русофобство характерны для страны, только встающей на путь своего государственного развития, когда молодая государственность нуждается

¹ Каравелов Л. Собрани съчинения. София, 1967. Т. 8. С. 107.

в помощи и опекунстве, когда набирающий силы национализм с его лозунгом «Болгария для болгар» ищет опору для освобождения от плотного опекунства бывших освободителей.

Русофильство было особенно популярно в доосвободженческое время Болгарии, когда на Россию возлагались надежды освобождения братского болгарского народа от турецкого владычества, т. е. с ожиданиями.

Русофобство, его проявления характерны для времени, наступившего после долгожданного избавления от османов, и связано с процессом становления болгарской государственности, когда русские только «мешали» этому процессу, т. е. с разочарованием.

Повторю, что если русофильство имело более мощную корневую базу, связанную с культурой, этносом, традицией, то русофобство возникало на политической почве, когда, как писал один из русских дипломатов, все хорошее приписывалось болгарским властям, а все плохое — России.

В своей дневниковой записи от 6 декабря 1886 г. «болгарский Бисмарк» С. Стамболов писал: «В нашей борьбе с турками Россия была для нас святая, мы на нее смотрели с полным и беспредельным доверием, от нее мы ожидали, что она нам поможет и нас освободит, и, действительно, наши надежды оправдались! Тогда мы глядели с ненавистью и отвращением не только на турков, но и на австрийцев, на немцев, а больше всего на англичан, потому что они поддерживали сторону турков и [...] кричали, что Россия не идет освобождать христиан от турков, но идет их поработать и со временем завладеть и поглотить. Какой болгарин верил этим немецко-английским бессмыслицам? Кто не относился к ним с презрением и даже с отвращением как к подлым и бесчестным интригам? [...] Сейчас многие болгарские деятели, которые 10–12 лет назад отдали бы жизнь под русскими знаменами в войне с Германией, Австрией и Англией, не подумали бы помогать русским,

и даже желали бы, чтобы русские были. побеждены, чтобы Болгария могла свободно вздохнуть и укрепиться внешне и внутренне как государство. Одно время турки душили болгарскую свободу и народность, сейчас то же самое хотят делать наши братья освободители. Одно время всякое зло для болгар шло из Царьграда, сейчас идет из Петербурга. Одно время мы боролись и сторожились от турков, сейчас то же самое с русскими. О, как изменились дела: поэтому не странно, что изменились и симпатии болгар. Послушные до вчерашнего времени русским, мы сегодня боимся их как огня и чумы. Когда мы поняли, что Россия хочет уничтожить Царство наше, захватить нашу землю, погубить народность нашу и усесться в нашем доме, мы [...] собрали силы, и началась между Россией и нами страшная и непримиримая дипломатическая война, война между освободителями, сейчас превращенными в грабителей, и освобожденными, между маленьким и слабым Давидом и исполином Голиафом².

Здесь соседствует правда со страхом, представление России как абсолютного зла для Болгарии, не желающей стать своеобразным ягненком для «русского волка». Могу сказать здесь лишь одно: Россия не собиралась оккупировать Болгарию, чего так опасались Стамболов и его окружение.

И еще: тогдашняя обстановка в стране воспринималась русской и болгарской сторонами в своеобразном кривом зеркале, где каждая из сторон видела другую в превратном виде.

Гораздо более понятно его никем не оспариваемое изречение: «Русия ни освободи, кой же ни освободи от Русия?!» («Россия нас освободила, кто нас освободит от России?!»). И здесь Стефан Стамболов сам прилагал к этому «освобождению» немалые усилия.

А пока, если говорить о болгарских националистах, то их неприязнь, недоверие к России, ее политике могла бы быть

² Стамболов С. Дневник. София, 1991. С. 106–107.

сконцентрирована, как я понимаю, в следующих моих словах-объяснениях.

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.
2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.
3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.
4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?
5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?
6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?
7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.
8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.
9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда для нее «меньший брат».

Можно ли здесь говорить о русофобстве? Тяжелый вопрос. Можно ответить, что оно не относится к русскому народу, а только к политикам, для которых Болгария, где правящие круги все больше ориентировались на Германию, переставала быть союзницей номер один. Софию можно было понять: здесь и победы немецкого оружия на протяжении длительного времени в годы Первой мировой войны, и обещания Берлина удовлетворить без проволочек ее претензии, прежде всего, на спорные македонские земли. Соответственно, Россия, активно поддерживавшая сербов, «заклятых врагов» болгар, «теряла» свое значение. «Апофеозом» русской дипломатии стало объявление в 1916 г. войны Болгарии.

Революции в противоборствующих странах смешали все карты.

Замечу только: с уничтожением самодержавия русофобство «сжеживается» — нет больше русской угрозы, да и сама Болгария после поражения в Первой мировой войне занялась другими делами.

Сам «русский вопрос» в его двух обличьях все больше превращался в «русский фактор».

Если говорить о последующей истории Болгарии и русском вопросе/факторе, то надо сказать здесь о царе Борисе III.

Именно «укорененное русофильство»³ в народе, по признанию монарха, не позволяло ему послать своих солдат на Восточный фронт во время Второй мировой войны. Было ли это проявлением «русофильства» или «русофобства» со стороны болгарских властей, судить трудно, даже невозможно. Здесь важно другое — отказ идти сражаться с русскими, даже если они и носят советские гимнастерки.

Именно Красная армия в 1944 г. начала освобождение болгарской земли от немецких солдат. Этому предшествовало объявление 5 сентября того же года Болгарией войны Германии и Японии, в тот же день СССР объявляет войну Болгарии, чтобы иметь повод для ввода войск и болгарских изгнанников. «Софийское радио тут же прекратило все передачи и дрожащим тенорком какого-то эмигранта сообщало: “Господин, товарищ, маршал Советского Союза Толбухин, сообщите, где ваш штаб, чтобы прислать парламентариев для подписания перемирия”. После этого сообщения звучала музыка “Очи черные, очи жгучие...” [...] Наконец, через два часа перемирие было подписано»⁴.

Затем состоялась Парижская мирная конференция (29-го июля — 15-го октября 1946 г.). Болгарская сторона поставила вопрос

³ *Kolanović N.K.* Zagreb — Sofia: Prijateljstvo po mjeri ratnog vremena 1941-1945. Zagreb, 2003. S. 36.

⁴ *Тинин И.Г.* Бытие. Исход. Второзаконие: (История глазами очевидца): Династия Тининых и их с ними. Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 113-114.

о признании Болгарии «воюющей стороной», учитывая многочисленные жертвы и громадные деньги, ушедшие на войну, однако СССР (есть такое мнение) сказал «нет». Этот акт тоже был вписан в реестр русских грехов. Но здесь явная фальсификация: «нет» сказал Запад, несмотря на сопротивление СССР. Но чего «иные» не сделают, чтобы «очернить» Россию/СССР.

Тем временем наступали новые времена не только для болгарского народа, но и для русских.

Здесь можно привести следующие слова Сталина от 28-го марта 1945 г.: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе с друг другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства. [...] Как в Первую, так и во Вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы [...]. Мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов. Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т. к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия. [...] В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства. Заключив союз, славянские страны могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с большим успехом»⁵.

⁵ 1945. Шум времени 1953. Из дневника сталинского наркома Малышева В.А. // Независимая газета. 29 сентября 1999 г. С. 3.

Теперь немного о болгарском восприятии «старшего брата» с партийным билетом. Было бы глупо отрицать, что все болгарское население радостно встречало все нововведения властей, их политику, было готово воспринимать все, что идет из СССР. Только один пример. В январе 1949 г. И.В. Сталину был отослан доклад главного военного советника в Болгарии генерал-лейтенанта А.В. Петрушевского, который на фоне доброжелательного отношения к СССР все же отметил определенные попытки «некоторых лиц» уменьшить роль СССР в освобождении Болгарии. «Эти настроения, — писал он, — идут в основном по следующим линиям:

1. Роль Советского Союза в освобождении Болгарии невелика. Болгария своими силами совершила переворот 09.09.1944 г., опираясь на партизанское движение и на свои подпольные организации.

2. Дальнейшая экономическая помощь Советского Союза обходится Болгарии дорого, и не всегда товары, получаемые из СССР, высокого качества.

3. Особенно учиться у Советского Союза нечему.

Из этого может напрашиваться вывод о том, что Болгария, освобожденная своими силами, не особенно нуждается в помощи Советского Союза, может идти по своему «особому» пути⁶.

Депортированный из Белграда Константин Михайлович Григоров, потомок древнего рода, верно и славно служившего России, отмечал в своих воспоминаниях, что повсюду «висели транспаранты со словами благодарности русским, которых они называли “двойните освободители” (двойные освободители). Между тем это всё носило скорее казенный характер, так как со стороны населения не чувствовалось ко всем русским ни особой теплоты, ни дружеского отношения»⁷.

⁶ Советский фактор в Восточной Европе: в 2-х т. Т. 2. 1949-1953. Документы. М., 2002. С. 14.

⁷ *Григоров К.М.* Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех // *Григоров Н.К.* Воспоминания; сборник. Редакция 2008. Госрегистрация федерального депозитария электронных изданий № 0320801701.

Его сын Никита Константинович писал, что «возможно, этому была причина обилие казенного любвеобилия (извините за каламбур) к СССР и к “братьям освободителям”, что набило оскомину, ущемляло национальную гордость болгар». В то же время Н.К. Григоров подчеркивал, что он «от пребывания в Болгарии сохранил самые лучшие воспоминания, всегда встречал хорошее отношение со стороны болгар, не чувствовал себя чужим»⁸.

То же самое могут сказать все те, кто когда-либо бывал в Болгарии, особенно если они представляли сами себя.

Все смешала ликвидация социалистической системы.

Мысли и прогнозы Достоевского

Вначале вслед за многими исследователями творчества Достоевского подчеркну, что в своем видении России, ее задач на Балканах он органично сочетал роли и политика, и публициста, и философа. Чего было больше, можно задаться вопросом. Скорее всего, прогнозов, выдержанных в публицистическом стиле, на тему разрешения Восточного, точнее, Славянского вопроса, даже, можно сказать, Русской задачи.

В преддверии войны с Турцией (январь 1877 г.) Достоевский в своих «Дневниках писателя» писал: «А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы. Всем ясно теперь, что с разрешением Восточного вопроса двинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно, и которая, во всяком случае и наименее говоря, не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно»⁹.

⁸ *Григоров Н.К.* Заметки о себе и о времени. Болгария // *Григоров Н.К.* Воспоминания: сборник.

⁹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 9.

Рассуждения Достоевского о «третьей мировой идее», «новой стихии», хорошо укладывались в теорию Третьего Рима, в панславистские рассуждения, в саму политику покровительства славянам. Здесь Достоевский выступал сторонником создания нового славянского мира, которого и в мыслях не могла допустить цивилизованная Европа, отвергающая в корне возможность расширения европейских границ «азиатской» России, ее укреплении на Босфоре.

Себя, свои взгляды на славянофильство, он определял так: «Славянофильство [...] означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово»¹⁰.

Эти мессианские ноты проходят красной нитью во всех его текстах, связанных с Восточным вопросом, со славянскими народами. Здесь трудно, невозможно «анатомировать» Достоевского. Можно выбросить «душу», вернее всего заключающую в себя феномен православия. Он полагал, верил, что «народы Востока не могли не видеть в царе России не только освободителя, но и будущего царя своего»¹¹.

И тут же замечу, что в отличие от, грубо говоря, «западников», «верноподданный России» Достоевский выступал здесь, повторю еще раз, со славянофильских позиций, т. е. «славянство прежде всего». Даже, можно сказать, с имперско-славянофильских. Поэтому совсем неудивительно сугубое предчувствие того, что пробуждающийся национализм в Болгарии увидит преемника турецкого владычества, когда султана сменит царь. В его дневниковых записях есть такие строки: «Но увы, чуть ли не вся интеллигенция восточной райи хоть и зовет Россию на помощь, но

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 195.

¹¹ Там же. С. 68.

боится ее, может быть, столько же, сколько и турок». В доказательство своей правоты он приводил ее следующие слова: «Хоть и освободит нас Россия от турок, но поглотит нас как и "больной человек" и не даст развиваться нашим национальностям»¹². «Итак, — восклицал Достоевский, — вот их неподвижная идея, отравляющая все их надежды! А сверх того у них и теперь все уже сильнее разгораются и между собою национальные соперничества; начались они, чуть лишь просиял для них первый луч образования. Столь недавняя у них греко-болгарская церковная распря, под видом церковной, была, конечно, лишь национальной, а для будущего как бы неким пророчеством»¹³.

Был ли прав Достоевский? Здесь нет односложного и ясного ответа. Для начала надо отметить, что «боязнь поглощения» присутствовала, но не в абсолютной форме, да и сама история тех же болгар и сербов была различна, в том числе и в своих отношениях с Блистательной Портой. Замечу, что в шпудиях большинства болгарских исследователей поворот к так называемому русофобству объясняется именно упомянутой «боязнью». Так болгарский историк М. Стоянов почти сто лет назад писал, что своим «вмешательством» в освобождение его страны Россия нанесла вред вследствие искусственного перерыва эволюционного развития процесса освобождения Болгарии¹⁴. Может, он и был прав?

Страх «поглощения» присутствовал и в самой политике славян, «искавших» покровительства для своей свободы у европейских держав. Современная талантливая болгарская исследовательница Славяя Котова, тщательно исследовавшая названную проблематику, видимо, для читателей, не знакомых с «Дневником писателя», подчеркивает мысль Достоевского, что славяне видели в России свою «завоевательницу»¹⁵.

¹² *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 70.

¹³ Там же. С. 70–71.

¹⁴ См.: *Котова С.* Защитник на българите ли е Достоевский? // *History*. Vol. 25. No. 3. 2017. С. 252.

¹⁵ Там же. С. 262.

Теперь о втором утверждении Достоевского. В его словах о «национальном соперничестве» «славянско-православный провидец» был во многом прав. История славян содержит в себе немало примеров даже военного столкновения болгар с сербами. Исток лежит в самой истории болгар и сербов, обладавших в разное время, но на одной балканской земле, огромными территориями и властью. Этот ушедший «империализм», будь он болгарский или сербский, вновь пробудился в XIX в., столетии национальных движений, национального возрождения, исторической памяти. Да и в нашей современности отношения между болгарами и сербами не отличаются особой приязнью.

Достоевский многое предвидел, многое чувствовал, много печалился о судьбе славянства. Весьма ярко все это проявилось в церковном вопросе, заявившем о себе в болгаро-греческой церковной распри.

Забегая вперед, отмечу, что Достоевский позволял себе такие мысли: «Можно даже с вероятностью предсказать, что умри “больной человек”, и у них у всех тотчас же начнутся между собою смятения и распри на первый случай именно характера церковного, и которые нанесут несомненный вред даже и самой России; нанесут даже и в том случае, если бы та совершенно устранилась или была устранена обстоятельствами от решения Восточного вопроса. Мало того, смуты эти, может быть, отзовутся еще тяжелее для России, если она устранил себя от деятельного и первенствующего участия в судьбах Востока»¹⁶.

Во-первых, гипотеза о возможных расприх славян по вопросу церковному весьма сложна и поэтому слаба, да и не подтвердилась. Могли быть различные позиции, но распри?

Сами последующие рассуждения Достоевского совершенно укладывались в представление о России как империи-защитнице,

¹⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 71.

неразрывно связанной верой, языком и кровью с судьбами болгар и сербов. («Другие» славяне, такие как хорваты, совершенно не учитывались Достоевским. Почему? Возможно, впоследствии и они вошли бы во всеславянское царство, а пока европейская Вена была гораздо привлекательней, чем «азиатская» Москва). Отсюда и речи о «вреде для России» в случае ее «устранения», по Достоевскому.

Именно эта опасность при возможном отходе России от решения Восточного вопроса грозила и ей самой, этому славянскому Риму. Константинополь, или Царьград (как именовался он и в некоторых дипломатических документах), занимал большое место в рассуждениях Достоевского, о нем он много думал, писал, строил планы. Величайшей ошибкой «многих политических умов», по мнению писателя, была идея сделать этот город в случае падения Османского царства «международным», «каким-то серединным, общим, вольным, чтобы не было из-за него споров». Сам Достоевский, признавая всю важность этой «великолепной точки земного шара», предостерегал, что «международный Константинополь» станет «добычей» «цепких» англичан под предлогом охраны международного статуса Константинополя¹⁷. В отличие от Н.Я. Данилевского, считавшего, что «Константинополь должен, когда-нибудь, стать общим городом всех восточных народностей. Все народы будут-де владеть им на равных основаниях вместе с русскими, которые также будут допущены ко владению им на основаниях, равных с славянами»¹⁸, у Достоевского было иное видение, более жесткое.

Выступая четко с позиций представителя Великой державы России, он писал: «Великан Гулливер мог бы, если б захотел, уверять лилипутов, что он им во всех отношениях равен, но ведь это было бы очевидно нелепо. [...] Константинополь должен быть *наш*,

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 71.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 83.

завоеван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки. [...] Мы, конечно, владея им, можем допустить в него и всех славян и кого захотим, еще сверх того, на самых широких основаниях, но это уже будет не федеративное владение вместе со славянами городом. Да взять уже то, что федеративного соединения славян между собою еще целый век не добьетесь. Россия будет владеть лишь Константинополем с его необходимым округом, равно Босфором и проливами, будет содержать в нем войско, укрепления и флот, и так должно быть еще долго, долго. [...] А что если и займет теперь Россия Константинополь, то единственно потому, что у ней, в задачах ее и в назначении ее, есть кроме славянского и другой вопрос, самый великий для нее и окончательный, а именно Восточный вопрос, и что разрешиться этот вопрос может только в Константинополе. Федеративное же владение Константинополем разными народцами может даже умертвить Восточный вопрос, [...] так как он тесно связан с судьбою и с назначением самой России [...]. Не говорю уже о том, что все эти народцы лишь перессорятся между собою в Константинополе [...]. Россия может сказать тогда восточным народам, что она потому берет себе Константинополь — “что ни единый из вас, ни все вы вместе не доросли до него, а что она, Россия, доросла”. И доросла. Именно теперь наступает этот новый фазис жизни России. Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия [...]. Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и *всех восточных* народностей, не различая их с славянами. [...] Лишь она одна способна поднять на Востоке знамя новой идеи и объяснить всему восточному миру его новое назначение. Ибо что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России»¹⁹.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 83–85.

Можно выдвинуть гипотезу, что Достоевскому Константинополь представлялся Иерусалимом, городом священным в христианском мире. Отсюда у него такие патетические строки. Добавлю, что история рисовала другие картины, в которых Россия не была тверда в необходимости похода на Царьград. Можно сказать, что теория не подтверждалась практикой вследствие множества причин, прежде всего имевших международный характер. И русский щит не был прибит к вратам Царьграда.

Возвращаясь к теме русско-турецкой войны, Достоевский писал такие строки: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь “братьев-славян”, измученных турками, поднимаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхаемся, сидя в немощи рабства и в духовной тесноте»²⁰. И далее величаво: «Дрогнули сердца истинных врагов наших и ненавистников, которым мы два века уже досаждаем в Европе»²¹.

Кто же эти «враги»? У Достоевского это «жиды европейские» и «жидовствующие христиане». Очень, на первый взгляд, странное сочетание. Однако здесь, возможно, речь идет о либералах, видевших в России потенциальную угрозу.

В своих размышлениях о Восточном вопросе и славянстве Достоевский много места отводит именно болгарам, для освобождения которых и была затеяна война.

«Еще до объявления войны я, — пишет Достоевский, — помню, читал в самых серьезнейших из наших газет, при расчете о шансах войны и необходимо предстоящих издержках, что, конечно, “вступив в Болгарию, нам придется кормить не только нашу армию, но и болгарское население, умирающее с голоду”. Я это сам читал и могу указать, где читал, и вот, после такого-то понятия о болгарях,

²⁰ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 95.

²¹ Там же. С. 97.

об этих угнетенных, измученных, за которых мы пришли с берегов Финского залива и всех русских рек отдавать свою кровь, — вдруг мы увидели прелестные болгарские домики, кругом них садики, плоды, скот, обработанную землю, родящую чуть ли не сторицею, и, в довершение всего, по три православных церкви на одну мечеть, — это за веру-то угнетенных! “Да как они смеют!” — загорелось мгновенно в обиженных сердцах иных освободителей, и кровь обиды залила их щеки. “И к тому же мы их спасать пришли, стало быть, они бы должны почти на коленках встречать. Но они не стоят на коленках, они косятся, даже как будто и не рады нам! Это нам-то! Хлеб-соль выносят, это правда, но косятся, косятся!..” [...] А другие так вывели потом, что русские-то причиной всех несчастий болгарских: что не грозили бы мы прежде, не зная дела, за угнетенного болгарина турке и не пришли бы потом освобождать этих “ограбленных” богачей, так жил бы болгарин до сих пор как у Христа за пазухой. Это и теперь еще утверждают [...]. Я, конечно, не возьму у него ничего, потому что я благородный человек, да, правда, и власти не имею, но все же он должен *чувствовать* и навеки быть благодарным, потому что раз я к нему вошел, — все, что у него есть, это все равно, что *я ему подарил*. Отнял у его угнетателя турка, а ему возвратил. Должен же он понимать это. А тут вдруг его никто не угнетает — какая обидная неприятность, не правда ли?»²²

Сам Достоевский давал такой комментарий: «Обнаружилось, во-первых, что болгарин ничем не виноват в том, что он трудолюбив и что земля его родит во сто крат. Во-вторых, в том, что и “косился”, он не виноват. Взять уж одно то, что он четыре столетия — раб и, встречая новых господ, не верит, что они ему братья, а верит только, что они ему новые господа, да сверх того еще боится прежних господ и тяжело про себя думает: “А ну как те опять вернутся

²² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 73-74.

да узнают, что я хлеб-соль подносил?” Ну, вот от этих-то внутренних вопросов он и косился — и ведь прав был, вполне угадал, бедняжка: после того как мы, совершив наш первый, молодецкий натиск за Балканы, вдруг отретировались, — пришли ведь к ним опять турки и что только им от них было — теперь уже достояние всемирной истории! Эти красивые домики, эти посевы, сады, скот — все это было разграблено, обращено в пепел и стерто с лица земли»²³.

Здесь великий писатель с нескрываемой горечью, даже злостью, пишет об «английской правде», высказанной корреспондентом газеты «Дейли Ньюс» Форбесом: «Он *искренно* признает, что турки имели “полное право” истребить все болгарское население к северу от Балкан, в то время, когда русская армия перешла через Дунай. Форбес почти жалеет (политически, конечно), что этого не случилось, и выводит, что болгаре должны быть обязаны вечною благодарностью туркам за то, что те их тогда не прирезали всех поголовно, как баранов. [...] Он потому только выразился так, что это были всего только славяне-болгаре. Какое же после этого у них у всех в Европе родовое, кровавое презрение к славянам и славянскому племени! Считаются все равно что за собак! Допускается возможность и разумность прирезать всех до единого, все племя, с женами и детьми [...]. Тут именно, именно причину какая-то западно-европейская гадливость ко всему, что носит имя славянства»²⁴.

Эти «нехорошие» сюжеты служили Достоевскому, чтобы повторять и повторять свои мысли о задачах России, будущего славянства. В позиции западного мира он предполагал наличие «какого-нибудь инстинкта, предчувствия, что все эти славянские восточные племена, освободясь, займут когда-нибудь огромную роль в новом грядущем человечестве, вместо сбившейся с правого пути старой цивилизации, и станут на ее место? Сознательно западные

²³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 74.

²⁴ Там же. С. 76-77.

люди, конечно, это не могут теперь представить и допустить даже, точно так же, как нельзя им представить гнезда клопов — за что-то высшее и грядущее сменит их. Но тут Россия, [...] тут показалось уже зная будущего, а так как Россия не “гнездо клопов”, как для них болгары, а гигант и сила, не признать которую невозможно, и так как Россия тоже славянская нация, то как, должно быть, эти западные люди ненавидят теперь и Россию в сердцах своих даже инстинктивно, безотчетно, радуясь всякому ее неуспеху и всякой беде ее! Именно тут инстинкт, тут предчувствие будущего»²⁵.

Здесь Федор Михайлович, как и полагается твердому славянофилу, прямолинеен в своих прогнозах. Восточные славяне — речь идет о Балканах — ушли на Запад. Россия, за исключением небольших временных периодов, по-прежнему, рождает недоверие в западном мире. Хотя замечу, что «западные люди» — не весь Запад. Были и есть другие люди, мысли, оценки. Здесь все же больше публицистики, нежели анализа тогдашней обстановки.

И в то же время само отношение у Достоевского к славянам нельзя назвать прекраснородушным. Прочитав одну из его нелюбимых пассажей: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, что только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! [...] Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себя и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив,

²⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 77.

что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, “имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабошении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени” [...]. Но о теперешнем моменте я говорить не стану, к тому же мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и они кое-как устроятся, — признают ли они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Это хитрое учение наверно существует у них уже и теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется у них в научную и политическую аксиому. Мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем об России. Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут все величие и всю святость дела России и великой идеи, зная которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный

колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации. [...] России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском призвании в среде человечества. Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целостность и единство. [...] Но какую же выгоду доставит России это сознание, кроме трудов, досад и вечной заботы?»²⁶

Здесь можно поставить много вопросов. Например, о каком единстве может идти речь, если сам Достоевский несколькими строчками выше говорит о взаимных ссорах? Да и «признаний в любви» к Европе я не встречал. Вот к России — да, многократно, хотя и здесь все непросто, достаточно вспомнить русофилов с русофобами. Впрочем, само слово «любовь» не из политического лексикона. Это романтический заменитель слова «интересы» в политических кругах. Такие были, есть и будут. И еще: в своем предугадывании будущего, его результатов Достоевский несколько «ужимает» время, в котором уже не было ни царской России, ни ее царя. Но достаточно помнить, что подвиг России и сейчас не исчез из памяти славян, болгар, русских.

²⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 78–80.

«России, — торопливо писал Достоевский, — надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае»²⁷.

Было и то, и другое, и третье — чему свидетельствует само беспокойное время в военном мундире начала XX в. Разве только не стоит оставлять в стороне того, что желанного единства не получалось...

Но это будет «несовершенной истиной», что было подтверждено самим ходом истории, самой общей славянской памятью.

Память ведь далеко не всегда отображает то, что было, но и будущее, которое так и не стало прошедшим. И здесь тема славянских племен, включая и русское, дает немало почвы для размышлений. Например, Достоевский писал такие строки: «Во-первых, у России, как нам известно, и мысли не будет, и быть не должно никогда, чтобы расширить насчет славян свою территорию, присоединить их к себе политически, наделать из их земель губерний и проч. Все славяне подозревают Россию в этом стремлении даже теперь, равно как и вся Европа, и будут подозревать еще сто лет вперед. Но да сохранит Бог Россию от этих стремлений, и чем более она выкажет самого полного политического бескорыстия относительно славян, тем вернее достигнет объединения их около себя впоследствии, в веках, сто лет спустя. Доставив, напротив, славянам, с самого начала, как можно более политической свободы и устранив себя даже от всякого опекуинства и надзора за ними и объявив им только, что она всегда обнажит меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность, Россия тем самым избавит себя от страшных забот и хлопот поддерживать *силою* это опекуństwo и политическое влияние свое на славян, им, конечно, ненавистное, а Европе всегда подозрительное»²⁸.

Именно об этом много размышлял славянофил Достоевский, подчеркивая, что после разрешения Славянского вопроса,

²⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 80.

²⁸ Там же. С. 80-81.

т. е. освобождения славян, Россия далеко не сразу привлечет их к себе. Это «не сразу» у Достоевского может продлиться до ста лет, наполненных возможной борьбой «с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинута»²⁹.

Иронично замечу: разве военный Варшавский договор и Совет экономической взаимопомощи, объединявшие почти все славянские, и не только, государства, не были под «неким» контролем Москвы?!

Продолжу. И только после этого Достоевский верил, что наступит очередь «окончательного разрешения Восточного вопроса», который будет тесно связан с достижением трудного «славянского единения в братстве и согласии». Объяснение этой необходимой задачи и будет, по Достоевскому, входить в «обязанность» России, «делом и великим примером».

«Для чего это всё?» — ставит вопрос идеалист Достоевский и сам же отвечает: «Для чего: для того, чтоб [...] воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите. [...] Стало быть, и “выгоднее” ничего не может быть для России, как иметь всегда перед собой эти цели»³⁰.

Грандиозная задача, практически недостижимая, о чем свидетельствует ярче всего Первая мировая война. Ее мог поставить только идеалист, каким и был великий писатель в нескольких своих «пророчествах». Можно ли говорить, что и эта задача служила

²⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 81.

³⁰ Там же. С. 81–82.

славянству? Категорически нет. Разве только «славянским племенам», используя выражение Достоевского (у него было и «русское племя»), делящим через межславянскую войну балканские, точнее, македонские земли. И в то же время необходимо подчеркнуть в очередной раз ту непреложную истину, что политика России при всех ее «вывертах», обусловленных не в последнюю очередь и самими славянами, была направлена в защиту славян, на создание союзнических отношений. И опять — Первая мировая война началась в защиту сербов.

Продолжу чтение Достоевского. Он много говорил такого, что было внове для русской публики, любящей читать о призвании своей страны. Достоевский подчеркивал, что славяне (читай — болгары тоже) «выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Это хитрое учение наверно существует у них уже теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется у них в научную и политическую аксиому»³¹. И тогда, и в наши времена события давали повод для таких мнений, даже убеждений. Действительно, освобождение Болгарии могло и должно было произойти, тем более что эпоха прежних империй подходила к концу. Это был только вопрос времени. Но именно Россия прервала этот, грубо говоря, «бег черепахи» или естественный ход истории, решительно выступив за освобождение православных братьев, за решение Восточного вопроса. Можно говорить, что Россия в войне имела свои интересы и освобождение той же Болгарии было лишь одним из звеньев их достижения. Но в глобальной форме разрешение этой проблемы означало, по Достоевскому, громадное продвижение на пути создания великого мира с Россией в центре.

³¹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 79.

Этот путь Федор Михайлович обуславливал и тем, что наступал социализм, в котором он видел «вину» «родившего» его католичества. По его убеждению, «утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесется слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может быть, спасет европейское человечество»³².

Однако революции в противоборствующих странах смешали карты. Более того, сама самодержавная — именно самодержавная — Россия, в которую так верил Достоевский, перестала существовать. «Магнит» ушел в прошлое. При этом даже с флагом СССР Россия по-прежнему оставалась великой славянской державой. Можно еще сказать, что с уничтожением самодержавия в России русофильство и русофобство, казалось бы, утрачивали свое политическое содержание. Однако время показало и показывает, что они имеют право на существование, пока живет великая Россия.

Эпилог

Не премину подчеркнуть, что первый перевод на болгарский язык «Дневников писателя» был выполнен в 1921 г. (в честь столетия со дня рождения Достоевского). Спустя десять лет в связи с пятидесятилетней годовщиной его смерти в Болгарии появляются значительные исследования о нем: статьи М. Стоянова «Достоевски и нашето освобождение», «Достоевски-освободител. Достоевски за българите и за неблагодарността на освободените към освободителите»³³ и И. Дуйчева «Достоевски в зората на нашето освобождение». После 1944 г. этот список дополнили труды Г. Германова «Ф.М. Достоевски и българите», «Освободителната война в руската литература» и С. Дамянова «Русия, Източната криза и началото на Освободителната война» (в книге

³² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 85.

³³ См.: Котова С. Защитник на българите ли е Достоевский? С. 252.

«Освобождението на България и руската общественост»³⁴. В последнее же десятилетие прошлого века П. Троев опубликовал монографию «Достоевски. Духовните митарства на гения и пророка», где есть глава «Достоевски и българите»³⁵.

Интересны взгляды болгарских исследователей на то время, в котором они сами жили. Так Стоянов, публиковавшийся в период прерванных дипломатических отношений между двумя странами, полагал, что жил в первый период, характерный для сложных и острых воззрений Достоевского на болгар. Другой автор, подписавшийся инициалами «К. С.», в своей статье «Достоевски за великата мисия на руския народ към славянството и цялото човечество» (1946) выдвигал тезис, что живет во втором периоде. Причем, что любопытно, исследователи из Болгарии не проводят разницы между СССР и царской Россией, хотя она и «существенна» в сфере стратегических целей и самого внешнеполитического контекста³⁶.

И теперь наше время: XXI в., в котором Болгария и славянство отделены от России не только географическими границами. Особенно ярко это прослежено в замечательном болгарском труде, изданном в 2019 г. под интригующим названием «Русофобство», включающем в себя ряд разнообразных исследований, впервые с такой полнотой раскрывших эту сложнейшую проблематику. Видный историк А. Димов пишет в нем, что «Болгария надолго изолирована от братской России и поработена представителями заокеанских, израильских и турецких финансовых империалистов»³⁷. И дальше его же строки: «Русофобство используется для предотвращения строительства русских геостратегических объектов на болгарской

³⁴ Котова С. Защитник на българите ли е Достоевски? С. 253.

³⁵ Там же. С. 253.

³⁶ Там же. С. 262.

³⁷ Димов А. Откриване // Русофобството. София, 2019. С. 7.

территории. Русофобы и евроатлантисты были в центре уличных и медийных кампаний против строительства с русским участием полезных для болгар объектов, таких как газопровод “Южный поток”, атомная электростанция “Белене” и нефтепровод Бургас-Александруполис»³⁸.

И в то же время не секрет, что болгары — самые большие русофилы в Европе. Член-корр. БАН В. Проданов, еще один участник сборника «Русофобство», исследуя историю этого феномена через его закономерности, цикличности русофобства и русофильства приходит к выводу, что в Болгарии действуют три националистические формации: русофильская, русофобская и «третья, умеренно балансирующая» — суть «участники сегодняшнего управления Болгарией»³⁹.

Однако, по убеждению А. Димова, болгарская нация — пишет он в другой статье «Почему мы должны бороться против русофобства?» — может пойти своим путем развития и «выжить при поддержке братской России». По его словам, «только с русской помощью возможно восстановить суверенитет нашего государства, расширять национальное производство и повышать народное благосостояние»⁴⁰.

Основной метод в практике «культурной русофобии», пишет С. Станилов в своей статье «Геокултурният израз на русофобството (Бележки върху постановката на проблема)», заключается в том, чтобы не вникать «в правду о реальной роли и месте России в мире», просто ругать русских, «потому что они не такие как вы»⁴¹.

В том же ключе, но с некоторыми нюансами выдержана и статья М. Мизова «Постмодернистские трюки в русофобских политических дискурсах». Приведу несколько выдержек из нее: «С самого

³⁸ Димов А. Откриване. С. 8.

³⁹ Проданов В. Опит за теория на русофобството // Русофобството. С. 43.

⁴⁰ Димов А. Защо трябва да се борим с русофобството? // Русофобството. С. 72.

⁴¹ Станилов С. Геокултурният израз на русофобството (Бележки върху постановката на проблема) // Русофобството. С. 80.

своего возникновения в далеких и темных дебрях истории даже до сегодняшнего дня русофобство всегда было и вероятно еще долго будет символом, олицетворением и патологическим синдромом неадекватно высокомерного, предубежденного, негативного, дискриминационного отношения ко всему русскому». «Сейчас не только в России, — продолжает автор, — но и во многих других обществах русофобство воспринимается [...] как публично распространяемый культурный расизм, так как беспардонно прокламирует и легитимизирует представления о примитивности, цивилизационной отсталости русского народа и тотальной культурной негодности его характера для того, чтобы быть приобщенным к лону священных евроатлантических ценностей и свободных обществ». В то же время, замечает М. Мизов, русофобство огульно не отрицает культурных достижений, высоко их ценит: «Объяснительно-оправдательное кредо — любим Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова и др., но не нравится Сталин и Путин, — это испытанный прием старого и нового русофобства»⁴².

Безусловный интерес вызывает и работа И. Баевой «Старое и новое русофобство в Болгарии — сходства и различия». Сразу надо согласиться с автором, что «ни в прошлом, ни сейчас подобные определения не существуют для других государств, независимо от того насколько они были или продолжают быть велики»⁴³.

Хотя здесь можно вспомнить В. Ламанского и его труд «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе». Там можно прочесть интересные строки о том, что еще в середине XIX в. некоторые европейские ученые, сравнивая негров с русскими, подчеркивали: «Если негра не заставить работать, то он пьянствует или бездельничает. [...] В этой черте и заключается настоящий

⁴² Мизов М. Постмодернистские трюки в русофобских политических дискурсах // Русофобство. С. 93.

⁴³ Баева И. Старого и нового русофобство в България — прилики и разлики // Русофобство. С. 213.

рабский смысл, одинаково общий и негру и русскому»⁴⁴. И там же: «Немец поверит всякой собственной или чужой нелепости, лишь бы только она относилась к славянам»⁴⁵.

Исследуя названную проблематику, Баева солидаризуется с рядом историков в том, что русофобство носит политический характер. Причем «затрагивает только часть политического класса, но не массы болгар, которые остаются русофилами», независимо даже от кровавых сражений в Добрудже между Болгарией и Россией во время Первой мировой войны⁴⁶. Особо интересен раздел о насильственном, я бы сказал, верхушечном, переходе во времена так называемой перестройки от «советского русофильства» к русофобству, которое снова вернулось в 1989 г. Его появление связано с приходом к власти «правых» и началом переориентации страны, которую до этого называли шестнадцатой советской республикой, с Востока на Запад. Все это, соответственно, сопровождалось активным использованием советской прессы с ее валом публикаций о преступлениях в годы сталинизма, что способствовало ликвидации прежнего образа болгарского брата, каким был СССР⁴⁷. Разумеется, подчеркивает Баева, для этих же целей в сфере средств массовой информации широко привлекалась история с «подбором определенных фактов и преувеличения их значения» для демонстрации опасности Москвы для Софии⁴⁸.

Безусловно, автор обращает внимание и на весьма закономерное явление, когда русофобство может обеспечить политическую карьеру. Здесь оно может быть «завязано» на «обслуживании чужих интересов». По убеждению Баевой, «новое болгарское

⁴⁴ Ламанский В. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 137.

⁴⁵ Там же. С. 149.

⁴⁶ Баева И. Старото и новото русофобство в България. С. 217.

⁴⁷ Там же. С. 218.

⁴⁸ Там же. С. 220.

русофобство не столько аутентично старому, сколько зависимо, проплачено извне». И в завершении, пишет она, «хочу обратить внимание на тот факт, что для старого и нового русофобства наиболее характерно то, что оно остается ограниченным в смысле общественного воздействия, но часто берет верх в государственной политике, и почти всегда под внешним давлением»⁴⁹.

Однако, оставляя в стороне «глобальность» таких высказываний, хотелось бы верить, что культура все же будет доминировать в сознании и решениях государственных деятелей. Впрочем, было бы наивно полагать, что политику можно оставить в стороне, и она всего лишь производная от культуры.

Только вот от какой?! Западной, восточной, всеевропейской, всемирной?!

Тем не менее, Россия остается в Болгарии, в душах, в памяти ее народа, в истории, в русофобстве и русофильстве.

Причем, любопытно отметить здесь суждения культуролога И. Дичева, который утверждает, что раз у болгар не сложилась, как он выражается, «политическая идентичность», то продолжает функционировать схема «русофилы — русофобы». Для него представляется странным, что болгарские русофилы, выступая как «левые», защищают империю, которая на протяжении двухсот лет «последовательно давит революции и национально-освободительные движения». По И. Дичеву, чтобы оказаться в глазах других «правым», нужно «ругать Россию», если «левым», то «необходимо ее хвалить», даже если это и «идиотство». Русофильство и русофобство, по его мнению, являются частью «стратегии» «ряда болгарских партий, которые таким способом пытаются заполнить вакуум идеологии и собственной идентичности»⁵⁰. Здесь все смешалось, и, возможно, в этом и состоял замысел И. Дичева.

⁴⁹ Бяева И. Старото и новото русофобство в България. С. 221.

⁵⁰ v 98: двете лица на Русия в България [Электронный ресурс]. URL: http://vivafolk98.blogspot.com/2014/03/blog-post_28.html (дата обращения: 26.04.2023).

В сущности, наше время может быть охарактеризовано как век подмен, прежде всего в сфере самосознания, растворения национального в общечеловеческом, в решении проблем с использованием военной машины как «единственного» средства для эффективного урегулирования горячей ситуации и последующей политики «миротворчества», нередко в военном мундире.

И само становление, а для некоторых государств — выживание, зависит прежде всего от определения верной пропорции национального и европейского. Этот труднейший вопрос каждое государство решает по-своему, исходя из своей истории. Здесь следует вспомнить, что «закат» страны, империи может отсрочить только культура в единстве оригинальных начал. Но для нашего времени характерна резкая поляризация культуры элиты и культуры масс, что не внушает особого оптимизма при взгляде в будущее.

Процесс деления и разделения институтов власти продолжается и поныне и будет длиться до тех пор, пока «славянин» не превратится в «европейца». Конечно, это потребует больших инвестиций самого различного характера. Здесь и обычное вливание денежной евромассы, «раздача» денег остальным балканским славянским странам, отношения между которыми далеко не безоблачны. Тут — напряженная и трудоемкая работа по «промывке мозгов» с обязательным стиранием в памяти всего отрицательного, что должно быть уничтожено. На выходе должен получиться средний европеец. Будет ли он хорошим, судить трудно. Плохо одно — он будет средним. Иными словами, он будет опять-таки той самой массой, почвой, на которой или не вырастет ничего, или история пойдет по своему кругу.

Или есть еще один путь для «новых европейцев». Здесь можно назвать имя американского мыслителя, одного из

лидеров леворадикального обществоведения И. Валлерстайна. Известна его знаменитая фраза: «Если нет негров, то мы создадим белых негров».

И вместо заключения. В современных условиях, когда история все больше походит на публичный дом, в котором «герои-клиенты» меняются с «приличествующей быстротой», мы все еще держимся благодаря памяти, в том числе и о тех жертвах, принесенных в освободительной войне, о солдатах, положивших сознательно — подчеркиваю — жизнь «за други своя». Они шли и воевали за освобождение болгарских братьев, а не за проливы, и умирали они за правое дело. Можно всегда найти какие-либо спорные моменты в событиях времени освобождения, но бесспорным будет одно — подвиг России. И я надеюсь, что «нельзя потушить то, что не гаснет».

«Достоевский — великий защитник и заступник болгарского народа в судьбоносный момент его истории»

Что же это за судьбоносный момент в истории болгарского народа? Это — Освободительная русско-турецкая война 1877–1878 гг., в результате которой Болгария вновь стала независимой страной после пятивекового османского ига, вновь появилась на карте мира.

Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (т. 1–12, 1816–1829) не упоминает Болгарию, ибо нет такой страны на карте мира. Болгария была частью Османской империи.

В IX–XIV вв. Болгария, будучи независимым государством, обладала высокой культурой, оказавшей влияние на культуру восточноевропейских и западноевропейских стран. Но в конце XIV в. Болгария была завоевана Османской империей. Пять веков жесточайшего иноземного ига, державшегося на насилии и эксплуатации, грабежах и бесчисленных поборах. Порабитители варварски уничтожали памятники высокой в прошлом культуры. Но бесчисленные бедствия, выпавшие на долю болгар, — массовое физическое истребление, «дань кровью» (девширме)², зверства янычар, угон населений в рабство, отуречивание, эллинизация, исламизация — не уничтожили народ; он выстоял, он не был ассимилирован.

В XVIII–XIX вв., в условиях подъема национально-освободительного движения, истерзанный болгарский народ, презрительно называемый угнетателями «райей» (стадом), возрождается к новой жизни.

¹ Димитров Е. Основной вопрос антропологии Достоевского. София, 2018. С. 1.

² Ежегодно турки отбирали у родителей мальчиков и, обратив их в мусульманство, растили из них янычар — наиболее свирепых карателей и истребителей своих же соотечественников. Девочки, отнятые у родителей, продавались в рабство.

Эпоха болгарского возрождения была временем разрушения основ османского феодализма, формирования болгарской нации, складывания национальной культуры, формирования Новой болгарской литературы, отстаивания духовной и политической независимости народа. Национально-освободительное движение болгарского народа развивалось многопланово. Оно проявлялось в открытых вооруженных выступлениях против угнетателей (гайдуцкое движение, крестьянские восстания, участие болгар в борьбе соседних поработенных народов). В 1876 г. в Болгарии вспыхнуло Апрельское восстание, явившееся апогеем революционной борьбы болгарского народа. Оно было зверски потоплено в крови османскими ордами. Эта жестокость турок вызвала вмешательство России, объявившей 12 апреля 1877 г. войну Турции. Ценой огромных человеческих жертв русский народ освободил болгар от многовекового рабства.

Как раз в этот период — в 1876 и 1877 гг. — Достоевский вел и ежемесячно публиковал свой «Дневник писателя», в котором писал обо всем, что поразило его или заставило задуматься. «Дневник писателя» пользовался большой популярностью у читателей, и благодаря ему возросло влияние Достоевского на общественное мнение. Федор Михайлович считал, что надо помочь болгарам, надо спасать «брата, распятого на кресте». Он внимательно следил за военными действиями русских войск и турецких извергов. В своем «Дневнике» в июне 1876 г. он писал: «Как же, однако, поступит Россия? Вопрос ли это? [...] Россия поступит *честно* — вот и весь ответ на этот вопрос. [...] В чем выгода России? Выгода России, именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и

всеединение славян; но всеединение это — не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. [...] В этом самоотверженном бескорыстии России — вся ее сила, так сказать, вся ее личность и все будущее русского назначения»³.

В феврале 1877 г. в том же «Дневнике писателя» Достоевский цитирует стихи Пушкина «Клеветникам России» (1831):

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских холодных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Не встанет русская земля?..

Отзвуки этого стихотворения слышны и в тексте «Дневника», когда Федор Михайлович пишет о болгарях, «за которых мы пришли с берегов Финского залива и всех русских рек отдавать свою кровь»⁴. Пушкина Достоевский боготворил и главнейшей чертой его творчества считал тот национально-русский характер, который Александр Сергеевич воплотил в своей личности и в произведениях.

Достоевский переписывался с Константином Петровичем Победоносцевым — государственным деятелем, ученым, правоведом, преподавшим право наследникам российского престола. Победоносцев играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др. В ноябре 1876 г. Победоносцев пишет Достоевскому:

Многоуважаемый Федор Михайлович!
Не знаю, доставляете ли Вы свой «Дневник писателя» наследнику

³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Л., 1981. С. 45–46.

⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 73.

цесаревичу? Если нет, то недурно было бы, когда б Вы ему послали. Я знаю, что вчера, в бытность его у братьев, ему говорено было про некоторые статьи и рекомендовано обратить на них внимание.

Душевно преданный

К. Победоносцев

Вы можете послать вышедшие листы просто на имя великого князя с почтой, а, если желаете доставить с толкованием, то благоволите прислать ко мне, и я отошлю их к нему с письменным объяснением, что это от Вас представляется.

Рекомендация исходила от Александра II, который читал «Дневник писателя».

В XIX в. русское общество способствовало духовному возрождению болгарского народа. В Болгарии не было ни одного высшего учебного заведения, поэтому многие богары стремились получить высшее образование в России. В Москве обучалось более ста болгар, которые, как правило, получали материальную поддержку со стороны государственных учреждений и общественных организаций. Москва в середине XIX в. была и одним из центров болгарского книгопечатания.

Большую помощь болгарам, стремившимся получить образование в России, оказывали славянофилы. В 1858 г. был создан Московский славянский благотворительный комитет, работавший вплоть до 1878 г. (до Освобождения Болгарии). Славянофилы поддерживали молодых болгар, оказывая им материальную помощь, предоставляя им стипендии для обучения в учебных заведениях России, помогая советами, изданием их трудов. Руководителем Московского славянского благотворительного комитета в Москве был Иван Сергеевич Аксаков — русский поэт, публицист, одна из самых ярких фигур среди славянофилов. 9 октября 1866 г. И.С. Аксаков и Тимофей Саввич Морозов (предприниматель и

меценат, входивший в Болгарскую комиссию Московского славянского комитета) подписали договор об издании газеты «Москва», которая выходила в 1867–1868 гг. Аксаков был редактором и одним из авторов этой ежедневной газеты, а Морозов финансировал ее издание. На страницах газеты «Москва» Аксаков выступал по вопросам внешней и внутренней политики России со славянофильских позиций. 14 июля 1867 г. он писал: «Отыскалось шестимиллионное племя — забытое, забытое, но не переставшее хранить вместе с верою нравы и обычаи предков, и смутные предания славной исторической старины. Как и всем славянским племенам, судило Провидение и болгарам возродиться к историческому бытию не только плотью, но и духом, не одною физиологическою силою народности, но путем мысли, науки, одним словом, работой народного самосознания. Потребность Просвещения сказалась в болгарском племени с неудержимою властью. Последний грош, сбереженный от жадности турка, отдавался на учреждение школы; молодые болгары пробирались в Россию, преимущественно в Москву, чтобы почерпнуть просвещение из родного источника и разлить его потом по болгарским городам и селам. Мы имеем право свидетельствовать и сим свидетельствуем, что большинство их трудилось честно, училось прилежно, а некоторые кончали курс университетский с блистательным успехом и удостоивались ученой степени. Это тем более заслуживает похвалы, что являлись они из страны полудикой, из-под власти варварского обычая, плохо подготовленные, вынужденные уже во взрослых годах начинать подготовку снова, — и что приходилось им здесь бороться и с климатом, и с бедностью, потому что скудны были средства, которые могла уделить им общественная благотворительность. Многих похитила у жизни рановременно наша суровая зима; некоторые по возвращении на родину задохлись в турецких тюрьмах или погибли иною

насильственную смертью от злобы турок, по доносам латинских монахов и других врагов славянского Возрождения, но многим зато удалось и посеять доброе семя и взрастить добрый от семени плод. Возродившись духовно, не может уже болгарское племя не стремиться и к Возрождению политическому, освобождению от мусульманского ига. Мы уже говорили об участии, принятом русским обществом, еще более, чем правительством, в духовном Возрождении болгарского племени. Богу известно, как чуждо всяких политических целей и соображений было это участие! Но этого мало. Мы должны помочь и политическому Возрождению болгар, болгар, от которых мы сами получили наших первых учителей веры, которые дали славянству Кирилла и Мефодия, на языке которых стало доступно и нам, и всем славянам Слово Божие... [...] у болгар одна надежда — на нас. Посрамим ли мы эту надежду?»⁵

Эта надежда сбылась спустя одиннадцать лет. Славянофилы способствовали подготовке русского общества и правительства к мысли о необходимости помочь не только духовному Возрождению болгарского народа, но и обретению политической свободы, утерянной Болгарией полтысячелетия тому назад.

Достоевский был потрясен равнодушием Европы к массовому убийству болгар. В главе «Самое последнее слово цивилизации» он писал: «Последнее слово цивилизации сказалось, выяснилось; [...] все (почти все) в данный момент разом отвертываются от миллионов несчастных существ — христиан, человеков, братьев своих»⁶.

Достоевский писал о «западноевропейской гадливости» ко всему, что носит имя славянства, мол, в Европе считают, что «болгар можно заваривать кипятком, как гнезда клопов в старушечьих деревянных кроватях»⁷. Но Россия — «не гнездо клопов», а гигант и сила,

⁵ Москва. 14 июля 1867.

⁶ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. С. 61.

⁷ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 77.

не признать которую невозможно. «И так как Россия тоже славянская нация, — заключает Достоевский, — то как, должно быть, эти западные люди ненавидят теперь и Россию в сердцах своих даже инстинктивно, безотчетно, радуясь всякому ее неукладу и всякой беде ее!»⁸

Все слои русского общества объединяло, по словам Достоевского, «прекрасное и великодушное чувство бескорыстной и великодушной помощи распинаемым на кресте своим братьям»⁹. Федор Михайлович подчеркивал бескорыстие России в этой освободительной войне. Он считал, что освобождение болгар от османского ига — высокая цель, долг более сильной славянской страны. Он полагал, что защита «униженных и оскорбленных» — «православное дело».

В середине 1876 г. Александр II официально разрешил сбор средств по всей империи для помощи угнетаемым христианам Балканского полуострова. И.С. Аксаков как руководитель Московского славянского комитета считал, что теперь настало время возбудить общественное мнение. Славянофилы смогли убедить народ, что необходимо помочь поработанным турками болгарам. Они убедили в этом не только своих единомышленников, но и «западников», в частности И.С. Тургенева, который восхищался самоотверженностью И.С. Аксакова, а также силою и стихийной громадною славянофильского движения, охватившего всю Россию. Тургенев был возмущен жестокостью Порты и полагал, что обеспечить будущность несчастных болгар едва ли можно без войны.

Александр II приехал в Москву и в конце октября 1876 г. встретился с членами болгарской комиссии славянского комитета И.С. Аксаковым, Т.С. Морозовым, С.М. Третьяковым. На этой встрече было принято решение о том, что все обмундирование и снаряжение для 6000 болгарских ополченцев будет подготовлено на средства Московского славянского комитета. 6 апреля 1877 г.

⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 77.

⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. С. 107.

генерал Столетов приказал доставить обмундирование для 1550 ополченцев. Обмундированные болгары производят очень хорошее впечатление на главнокомандующего — князя Николая Николаевича. А когда 12 апреля они проходят в торжественном марше перед императором Александром II, он издает приказ, чтобы ополченцы всех болгарских дружин были одеты так, как эти болгары. Тогда военный министр граф Д.А. Милютин спрашивает генерала Столетова, согласится ли Московский славянский комитет принять новый заказ на такое же количество одежды. Качественное исполнение одежды и снаряжения вызвало восхищение Александра II и главнокомандующего действующей армии, а Московский славянский комитет получил новый заказ на такое же количество обмундирования. Оно предназначалось для второй серии шести дружин болгарского ополчения.

Мирные переговоры Александра II на совещании в Константинополе с представителями шести великих держав, к сожалению, не увенчались успехом. Императору не удалось добиться улучшения положения христиан Балканского полуострова мирным путем, и 12 апреля 1877 г. он был вынужден объявить войну Турции.

Русский народ был единым в своем стремлении помочь угнетенным болгарам. Мне не приходится далеко ходить за примерами. Мой прапрадед предприниматель и меценат Тимофей Саввич Морозов входил в состав Славянского комитета, был членом «Болгарской комиссии» (вместе со славянофилом И.С. Аксаковым). Он финансировал «Болгарскую дружину» воинов-старообрядцев, сражавшихся на Балканах. А его жена Мария Федоровна Морозова (моя прапрабабушка) вместе с женой И.С. Аксакова помогала сиротам, детям русских офицеров, погибших во время русско-турецкой войны.

Тимофей Саввич Морозов посылал во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Болгарию посылки, в которых были

полушубки, шинели, шапки, носки, бинты и другие принадлежности, нужные болгарским ополченцам, помогающим русской армии освобождать их родину. На каждой посылке он писал: «Пожертвовано фабрикой “Саввы Морозова сын и Ко”».

Но главные пожертвования — это были жизни русских воинов и врачей. В центре Софии и сегодня стоит монумент под названием Памятник врачам. На нем увековечено тысяча пятьсот фамилий русских врачей. Болгары хранят память о них.

В ноябре 1877 г. Достоевский писал в «Дневнике писателя»: «Не десятками и не сотнями, а тысячами и десятками тысяч истреблялись болгары огнем и мечом, дети их разрывались на части и умирали в муках, обесчещенные жены и дочери были или избиты после позора, или уведены в плен на продажу, а мужья — вот те самые, которые встречали русских, да сверх того и те самые, которые никогда не встречали русских, но к которым *могли* когда-нибудь прийти русские, — все они заплатились за русских на виселицах и на кострах. Их прибывали мучившие их скоты на ночь за уши гвоздями к забору, а наутро вешали всех до единого, заставляя одного из них вешать прочих, и он, повесив десятка два виновных, кончал тем, что сам обязан был повеситься в заключение при общем смехе мучивших их, сладострастных к мучениям скотов, называемых турецкою нацией»¹⁰.

Турки издевались и над русскими военными, попавшими в плен: «Недавно, уже в половине ноября, писали из Пиргоса о новых зверствах этих извергов. Когда, во время горячей бывшей там стычки, турки временно оттеснили наших так, что мы не успели захватить наших раненых солдат и офицеров, и когда потом, в тот же день к вечеру, опять наши воротились на прежнее место, то

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 75.

нашли своих раненых солдат и офицеров обкраденными, голыми, с отрезанными носами, ушами, губами, с вырезанными животами и, наконец, обгорелыми в сожженных турками скирдах соломы и хлеба, куда они предварительно перенесли живых наших раненых»¹¹.

Достоевский не исключал, даже был уверен, что самопожертвование русских воинов через сто лет не будет оценено по достоинству. Некоторые факты современной действительности подтверждают это предвидение пророка. Он предсказал, что через сто с лишним лет появятся псевдоученые, умаляющие роль России в освобождении Болгарии: «Нынешнюю, например, всенародную русскую войну, всего русского народа, с царем во главе, подъятую против извергов за освобождение несчастных народностей, — эту войну поняли ли наконец славяне теперь, как вы думаете? Но о теперешнем моменте я говорить не стану, к тому же мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и они кое-как устроятся, — признают они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своей доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Это хитрое учение наверно существует у них уже и теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется в научную и политическую аксиому. Мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем о России. [...] Они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. О, я не говорю про отдельные лица: будут такие,

¹¹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 75.

которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут все величие и всю святость дела России. [...] Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению»¹².

Некоторые факты современной действительности подтверждают пророчества русского гения.

Отношение болгар к России определялось пониманием ее значимости для духовного Возрождения народа и для Освобождения страны от многовекового турецкого рабства. Болгарский народ сохранил благодарную память о славянофилах, о замечательном человеке — Иване Сергеевиче Аксакове (в Софии есть улица имени Ивана Аксакова) и о царе-освободителе Александре II (памятник ему болгары не снесли ни во времена фашизма, ни во времена тоталитаризма). Иван Вазов называл русских воинов «рыцарями добра», а поэт П.Р. Славейков писал, что «русские своею кровью освободили нас».

Чтут болгары и Достоевского. Сегодня, в XXI в., в Болгарии создано Болгарское общество Достоевского. Оно основано 5-го декабря 2011 г. в непосредственном сотрудничестве с Международным обществом Достоевского (International Dostoevsky Society), коллективным членом которого оно является. Президент этого Общества — талантливый ученый, профессор Эмил Димитров. Общество проводит симпозиумы, посвященные творчеству Достоевского (2014, 2016, 2018). За десять лет члены Общества провели сорок регулярных заседаний, выпустили три альманаха с исследованиями о Достоевском, которые были встречены с большим интересом Международным научным сообществом (рецензии на него были опубликованы в России, Испании, Италии, Германии и в Болгарии), организовали несколько круглых столов и выставок, выступали с лекциями.

¹² *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 79.

Э. Димитров убежден, что дух Достоевского — это дух свободы, беспокойного совместного поиска ответов на «последние вопросы» бытия, а путь Достоевского — это путь нравственного самоусовершенствования и «деятельного добра».

В Болгарии вышло три собрания сочинений Достоевского. Достоевского читали, читают и будут читать. Э. Димитров считает, что читать и издавать Достоевского — важно, но недостаточно. Нужно еще, чтобы писатель и мыслитель стал твоим спутником, твоим другом на жизненном пути.

П О Л Ь Ш А

А.В. Липатов

Русско-польские антиномии: казус Достоевского

Когда сеешь нечестие,
пожинаешь отнюдь не братство.

В.С. Соловьев

Европейская известность Достоевского последних десятилетий XIX в. обретает всемирность в течение XX столетия, когда его художественно-мировидческая картина бытия и внутренне неоднозначный — противоречивый, дисгармоничный и мятущийся — образ человеческой личности воспринимаются в свете метафизичности, пророческого предвидения, кризиса цивилизации, упадка традиционных ценностей в новой реальности революционных переворотов, мировых войн, тоталитарных режимов, массовых репрессий, нарастающего разложения христианского миропонимания (особенно в его идеологизированной — институционально-церковной и государственной трактовке — равно как и самого образа жизни определенной части самого духовенства).

В философском осмыслении современной цивилизации Достоевский присутствует в снискавших особую известность работах Ясперса, Сартра, Камю, а в связи с этими именами — в получивших широкое распространение течениях экзистенциализма в мышлении, ориентациях и жизненных установках образованных сфер Запада. Поэтому-то отзвуки произведений русского писателя обретают новое воплощение в зарубежной литературе и драматургии. Наглядный пример — созданная А. Камю драматургическая переработка

«Бесов» (1959), где сохранено свойственное оригиналу взаимопереплетение меандров психологии личности, реальности бытия и метафизичности мироощущения с мрачным пророчеством грядущего тоталитаризма и деградации ценностной основы цивилизации. Именно этот сценический вариант «Бесов» использовал известный (от Европы до Японии) польский режиссер А. Вайда в своих краковских постановках¹. А Я. Варминьский — в Варшаве.

Литературный путь Достоевского (как, впрочем, и всех contemporaneous ему русских писателей) в Польшу был долг и непрост, несмотря на непосредственное географическое соседство и — более того — отсутствие государственной границы. Собственно, именно её отсутствие (после окончательного уничтожения сословно-республиканской Речи Посполитой в 1795 г. абсолютистскими монархиями Австрии, Пруссии и России) предредило как политические, так и культурные особенности побежденного, но непокоренного (и непокорного) народа. Для непредвзятого понимания этой проблемы необходимо следовать мудрости древнеримского права — этой первоосновы установления справедливости (что по сей день присутствует в программах юридических факультетов во всех странах нашей общей цивилизации): «Пусть будет выслушана и другая сторона».

Существует поистине огромная — весьма разнородная и разнонаправленная литература, на которой лежит печать нашего «трудного соседства»². Из множества польских материалов я выбираю суждение, касающееся высокообразованной русской публики. Итак, известный славист Р. Лужный, оставляя в стороне сферу политики Российской империи и официальной (а тем самым —

¹ Dostojewski — teatr sumienia. Trzy inscenizacje Andrzeja Wajdy w Teatrze Starym w Krakowie. Warszawa, 1989. Впоследствии этот опыт сценического осмысления Достоевского Вайда перенёс в Московский театр «Современник».

² Липатов А. В. Трудное соседство // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 7–14; *Он же*. Домашний спор славян или противостояние менталитетов? // Там же. С. 17–29.

официозной) пропаганды, отмечает, что многие представители русской культуры, «выступая в годы обоих наших национальных восстаний и в период, их разделяющий, свои националистические настроения и позиции явно отождествляли с полонофобией»³.

Здесь как иллюстрацию к выводам польского коллеги, которые были опубликованы в совместном труде наших и польских специалистов, целесообразно привести некоторые факты, способствующие нашему адекватному пониманию восприятия поляками России и русскости во времена Достоевского.

Долгие годы национального унижения, административно-политических ограничений культурно-исторических традиций, пренебрежения ценностными представлениями, исторически сложившимися религиозно-этическими убеждениями и игнорирование самого чувства собственного достоинства поляков — личного и общественного — властями Империи — всё это спровоцировало очередное восстание 1863–1864 гг. (С советских времён в нашей историографии оно квалифицировалось как «национально-освободительная борьба польского народа»). В эпоху формирования наций и возникновения собственно национального самосознания этот польский порыв вызвал восхищение и отнюдь не только моральную поддержку просвещённой Европы: к восставшим полякам присоединялись добровольцы из разных стран, в том числе из России.

Разгром и последовавшие массовые репрессии своей жестокостью и длительными последствиями нанесли польскому самосознанию глубокую *травму*, которая обрела исторические

³ *Łużny R.* Poezja Teodora Tiutczewa oraz jej polscy interpretatorzy // Tradycja i współczesność. Powinowactwa literackie. Wrocław, 1978. S. 29. Новейшим опытом польско-русского осмысления соседского узла политических и историко-культурных проблем являются: Белые пятна / Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2020; Россия и Польша. История общая и разобщённая. М., 2015.

последствия в национальной психике, национальной памяти и самой национальной жертвенности как составляющих национального менталитета.

Участники восстания приговаривались к смертной казни, каторге и ссылке в Сибирь. С земель бывшего Польско-Литовского государства выслано около 40 тысяч, депортировано в глубь России десятки тысяч представителей мелкопоместной шляхты и крестьян, конфисковано 34 тысячи поместий, на шляхетские имения налагались многолетние высокие налоги. Конфискованные владения предоставлялись заслуженным участникам подавления восстания, а поляки не имели права покупки земли в литовско-белорусской части бывшей Речи Посполитой. Подозреваемые в помощи повстанцам принудительно продавали свои владения. Гонения обрушились и на Римско-католическую Церковь: теперь священнослужители должны были подчиняться Римско-католической коллегии в Петербурге, а всех несогласных выселяли в глубь России. Подвергались конфискации церковные владения, а монастыри (за исключением женских, содержавших больницы) закрывались либо лишались права принимать послушников (что со временем естественно привело к их самоликвидации). Упразднённая еще ранее (1839) униатская Церковь окончательно запрещалась, её паства принуждалась переходить в православие, а некоторые, переходящие в католичество, подвергались порке введенными войсками, приговаривались к штрафам, лишались имущества, заключались в тюрьмы либо высылались в Сибирь.

Из государственного лексикона было вычеркнуто само слово «Польша». Теперь созданное решением Венского Конгресса в пределах России Царство Польское (1815) называлось «Привисленский край». Русская власть изменяла даже внешний вид давней польской столицы: теперь в псевдорусском стиле перестраивались исторические здания, как например Дворец Сташица, где вместо

Общества Друзей Наук разместили русскую гимназию и православную церковь. В старом Саксонском парке был воздвигнут православный собор, подавляющий своей масштабностью окружающее пространство. В разных местах строились православные церкви, а при этом запрещались постройки костёлов, превышающих по высоте русские церкви⁴.

В Привисленский край имперская власть отправляла чиновников, которые в силу своего низкого культурного развития и слабых способностей не могли сделать карьеру в самой России. Контакты поляков с такими русскими дискредитировали Россию и компрометировали саму русскую культуру, что накладывало специфический отпечаток на расхожие польские представления о русскости.

Подобный эффект принесла и насильственная русификация. Во всех учреждениях, вплоть до сельских, обязательным стал русский язык и документация. Закрылось польское высшее учебное заведение — Главная школа, — а на её месте был создан Российский Императорский Варшавский университет. На русском (кроме уроков религии) преподавались все предметы — даже польский язык. Ученикам запрещалось говорить на родном языке на переменах. При этом следили, чтобы польский не звучал в школьных уборных. Согласно предписанию, также вне школы — на улице — общение должно было проходить на русском. Библиотекам и читальням запрещалась выдача польских книг учащимся государственных учебных заведений, а сами учащиеся не должны были иметь какие-либо книги и даже рукописи на родном языке.

Насильственное насаждение русского языка рьяными представителями русской власти порой оборачивалось анекдотом. Так, например, был дан ход доносу жандарма на паровозного

⁴ Об этом существует обширнейшая литература. На русском языке см.: *Сокол К.* Русская Варшава. М., 2002.

машиниста, который на родном языке приказал своему помощнику: «Выпускай пар!»

К чему вело такое «приобщение» к русскости, свидетельствуют, в частности, воспоминания ученика русифицированной школы «Привисленского края»: «Независимо от наших симпатий и антипатий мы должны были в школе познавать Пушкина с Лермонтовым и Тургенева с Толстым. Мы должны были уметь читать, понимать и даже прочувствовать шедевры, потому что должны были окончить гимназию и поступить в университет». Принудительный подход и сама методика изучения русской литературы неизбежно обретали ответную реакцию: «Однако после получения свидетельств и государственных дипломов насильственное познание кончалось. Явление особенно для француза или немца наверняка непонятное, что поляк, в совершенстве владеющий русским языком, охотнее обращался к французским переводам Достоевского либо Тургенева, нежели к оригиналу»⁵.

Эта лишь внешне парадоксальная ситуация способствует внутреннему пониманию подлинных причин польского отношения к русскости времён Достоевского как непосредственный результат внутренней национальной политики Российской империи. Учитывая же национальный менталитет и культурно-историческую идентичность поляков, — результат исторически и психологически неизбежный.

Приведенные выше воспоминания польского выпускника русифицированной гимназии ассоциируются с актуальными по времени произведениями польской художественной литературы. Здесь прежде всего вспоминается С. Жеромский (1864–1925), уже при жизни почитавшийся классиком. Благодаря многочисленным

⁵ Это было опубликовано вне досягаемости русской цензуры во львовском журнале: *Kronika Powszechna*. 1910. № 10. Цит. по: *Bykałska M. Z problemów recepcji literatury rosyjskiej w prasie Królestwa Polskiego // Tradycja i współczesność*. S. 154.

переводам и откликам в литературной критике он был широко известен и в России, сблизился с М. Горьким и Л. Андреевым, в лице которых обрёл «милых людей и товарищей». По словам Горького, Жеромский имел «кое-что общее с Чеховым»⁶. Его роман «Сизифов труд» (1908) — связанная с биографией автора художественно-литературная параллель к приведённым выше воспоминаниям бывшего польского гимназиста. «Сизифов труд» — это тщетность усилий и насилий искоренить польскость в польских мальчиках, учениках русифицированной гимназии (одним из которых был в своё время и сам автор). Позднейшая «Краса жизни» — повесть о трудном и внутренне драматичном преодолении русским офицером-поляком привнесённой русскости, которая подавляла в нём изначальную польскость⁷. Эти реально-бытовые романы (некоторые со временем обрели отзвук историчности) отмечены свойственной Жеромскому глубокой психологичностью, а тем самым лишены всеобуславливающей идеологичности и сугубо националистических предрассудков.

По наблюдениям известного литературоведа Я. Мачеевского (Институт литературных исследований Польской академии наук)⁸, личные контакты здравомыслящих — идеологически незашорённых, а по совести мыслящих поляков и русских способствовали установлению между ними взаимопонимания и чисто человеческих отношений параллельно и вопреки оголтелой государственно-церковной пропаганде, жестким, порой жестоким рестрикциям

⁶ Цит. по: История польской литературы. Т. 2. М., 1969. С. 162.

⁷ Оба романа переведены на русский язык: *Жеромский. С. Сизифов труд* // Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 8-9. СПб., 1909; *Жеромский С. Избранные сочинения*: в 4-х т. Т. 2. М., 1958; *Жеромский С. Краса жизни* / Пер. Е. и Н. Леонтьевых. Л., 1925; под изменённым названием: *Жеромский С. Шум пропеллера* / Пер. Е. Троповского. Л., 1926.

⁸ *Мачеевский Я. Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании* // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 6-21.

имперских властей в Привислинском Крае и — как ответной реакции — польского *бойкота*⁹ всей и всяческой русскости.

В постепенном (но отнюдь не окончательном) преодолении основательно организованной верхами, а с помощью «благонамеренных подданных» усилено насаждаемой национальной и конфессиональной вражды определённое и непрерывающееся значение имело осознание универсальных ценностей европеизма, а в его сфере — взаимности русских и поляков. В этом круге высокой русской культуры нашли отражение непредвзятые и совестливые мнения немногочисленного, но самосохраняющего себя гражданского общества России. Его непосредственная и живая традиция хранила память о декабристах и связанных с ними нелегальных польских организациях, которые спустя пять лет после декабрьского восстания «русских друзей» (слова Мицкевича) восстали *против того же самого режима* под обращенным одновременно к русским и полякам лозунгом «За вашу и нашу свободу». Это восстание поляков обрело живой отклик ссыльных декабристов — А.И. Одоевского (поэтические творения «Славянские девы», «При известии о польской революции») и М.Л. Лунина¹⁰. Позднее А.И. Герцен вспоминал: «Когда вспыхнула в Варшаве революция 1830 года, русский народ не обнаружил ни малейшей вражды против ослушников воли царской. Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам. Я помню, с каким нетерпением ждали мы известия из Варшавы. Мы плакали, как дети, при вести о поминках, справленных в столице Польши по нашим петербургским мученикам»¹¹. (Имеется в виду массовая процессия в свободной

⁹ Знаменательный пример: общественное возмущение и всеобщее порицание Б. Пруса, который в своих газетных «Хрониках еженедельных» написал о варшавской выставке русских художников.

¹⁰ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3-х т. Т. 3. М., 1951.

¹¹ *Герцен А.И.* Избранные философские произведения: в 2-х т. Т. 2. М., 1948. С. 40.

Варшаве: поляки несли пять символических гробов в память о пяти повешенных декабристах).

В годы восстания 1863–1864 и во времена последовавших репрессий русские симпатии и сочувствие полякам в условиях жёсткой цензуры могли проявляться только в среде эмиграции («Колокол» и «Былое и думы» А.И. Герцена, М.А. Бакунин, поэт и религиозный мыслитель, принявший католичество В.С. Печерин и др.). В самой России солидарность с польским восстанием выражали нелегальные революционно-народнические движения (прокламация «Молодая Россия» организации «Великорусс»), «Земля и Воля», равно как и последующие народолюбческие организации. Для представителей высокой русской культуры и либерально-демократической части общества показательна позиция тогда уже известных и на Западе крупнейших (а как показало время — величайших) русских писателей — И.С. Тургенева, Л. Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Эти русские художники слова и представители независимого мышления в России последовательно и постоянно оставались вне той официально-политической и официально-литературной жизни, где ведущая основополагающая роль принадлежала благословляемым властями великодержавно-националистическим кругам, культивирующим и актуализирующим антипольские настроения в художественном творчестве¹² и публицистике.

¹² В поэзии Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.Н. Майков, Я.П. Полонский и др. Здесь, может быть, особенно выделялся Тютчев. Поборник идеи создания объединённого славянского государства под эгидой России, он гневно обрушивался на каждое проявление польского свободомыслия. Отсюда его стихотворное восхваление М.Н. Муравьёва-«Вешателя» или зачитанное на банкете по поводу Славянского съезда в Москве (1867) стихотворение «К славянам», где Польша была названа Иудой славянства и исключена из круга славянских народов. В прозе это создатели антиинигилистического романа А.Ф. Писемский, В.П. Ключников, Б.М. Маркевич, В.В. Крестовский и инцидентально — Н.С. Лесков как автор «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870–1871). О полонофобии в русской литературе см.: *Orłowski J. Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej*. Warszawa, 1992.

Впечатляющий и горький пример — завуалированная мысль обосновавшегося во Франции, но лишённого возможности открыто высказываться у себя на Родине И.С. Тургенева. Его стихотворение в прозе «Русский язык» мы наизусть заучивали в школе лишь как гимн родному языку. *Но только ли и просто ли это был гимн?* До сих пор храню в памяти его скрытый смысл — глубокий и пронзительный: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» Это ли не драматичное (если не сказать — трагичное) проявление вынужденной расколотости русского самосознания той поры, его раздвоенности на явно сокрытое в контексте мышление *совестливое* (это живучее и живущее во времени вопреки обстоятельствам русское — «жить по совести», «судить по совести») и на явное — контролируемое цензурой, насаждаемое сверху властями, указывающими, как надлежит их почитать и как в их лице любить управляемое ими государство.

Совестливое, душевно, изначально народное русское начало ощутил и прочувствовал в русском искусстве слова известный польский переводчик Пушкина, Салтыкова-Щедрина, прозаиков XX в. Лео Бельмонт. В 1910 г. вопреки антирусским настроениям — этой ответной реакции поляков на политику Империи в Привислинском крае — он написал: «Совесть русского народа — в его литературе, и Европа должным образом давно эту литературу оценила, душевнее её не было и не будет»¹³.

Официозная полонофобия захлестнула Россию, что исключало этническое и гражданское единство времён Достоевского. Попытка осмысления этого историко-культурного феномена, его

¹³ Цит. по: *Kuś B. Poezja rosyjska w polskim życiu literackim przełomu XIX-XX wieku*. Wrocław, 1979. S. 45.

истоков, путей и способов рассмотрения неизбежно приводит к выявлению роли имперско-самодержавного государства и полностью (со времён Петра I) подчиненного ему *института* православной Церкви. Это предопределило политико-конфессиональную сущность «сверху» насаждаемого и административно укореняемого русско-польского неприятия, отсюда (как ответная реакция) польско-русского отчуждения, озлобления и взаимного непонимания двух славянских соседей. При этом идеологически предопределяемая и повсеместно насаждаемая полонофобия одновременно означала проявление такого официально сформулированного патриотизма, который, согласно триаде министра просвещения С.С. Уварова («Православие, самодержавие, народность»), обозначал основы «своего», противостоящие всему «чужеродному», а тем самым, согласно официальному лексикону, — «инородцам», их конфессии, культуре, запросам и устремлениям. Эта ставшая официальной концепция уже в самой своей дефиниции чётко и однозначно определяла идеологическую сущность государства и титульной нации, таким образом ставя вне государственно-патриотического сознания и идейного осознания остальные и весьма многочисленные этносы. Проживающие на исторически своих территориях, обладающие собственными языками, конфессиями и неразрывно с этим связанными своими культурами, они имели *особую идентичность*. Отсюда их иное понимание и иные отношения к государственной системе и ею провозглашенной титульной нации. Как показывает минувшее, во времена исторических потрясений страна польхала и раскалывалась *по национальному периметру*. В этом отношении польско-русский пример — отнюдь не исключение, а неизбежная закономерность. Идеальная задумка Уварова и её практическое применение потерпели фиаско в не такой уж отдаленной исторической перспективе.

Этот придуманный и идеологично надуманный концепт патриотизма еще в первой половине XIX в. либерально-демократическая среда окрестила «квасным» (ироническое соотношение с пейзажной идеализацией народности славянофилами), либо «шинельным» (а пронос солдафонско-чиновничьих идеалов верноподданничества и благонамеренности времён Аракчеева, Бенкендорфа и Николая I).

Истинный же патриотизм — как указывает сама этимология слова (*греч.* *patris* — родина, отечество) — это любовь к *своей стране: естественное чувство, имманентное свойство человеческой натуры*. Поэтому-то оно изначально (а не внушаемо извне). Оно как любовь к матери — отсюда это привычное и обычное словосочетание Родина-Мать. Оно интимно, сокровенно и глубоко сокрыто внутри *самосознания*. Поэтому-то никто, будучи в здравом уме, не принимает торжественную позу, чтобы громогласно и самозабвенно провозгласить: «А я люблю родную мать!» Подлинная любовь — сокровенная и негромкая, как всё истинное, настоящее и правдивое. Таков и патриотизм — эта этногенетически присущая привязанность ко всему своему, родному: родителям, дому, месту рождения, родной речи, родным просторам, нашим берёзкам и стране, где они растут.

Иронично-расхожее изречение «научить родину любить» ассоциируется и вполне соотносится с русской литературной классикой (тирада грибоедовского Скалозуба — «фельдфебеля в Вольтеры дам»). Это живое свидетельство национальной художественной словесности теперь воспринимается как исторический документ *вторичного* (а потому неорганичного) насаждения предустановленного тогдашней властью «шинельного патриотизма» взамен представлений естественных, а тем самым *первичных*. Будучи исконными, именно они, изначально, а тем самым *внутренне* присущие самосознанию, предопределяли этнокультурную самоидентификацию всех социальных слоев одного этноса.

Казенный, санкционированный «сверху» и «сверху» же насаждаемый «патриотизм» становился продуктом ремесла благонамеренных его распространителей. Именно к ним обращены ставшие в свое время расхожими слова Л.Н. Толстого: «Патриотизм — это последнее прибежище негодяев», или же едкое изречение, приписываемое М.Е. Салтыкову-Щедрину, изнутри, а потому досконально познавшему административно-чиновничью среду: «Заговорил о патриотизме — значит проворовался».

Совестливое, восходящее к Евангелию, гуманно-этическое — в духе учения самого Толстого — его понимание «иноподданных»-поляков, а тем самым моральной ответственности имперской России за их страдания пронизывает его основанный на реальной истории рассказ «За что?», а также эпизоды с участием поляков в «Воскресении» и «Хаджи-Мурате».

В условиях цензуры иносказательно, эзоповым языком выражаемое сочувствие полякам характеризует последовательное к ним отношение М.Е. Салтыкова-Щедрина. По словам его биографа, он был противником порабощения Польши, угнетение польского народа вызывало в нём чувство негодования. Но касаться этих вопросов прямо, высказываться в пользу государственной независимости Польши без обиняков было невозможно в подцензурной печати¹⁴. В комментарии одного из томов «Собрания сочинений» М.Е. Салтыкова-Щедрина отмечается, что его статья «Драматургии-паразиты во Франции» содержит в себе первое выступление в поддержку восставших поляков в русской легальной печати¹⁵. Он был первым и резким критиком полонифобского антиинигилистического романа, а в своих «Отечественных записках» публиковал переводы ведущих представителей польской реалистической прозы — Г. Сенкевича, Б. Пруса, Э. Ожешко.

¹⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1974. Т. 5. С. 607.

¹⁵ См. статью польского русиста: Шинко Т. Польша и поляки глазами Салтыкова-Щедрина // Studia Rossica XXII. Warszawa, 2012. S. 151-170.

Особый интерес представляет создаваемый Н.Г. Чернышевским в сибирской ссылке роман «Пролог», повествующий о революционно-демократическом движении и идейных спорах русской интеллигенции. Один из его главных персонажей — поляк Болеслав Соколовский. Польский революционер, сотрудничающий с «Современником», он не испытывает враждебных чувств к русским, несмотря на известные коллизии. Благородный и честный человек, он пользуется уважением и симпатией своих русских единомышленников, вместе с которыми стремится к идеям добра, свободы и справедливости. В этом персонаже — его внешнем облике, характере и воззрениях — Чернышевский отобразил своего близкого друга Сигизмунда Сераковского (в польском звучании *Zygmunt Sierakowski*), о котором писал А.И. Герцен в «Былом и думах». Друг Т.Г. Шевченко, он вошёл в историю Польши как известный революционер, один из руководителей народно-освободительной борьбы, казнённый в 1863 г. По словам польского учёного Я. Орловского, «Чернышевский создал абсолютно уникальный образ поляка, для которого напрасно искать аналог во всей русской литературе девятнадцатого века. Это не был фиктивный герой, а литературный портрет человека, чьё имя с честью вошло в историю современной борьбы поляков и русских демократов с царизмом»¹⁶.

Во времена подавления польского — согласно официальному лексикону — «мятежа», репрессий и соответствующей пропагандистской кампании проявление русской совести как христианского милосердия подавлялись цензурой. Они бытовали подспудно, неявно, иносказательно. В захлестнувшей страну полонофобии прессы указующий перст власти символизировали два её официозных столпа. Первый — М.Н. Катков, которого В.Г. Короленко окрестил «главным и талантливым доносчиком», «главным прокуратором

¹⁶ *Orłowski J.* Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. S. 155.

инквизиции»¹⁷. Это создатель идеологемы «польская интрига», которому всюду мерещились польско-католические происки, а сами поляки в его воображении являли собой источник всех бед России. (Недалеко то время, когда эта маниакальная идея трансформируется в пресловутую триаду «Поляки, евреи и студенты»). Второй идеолог и вдохновитель антипольской кампании — Н.Н. Страхов, опубликовавший под псевдонимом «Русский» в журнале братьев Достоевских «Время» статью «Роковой вопрос». Суть этой идеологии сам Ф.М. Достоевский отметил для себя следующим образом: «Польская война есть война двух христианств. Это начало будущей войны православия с католичеством, другими словами — славянского гения с европейской цивилизацией»¹⁸.

Выражаясь языком античного философа Парменида, «путь мнения» здесь перекрывает «путь истины». Первый зиждется не на фактах и их причинно-следственной связи, а на некоей *idée fixe* — навязчивой, всеподчиняющей, которая тем самым почитается как единственно допустимая, потому что верная. В результате «путь мнения» приводит Достоевского к следующим выводам: 1) цивилизационно славяне не европейцы; 2) славяне (в исторической реальности исповедующие в одной своей части православие, а в другой — католичество и протестантство) на самом деле — по Достоевскому — представляют собой православное единство, а при этом и некий общий для них «славянский гений в грядущей войне с европейской цивилизацией». Между тем, что повсеместно известно, Европа как цивилизация возникла, подобно всем другим цивилизациям, на основе одной из мировых религий — в данном случае изначально единого христианства, расчленённого позднее самими церковниками на по сути своей *внутрицивилизационные составляющие* —

¹⁷ Короленко В.Г. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 1 (1879-1887). Харьков, 1923. С. 180-181.

¹⁸ Цит. по: Польская душа и русская душа. Антология / Ред. и сост. А. де Лазари. Варшава, 2003. С. 83.

Восточную (Pax Orthodoxa) и Западную (Pax Latina), являющие собой *внутренне дифференцированное целое* — *Christianitas*¹⁹.

В отличие от известного тогда на Западе и в самой Польше В.С. Соловьева, мировоззренческий образ мира Достоевского предстает как плод идеологического вдохновения писателя, свято верящего в мессианство Русского государства, Русского православия и Русского народа. В сопоставлении с научными (светскими) представлениями, как, впрочем, и с теологией, это невольно вызывает в памяти ироничный концепт Фрэнсиса Бэкона: «Чем менее история правдива, тем больше она доставляет удовольствие». А посему — добавим от себя — используется в доступной широким массам форме как единственно верная истина.

Такой неизбежный результат расхождения «пути мнения» и «пути истины» — это отражение *внутреннего раздвоения идеолога-провидца*, который одержим навязчивым концептом, оторванным от реалий истории, современности, христианства в версии Евангелия, а также Отцов Церкви — с одной стороны, и *гениального художника*, устремлённого к познанию неоднозначной, внутренне противоречивой человеческой сущности и к самой разгадке непостижимой загадки бытия — с другой. Достоевский-идеолог, увлечённый и поглощённый придуманной людьми — в отличие от Правд Евангелия — и задуманной церковно-государственной идеей мессианства России, якобы призванной (кем?) стать во главе якобы единого славянства, оградить его от «тлетворного влияния» Европы, чтобы и её саму спасти (опять-таки отождествляемую с католичеством и опять-таки «загнивающую»), создаёт *консервативную утопию*. А она разваливалась у него на глазах: наряду с «неблагодарными

¹⁹ Липатов А.В. Европейская цивилизация как дифференцированная целостность (Запад и славяне) // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 6. С. 14–20. Он же. Славянство как составная часть европейской цивилизации. К давней идее славянского единения и извечной проблемы славянского разъединения // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн. I. М., 2014.

поляками» уже во время русско-турецкой войны и после обретения собственной государственности появляются «неблагодарные болгары» и прочие *славянские народы*, которые тем же Достоевским пренебрежительно именуются «славянскими племенами». Прямым следствием такой *идеологичности* мышления является неадекватное, а тем самым искажённое восприятие реалий прошлого и настоящего, равно как и иррациональная одержимость пророка и маниакальная уверенность провидца в своей правоте. Отсюда ксенофобия и национально-государственное возвеличивание. Это ли не та гордыня, которая, согласно общехристианской морали, есть первый из семи главных грехов?

В своём отношении как к католицизму, так и к самому православию Достоевский не осознавал свои парадоксальные для христианского вероучения противоречия с универсальными истинами Евангелия и учениями Отцов Церкви. Его позиция абсолютного поборника *института* обезволенной государством Русской православной Церкви и самого *института* самодержавного государства исключала возможность *внеинституционального* восприятия и усвоения *великих общехристианских истин Евангелия*, ниспосланных *всему человечеству*. Его национализм (порой на грани шовинизма), а отсюда ксенофобия (а в ней полонофобия и антисемитизм) противостоят идеям человеческой всеобщности и всечеловеческого равенства, о чём говорил апостол Павел в «Послании Галатам»: «Нет уже Иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного, нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28).

При okazji вспомним, что философ и православный богослов В.В. Зеньковский, полагавший, что постижение целостности «русского духа» осуществимо только на началах Православия и в его духе, отмечал ограниченность мышления Достоевского

«почвенностью»²⁰. В противоречие эмфазы Достоевского о «священных камнях Европы» звучат и его слова о грядущей (и естественно же победоносной) войне «славянского гения» с «гнилым Западом».

Художественный мир Достоевского предстаёт как плод творческого вдохновения писателя, свято верующего в мессианство Русского государства, Русского православия и Русского народа. Его религиозная истовость, патриотическая однозначность и национальная одержжимость идеями «народа-богоносца» предопределяли ту уникальность его художественного дарования, которая до сих пор привлекает всемирное внимание, в том числе и *современных* польских философов, историков идеи, литературоведов. Причём — и это следует подчеркнуть особо — учитывая полонофобство Достоевского и трудное польско-российское соседство, их работы лишены какой-либо национальной ограниченности (не говоря уже о националистических предубеждениях). Они хорошо известны нашим специалистам, а некоторые — в постсоветский период — появились в русских переводах. (Ранее это было невозможно, ибо они не соответствовали советским догматам). Здесь, может быть, следует прежде всего назвать имена А. Валицкого, Р. Пишибильского, Я. Добешевского, А. де Лазари, М. Броды, М. Богуна и Т. Сухарского. В отношении же их непосредственных предшественников особого внимания заслуживает недавно вышедшая работа Л.А. Мальцева «Преодоление стереотипов: Ф.М. Достоевский в восприятии польских писателей-эмигрантов XX века» (Калининград, 2022). К обширным и вдумчивым констатациям автора относительно снижения «эмоционального градуса» в польских суждениях того времени о полонофобии Достоевского целесообразно выявить самую *причину* такого рода тенденции.

Полагаю, что изменения в польском подходе к Достоевскому обусловлены радикальными изменениями *в самой истории*

²⁰ Зеньковский Б.В. Христианские мыслители и Европа. М., 1997.

польскости. В ноябре 1918 г. возрождается польская государственность. В общенародном сознании подводится черта под 123-летнем периодом существования поляков без Польши. Отошли в прошлое те времена, когда чужая власть, насаждая свои порядки, пыталась лишить польский народ польской идентичности. Причём всё это внешнее вторжение в польскость как субстанцию общенародного бытия проявлялось не только в среде общественно-политической, религиозной, культурной или же сугубо бытовой, но и — что воспринималось особенно болезненно — повседневной очевидности: стоило только выйти из своего дома, чтобы увидеть вывески на чужом языке, чужие мундиры полицейских, военных и чиновников, слышать на каждом шагу чужую речь и лицезреть в давней своей столице Цитадель — военную крепость и политическую тюрьму, воздвигнутую чужими властями для предостережения и устрашения коренного населения. И вот всё это в одночасье исчезло. Поляки оказались в своей стране и в своей среде. Теперь они могли сами обустроить своё государство и, осознавая себя как независимая нация, самостоятельно решать свои собственные современные проблемы в новой реальности Европы XX в.

Национально-государственная независимость не снимала, а как бы *снижала прежде довлеющую национальному сознанию исключительность патриотического долга* — сохранять свою культуру, свою историческую память о собственной идентичности как непременное условие обретения независимости в будущем.

Ojczyzna moja, wolna, wolna.

Родина моя, свободна, свободна.

Więc zrzucam z ramion płasz Konrada

А значит сбрасываю с плеч плащ Конрада²¹.

Эти строки одного из виднейших представителей нового литературного поколения А. Слонимского прозвучали на заре Независимости

²¹ Конрад — герой «Дзядов» А. Мицкевича, посвятивший себя борьбе за освобождение Родины.

как манифест освобождения литературы от миссии, уходящей в прошлое вместе с прошлой историей.

Теперь, когда исчезла угроза раствориться в чужой государственности, польская литература уже вне внешних ограничений и внутренних самоограничений во всей своей полноте открывается на извечные экзистенциальные и психологические проблемы личности и общественного бытия, что было свойственно литературам самостоятельных государств, а в их числе и литературе русской, снискавшей общеевропейское признание. Отсюда и польский интерес к русской литературе, а в этой связи — к творчеству и личности Достоевского. В условиях обретенной независимости польское восприятие «чужого» *становится специфически европейским, а не — как до этого — сугубо польским*, что вполне естественно, когда исчезают внешние раздражители времен уничтожения польской государственности и последовавшей драматичности, а нередко трагедийности самого национального бытия. Собственно научный подход исключает националистические фобии и идеологические предубеждения. Это характерно для работ отмеченных здесь выше польских ученых. Мои польские коллеги — университетские профессора А. де Лазари и Т. Сухарский — досконально ориентируются в меандрах нашего трудного соседства — истории, с одной стороны, польской русофобии и русской полонофобии, и с другой (как я назвал свою польскоязычную книгу) — нашей обоюдной «конфронтации и гравитации»²². Сотрудничающие с нашими специалистами и публиковавшиеся в России, они не без юмора, столь свойственного польской ментальности, заверяют русскую публику, что «поляки Достоевского ценят, читают и давно простили ему антипольские фобии»²³.

²² Lipatow A. Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja. Historia. Kultura. Literatura. Polityka. Toruń, 2003.

²³ Лазари де А., Сухарский Т. Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 20. СПб., 2013. С. 25.

Многонациональные когорты учёных по-прежнему увлечены проблемами творчества Достоевского и самой его личностью. Как сочеталась или сосуществовала ограничивающая идеологичность с раскованной по самой своей сути гениальностью и с внутренним самоощущением этого русского художника слова — загадка, над решением которой бьются умы исследователей разных стран. Вот только разрешима ли она? И кому она по плечу?

Достоевский внутренне противоречив, как и его литературные персонажи. Гениальный художник подавляет в нём внутренне непоследовательного, а потому противоречивого мыслителя. Это тот истинно русский человек, о котором он сам написал в «Дневнике писателя»: «Перед нами два народные типа, в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом. Это прежде всего забвение всякой мерки во всём [...]. Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до крайности, свеситься в неё наполовину, заглянуть в самую бездну и [...] броситься в неё как ошалелому вниз головой. Это потребность отрицания в человеке [...] самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни, [...] которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем. Особенно поражает та торопливость, [...] с которою русский человек спешит иногда заявить себя [...] в хорошем или поганом. [...] Иногда тут просто нет удержу. [...] Но зато с такою же силою, [...] с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдёт до последней черты, то есть когда уже идти некуда. [...] В восстановлении своём русский человек уходит с самым огромным и серьёзным усилием, а на отрицательное прежнее движение своё смотрит с презрением к самому себе»²⁴.

²⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1873 // *Он же*. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 35-36.

Не здесь ли путь к постижению «загадочной русской души»? Кто теперь ответит на этот давний вопрос?.. Увы, ведь уже давно нет мудрого Парменида. Но по-прежнему остаются противоречия некогда очаровавшей Запад «загадочной русской души». И по-прежнему также и для самих обитателей «одной шестой части мира» остаются «проклятые русские вопросы».

Этнотипы и этнохарактеры Ф.М. Достоевского в рецепции польских писателей

В записках «Table-talk» Пушкин противопоставил «типы» Мольера «характерам» Шекспира, поясняя, что если персонажи французского драматурга — это «типы такой-то страсти, такого-то порока», то у автора «Венецианского купца» изображены именно «лица» — «существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков, обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры»¹. Характерология Достоевского, изображающего глубокого и «широкого» человека («широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»², по словам Мити в романе «Братья Карамазовы»), не только ставит творчество русского писателя «на сторону» Шекспира, но даже и в самой «шекспиризации» обнаруживает скрытые возможности. Как писал Бердяев, «художественная наука или научное искусство Достоевского исследует человеческую природу в ее бездонности и безграничности, вскрывает последние, подпочвенные ее слои»³. Как и Шекспир, Достоевский раскрыл «бесконечно сложный и многообразный человеческий душевный мир, мир человеческих страстей»⁴, но через изображение психологических тонкостей у Достоевского открылся метафизический потенциал абсолютного добра и абсолютного зла.

При разграничении поверхностных типов Мольера, «глубоких» характеров Шекспира и «бездонных» образов Достоевского не стоит забывать о том, что и в творчестве Достоевского встречаются типы поверхностных персонажей (Лебезятникова в «Преступлении и наказании», писателя Кармазинова в «Бесах» или, например,

¹ Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 424.

² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 100.

³ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1932. С. 42.

⁴ Там же. С. 44.

Миусова в «Братьях Карамазовых»), выступающих в сатирическо-пародийной функции: основной смысл их появления заключается в том, чтобы скомпрометировать исповедуемые ими идеи. В наброске неудавшегося романа «Щедродаров» (1864), полемизируя с представителями прогрессистской интеллигенции, Достоевский определяет свое видение соответствующего типа персонажа как космополита: «Я не понимаю, как можно стоять на воздухе, не чувствуя под собой почвы. Англичанин, немец, француз, каждый тем и сильны, что стоят каждый на своей собственной почве и что прежде всего они англичане, французы и немцы, а не отвлеченные общечеловеки. [...] А вы отвлеченные, вы тени, вы — ничего [...]. Вы чужие идеи. Вы — сон. Вы не на почве стоите, а на воздухе. Из-под вас просвечивает»⁵.

Осмысливая идейно-художественную природу образов поляков у Достоевского, Ежи Стемповский подчеркнул аспект этнотипизации, ставящий «поляков Достоевского» в один ряд с комическими «плоскостными» типами Мольера: «Присматриваясь к характерам поляков, мы замечаем, что они конструктивно приближаются к Тартюфу, а также к группе лицемеров и фанфаронов. Общей чертой этой группы является двойственность их конструкции, противопоставляющей ложную форму не дорастающему до нее подлинному содержанию. [...] Во многих случаях мы находим в романах Достоевского целые диатрибы против поверхностного, мнимого морального формализма, распространенного, согласно нашему автору, именно в Западной Европе»⁶. Как справедливо констатирует эссеист, образы поляков у Достоевского не взяты из живой действительности, а являются искусственными, сконструированными. По ним разве что мимолетно скользит авторский взгляд, и, соответственно, они не привлекают особого внимания

⁵ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1980. Т. 20. С. 116.

⁶ *Stempowski J.* Polacy w powieściach Dostojewskiego // *Idem.* Eseje dla Kassandry. Gdańsk, 2005. S. 289. Перевод с польского здесь и далее наш — Л.М.

читателя. В архитектонике романов Достоевского персонажам такого типа принадлежит исключительно функциональное задание — создание контраста по отношению к психологически объемным и глубоким характерам, которые, как правило, выражают разные грани русского национального характера.

В идейном русле «морального формализма» Достоевский создает этнотипические образы не только поляков, но и французов (в художественном видении Достоевского ментально наиболее близких полякам, о чем косвенно свидетельствует карикатурный образ де Брие в романе «Игрок»), а также немцев. Более сложными и интересными в восприятии Достоевского выступают образы англичан, совмещающие в себе признаки этнотипического (общего) и этнохарактерного (индивидуального). Например, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский, с одной стороны, выводит этнотипический образ случайного попутчика — англичанина-пассажира, даже бытовые привычки которого несут на себе «печать» туристов его нации, а с другой, дает мимолетный и в то же время индивидуально самобытный портрет юной жительницы Лондона, встречающейся в казино с неким молодым джентльменом и производящей своей меланхоличностью неизгладимое впечатление на автора-наблюдателя: «Черты лица ее были нежны, тонки, что-то затаенное и грустное было в ее прекрасном и немного гордом взгляде, что-то мыслящее и тоскующее. [...] Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастных женщин своим развитием: иначе что же значит лицо человеческое?»⁷

Этот пример, когда внимание Достоевского-художника привлекает «лицо» иностранца, является не единственным, и это свидетельствует, что среди образов представителей европейских народов Достоевский выделяет именно англичан, стремясь раскрыть их психологически значимый облик. На это обратил

⁷ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Л., 1973. С. 72.

внимание в очерке «Загадочная английская душа» Г.С. Померанц, утверждая, что, путешествуя по Европе, Достоевский почувствовал, что Англия «выпала из схемы»: «Это не статист в европейском спектакле. И это не офранцузенная страна. Задним числом образ Англии в “Заметках” воспринимается как смутная догадка, что роль гегемона в западной цивилизации может перейти к англосаксам»⁸.

В этнокультурной картине мира Достоевского определяющим фактором становится оппозиция «близкое» — «далекое»: «далекими» (следовательно, наиболее «загадочными») при такой дифференциации становятся англичане, а «близкими» (и соответственно наиболее «понятными» и наименее «загадочными») — поляки, при оценке и представлении которых вступает в силу правило минимальных различий: «похожее», но все-таки «другое», скорее вызовет неприятие и даже раздражение, чем отдаленное «другое».

С комплексом минимальных различий связан феномен метастереотипа или, по нидерланскому имагологу Йёэпу Леерсену, «метаобраза» («meta-image») — особой разновидности этнообразов (этностереотипов), которая «существует исключительно через приписывание другим способа, каким они, по нашему мнению, смотрят на нас»⁹. В польско-русских литературных отношениях метаобразы играют большую и довольно часто, увы, деструктивную роль, примером чего может быть польская рецепция образов поляков у Достоевского. Показательно в этой связи наблюдение польского ученого Тадеуша Сухарского: несмотря на то, что негативные образы поляков в произведениях Достоевского являются не более частотными, чем соответствующие этнообразы французов и немцев, «ни французские, ни немецкие достоевсковеды, в отличие

⁸ Померанц Г.С. Загадочная английская душа // Всемирное слово. 2001. № 14. С. 1-4. С. 2.

⁹ Leerssen J. Imagologia: o zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu // Porównania. 2017. № 2 (21). S. 21.

от их польских коллег, не посвящают этой проблеме такого избыточного внимания. В нашей же рефлексии над творчеством автора “Бесов” эта проблема возникает регулярно, разрастаясь до ранга проблемы канонической. Польские писатели и критики разных поколений, исследователи разных эпох последовательно обращаются к ней, и их мнения и голоса сливаются в один многоголосый и единогласный хор возмущения Достоевским¹⁰. Это суждение польского достоевоведа является вполне справедливым в указании на определенную тенденциозность польской рецепции Достоевского, однако мнение о «единогласии» все же представляется полемически гиперболизированным. В качестве одного из контр-примеров можно привести публицистический очерк Бронислава Лаговского «Поляки как у Достоевского», опубликованный в 2008 г. в журнале «Пшеглэнд», в котором образы «поляков Достоевского» не становятся поводом для какой-либо «обиды» — явной или затаенной. Наоборот, констатируя то, что эти образы в какой-то мере даже соответствуют действительности, автор использует их в качестве орудия полемики с политическими оппонентами: по мнению Б. Лаговского, карикатурные образы поляков у Достоевского «конечно, неверны в смысле обобщения, охватывающего всех, но, с другой стороны, нельзя не заметить, что Достоевский исключительно метко ухватил определенный тип поляка, выступающий в общественной жизни и поэтому более легко узнаваемый, чем остальная часть общества, ведущая скромную жизнь и подчиненная трудовой дисциплине»¹¹.

Однако эпизодические карикатурные образы поляков у Достоевского действительно стали поводом для негативных суждений

¹⁰ *Sucharski T.* Kompleks Dostojewskiego czy kompleks Polaków? // *Studia Pigioniana*. 2021. Nr 4. S. 25–51. S. 29.

¹¹ *Łagowski B.* Polacy jak u Dostojewskiego [Электронный ресурс] // *Przegląd*. 2008. Czerwiec. Nr 29. URL: <https://www.tygodnikprzeglad.pl/polacy-jak-dostojewskiego/> (дата обращения: 29.08.2021).

о Достоевском в польской литературной среде. Например, Мариан Здзеховский, философ и критик, в статье «Русское влияние на польскую душу» (1913) обращает внимание на то, что нелицеприятное изображение иностранцев вступает в противоречивые отношения с провозглашаемой Достоевским религиозно-этической проповедью «всеотзывчивости»: «Не всечеловечность поражает нас в русских, а наоборот, узость духовная, недостаточность чувства для понимания других народов». Примером «неотзывчивости», по Здзеховскому, может служить то, что «в романах Достоевского поляк — это всегда хвастун и фразер, или трус, или и то и другое; немногим лучше изображает Толстой француз»¹². Еще более непримиримо суждение поэта «Молодой Польши» Антония Ланге («Краткий очерк всемирной литературы», 1909), для которого «антипольские» сцены романов Достоевского являются поводом к наклеиванию идеологических ярлыков: Достоевский был «суровым, иногда даже косным византийским народником, врагом Западной Европы, католицизма, поляков. Он является в некотором смысле отцом черной сотни»¹³. Живучесть ярлыка о «черносотенстве» Достоевского отражена в высказывании Стефана Жеромского из статьи «Снобизм и прогресс» (1924), хотя, в целом, это неоднозначное отношение к наследию русского писателя: считая Достоевского «безошибочным визионером человеческой личности», Жеромский одновременно называет его «духовным отцом черной сотни, чисто московским мистиком, ожесточенным пророком, на предсказания которого действительность наскоро дала ответ, вычеркивая букву за буквой, так что не осталось ни одного знака, ни одного штриха»¹⁴.

Диалогически противоречивым является также высказывание графа Бодзанты в романе Жеромского «История греха» (1912):

¹² *Zdziechowski M.* Wybór pism. Kraków, 1993. S. 502.

¹³ *Lange A.* Krótki zarys literatury powczesnej. Część 4. Warszawa, 1909. S. 97–98.

¹⁴ *Żeromski S.* Snobizm i postęp [Электронный ресурс] // Wirtualna biblioteka literatury polskiej. URL: <http://literat.ug.edu.pl/xxx/snobizm/0002.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

Достоевский назван «ожесточеннейшим врагом» Польши, хотя признается и то, что в «Записках из Мертвого дома» он отдал должное мужеству и стойкости поляков на каторге: «В нашей чудесной истории есть примеры, каким становится шляхтич лишенный земли, изгнанный после революции 1831 г. и шляхтич, сосланный в Сибирь после 63-го. В своей нищете он становится великим, как тот старик, битый палками и спокойный, описанный [...] Достоевским»¹⁵.

«Записки из Мертвого дома» традиционно привлекают к себе внимание польских читателей, хотя Т. Сухарский проницательно отмечает парадоксальное искажение восприятия у польского читателя: стремясь к поспешному осуждению русского классика, он нередко проходит мимо изображаемых с сочувствием польских сокаторжан и концентрируется на карикатурных этнотипах поляков из романов «Братья Карамазовы», «Идиот» и «Игрок».

Автор первой польской книги о Достоевском, опубликованной в 1947 г., Станислав Цат-Мацкевич афористически пишет о «Записках из Мертвого дома» как об особенном — «выношенном» писателем произведении: «Достоевский был беремен этой книгой около девяти лет. Достоевский вспоминает, что только два произведения он писал без спешки, без того, чтобы кто-то стоял у него над душой и торопил, — это “Бедные люди” и “Записки из Мертвого дома”. Может быть, поэтому “Записки из Мертвого дома” так спокойны и уравновешенны, в них нет истерики»¹⁶. Эпически «спокойный» и «неистеричный» тон «Записок из Мертвого дома» сказался и на реалистически взвешенном способе изображения Достоевским польских этнохарактеров, в которых почти нет карикатурных признаков «полячишек» из других произведений писателя — от повести «Дядюшкин сон» до романа «Братья Карамазовы».

¹⁵ *Żeromski S. Dzieje grzechu.* [Электронный ресурс] // Listy z krainy snów... URL: <http://listy.co/lektury/dzieje-zeromski.pdf> (дата обращения: 29.08.2021).

¹⁶ *Mackiewicz-Cat S. Dostojewski.* [Электронный ресурс] // Śmietnik internetowy URL: http://niniwa22.cba.pl/cat_mackiewicz_dostojewski_1.htm (дата обращения: 29.08.2021).

«Записки из Мертвого дома» Достоевского были переведены на польский язык в 1897 г. известным польским литературоведом Юзефом Третьяком. В предисловии к переведенной им книге Достоевского Ю. Третьяк утверждает, что «Записки из Мертвого дома» привлекательны для польского читателя реалистическим объективизмом, в том числе пристальным вниманием к сценам из народной жизни, чем они отличаются от психологических романов писателя. По резонному замечанию М. Ведеманна, «чтобы обосновать свое решение открыть для родной литературы одно из произведений этого славного — но вместе с тем и ославленного — писателя, Третьяк должен был, по крайней мере отчасти, переломить негативный стереотип, выражающийся в емкой формуле (Н.К. Михайловского — Л.М.) “жестокий талант”»¹⁷.

Переводчик «Записок из Мертвого дома» также не проходит мимо того внимания, которое автор «Записок...» уделил судьбе польских каторжан, а также мимо факта «перекрестной» публикации — изданных в 1896 г., почти синхронно с польским переводом «Записок...» Достоевского, «Воспоминаний сибиряка» (*Wspomnienia sybiraka*) Юзефа Богуславского — польского сокамерника Достоевского, обозначенного в его «Записках...» как «Б-кий». Вероятно, «Воспоминания сибиряка» послужили основой для компилятивного сочинения Шимона Токажевского (в «Записках...» Достоевского — «Т-кий») «В Сибири» (*Na Sybirze*), изданного гораздо позже — в 1920 г. Мемуарные свидетельства Богуславского — Токажевского стали основой устойчивого метастереотипного восприятия личности и творчества Достоевского в польском общественном мнении: «Это был москаль в полном смысле слова; поляков он ненавидел, о себе говорил (поскольку и по чертам лица, и по фамилии, увы, было видно польское происхождение), что если бы узнал, что в его жилах течет хоть капля польской крови, то он тотчас приказал бы ее выпустить»¹⁸.

¹⁷ *Wedemann M.* Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847–1897. Poznań, 2010. S. 228–229.

¹⁸ Цит. по: *Ibid.* S. 246.

Негативные воспоминания о Достоевском Богуславского — Токажевского резко контрастируют с гораздо более доброжелательной тональностью Достоевского по отношению к полякам в «Записках из Мертвого дома» (глава «Товарищи»), в которых о Б-ком (Богуславском) сочувственно пишется как о человеке «раздражительном и нервном, но в сущности предоброем и великодушным», а Т-кого (Токажевского) Достоевский с симпатией характеризует как «твердого и великодушного молодого человека», «доброего, мужественного, славного», «хоть и необразованного»¹⁹.

Из охарактеризованных в «Записках из Мертвого дома» восьмерых польских заключенных наиболее сильное впечатление, с морально-этической точки зрения, производит образ Ж-кого (Юзефа Жоховского, в прошлом — профессора математики Варшавского университета), которого нарратор — Александр Петрович Горянчиков — называет «стариком добрым, хорошим, большим чулаком и, несмотря на образование, кажется, крайне ограниченным человеком»²⁰. В повторной характеристике Ж-кого контраст между достоинствами и недостатками этого поляка даже усиливается: с одной стороны, рассказчик подчеркивает религиозность Ж-кого («По целым дням он молился на коленях Богу, чем снискал общее уважение каторги и пользовался им до самой смерти своей»²¹), что в аксиологической системе координат Достоевского ставит Ж-кого на сторону таких носителей идеи христианской святости, как Соня Мармеладова или старец Зосима. Вместе с тем о том же Ж-ком Горянчиков эмоционально высказывается как о человеке «довольно тупом и, может быть, неприятном»²², подчеркивая неуживчивость этого героя, который не находил общего языка не только со всеми каторжанами, но даже и со своими соотечественниками.

¹⁹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. Л., 1972. С. 203, 209.

²⁰ Там же. С. 209.

²¹ Там же. С. 211.

²² Там же. С. 210.

Однако именно некоммуникабельность Ж-кого позволяет Достоевскому, как ни парадоксально, найти художественный подход к этому герою, психологически даже поставить себя на его место, поскольку «в остроге, как и во всяком таком месте, где люди собираются в кучу не волею, а насильно, мне кажется, скорее можно посориться и даже возненавидеть друг друга, чем на воле»²³. В этом Ж-кий психологически совпадает с необщительным Горянчиковым, для которого «главной задачей» было «как можно подальше спрятаться от всего света»²⁴. Да и сам Достоевский в известном письме Наталье Дмитриевне Фонвизиной (январь — февраль 1854 г.) исповедует в своей необщительности и неуживчивости, психологически сродняющей его не только с вымышленным Горянчиковым, но даже и с Ж-ким: «Быть одному — это потребность нормальная, как пить и есть. Иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником. Общество людей делается ядом или заразой, и вот от этого-то нестерпимого мучения я терпел более всего в эти четыре года»²⁵.

Давая такую характеристику Ж-кому, чуть более развернутую, чем другим польским персонажам, Горянчиков подробно описывает столкновение Ж-кого с бесчеловечным начальником острога, приказавшим хлестать старика розгами за «грубость», и мужественное поведение Ж-кого, позволяющее читателю даже сравнить его со смело идущими на муки первыми христианами из романа «Quo vadis?» Генрика Сенкевича. По свидетельству Горянчикова, произошедшее вызвало душевную боль у его соотечественников и снискало уважение к старику со стороны всех без исключения обитателей острога: «Он лег под розги беспрекословно, закусил себе зубами руку и вытерпел наказание без малейшего крика или стоны, не шевелясь», а уже после состоявшейся экзекуции Ж-кий «не глядя

²³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. С. 210.

²⁴ Там же. С. 7.

²⁵ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 177.

ни на кого, с бледным лицом и с дрожавшими бледными губами, прошел между собравшихся на дворе каторжных, [...] вошел в казарму, прямо к своему месту, и, ни слова ни говоря, стал на колени, и начал молиться Богу»²⁶. В связи с этим событием Горянчиков описывает чувства одного из соотечественников Ж-кого: «Как увидал я этого старика..., седого, оставившего у себя на родине жену, детей, как увидал я его на коленях, позорно наказанного и молящегося, — я бросился за казармы и целых два часа был как без памяти; я был в иступлении»²⁷.

В этой уникальной психологически насыщенной «польской» сцене Достоевского изображен не поверхностный этнотип, а глубинный этнохарактер, внешним признаком которого является лицо героя («с бледным лицом и с дрожавшими бледными губами»). Сцена унижения человеческого достоинства и, по контрасту, благородства и высоты человеческого духа является характерно «достоевской», позволяя провести аналогию между ней и психологически проникновенными страницами прозы писателя, например, сценой оскорбления штабс-капитана Снегирева на глазах сына, в которой главным виновником был склонный к самодурству Митя Карамазов. В этом контексте вспоминается также насыщенная польскими аллюзиями поэма в прозе Станислава Бжозовского «Теодор Достоевский. Из мрака русской души» (1906), в которой содержится интертекстуальное обращение, с одной стороны, к «Братьям Карамазовым» Достоевского, а с другой — к «Большой импровизации» Мицкевича: «И Тебя, Боже, спрашиваю, / Знал ли ты, чертя план творения, / О боли ребенка, паренька, / Который видит, / Как отца за бороду тащат, / Как плюют ему в лицо / Среди смеха...»²⁸.

В целом, изображенный Достоевским групповой портрет восьмерых поляков, в котором писатель различает индивидуальные

²⁶ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. С. 211.

²⁷ Там же.

²⁸ *Brzozowski S.* Teodor Dostojewski: z mroków duszy rosyjskiej. Lwów, 1906. S. 50.

черты, дает основание усомниться в справедливости упреков Достоевскому со стороны польских критиков, а также обоих мемуаристов — Богуславского и Токажевского. Характеризуя поляков как «больных нравственно, желчных, раздражительных, недоверчивых», рассказчик «Мертвого дома» проявляет к ним сочувствие и понимание, так как им «было очень тяжело, гораздо тяжелее, чем нам. Были они далеко от своей родины»²⁹. По свидетельству Горянчикова, и остальные русские каторжники также сочувствовали полякам, хотя это сочувствие никогда не встречало взаимности со стороны польских заключенных, которые «видели в каторжных одно только зверство и не могли, даже не хотели, разглядеть в них ни одной доброй черты, ничего человеческого»³⁰.

Своими краткими характеристиками поляков-сокаторжан Достоевского, а также чуть более развернутым, художественно наиболее значительным этнохарактером Ж-кого (Жховского) «Записки из Мертвого дома» образуют контраст с прочими произведениями Достоевского, в которых запечатлены эпизодические этнотипы поляков, наоборот, лишённые какой-либо привлекательности и не способные вызвать сочувствие. По Достоевскому, доминантной чертой этнотипа поляка-«тартюфа» является лицемерие, в которое входит, с одной стороны, позерство, а с другой, мелкое надувательство, и с этой точки зрения в романе «Игрок» образуется тождество между этнотипами поляка («полячишки») и француза («французишки»). Так, оценивая де Брие, рассказчик романа «Игрок» отмечает: «За столом французик тонировал необыкновенно; он со всеми был небрежен и важен. А в Москве, я помню, пускал *мыльные пузыри*»³¹ (здесь и далее выделено нами — Л.М.).

В романе «Братья Карамазовы» сходная метафора содержится в говорящей фамилии польского жениха Грушеньки «пан

²⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. С. 209–210.

³⁰ Там же. С. 210.

³¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. С. 210.

Муссялович»³², орфографически искажающей настоящую фамилию Яна Мусяловича, одного из польских сокаторжан Достоевского. Французские коннотации (*mousse* — *фр.* пена) выявляют в фамилии Муссялович оттенок фальшивости: действительно, как во время застолья в Мокром, так и на судебном заседании пан Муссялович ведет себя напыщенно и высокомерно, однако по ходу дела компрометирует себя, как бы «сдуваясь» — становясь пустым местом в глазах окружающих. Другую сторону негативного этнотипа поляка демонстрирует в «Братьях Карамазовых» фамилия спутника Муссяловича — Врублевский. С одной стороны, происхождение фамилии от *wróbel* (*польск.* воробей) создает комический эффект несоразмерности маленькой птички и рослого, долговязого обладателя этой фамилии, контрастирующего по росту и по комплекции также и с паном Муссяловичем. С другой стороны, русская «народно-этимологическая» ассоциация польской фамилии Врублевский недвусмысленно указывает на любовь к деньгам Врублевского, а также и его соотечественника.

По сравнению с написанным в середине 1860-х гг. романом «Игрок», в котором антипольская предубежденность автора была до предела обострена недавно пережитым польско-русским конфликтом 1863 г., «польская» глава «Братьев Карамазовых», несмотря на присутствие в ней элементов карикатуры, сатиры и даже гротеска, отличается большей сдержанностью и даже некоторой неоднозначностью. При всей ограниченности и фальшивости, которую демонстрируют поляки «Братьев Карамазовых», эти пороки уже не воспринимаются исключительным свойством иностранца — они представлены как разновидность общечеловеческих пороков, свойственных представителям любого народа.

В главе «Презнний и бесспорный» польская тематика раскрывается через ряд компрометирующих эпизодов: нелицеприятный для

³² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 102.

поляков рассказ Максимова о женитьбах русских военных на польских «паненках», шулерская игра в карты со вставным рассказом Врублевского об увенчавшейся успехом игре «на хонор» некоего Подвысоцкого, наконец, конфиденциальный разговор Мити с Муссяловичем и Врублевским, оборачивающийся скандалом и «заключением» поляков в отдельной комнате. Идеино-композиционным фокусом «польской» сцены является двойной тост Мити за Польшу и за Россию. С польской стороны главную роль в этом эпизоде играет Врублевский, по всей вероятности, более патриотичный, чем Муссялович. Его поправка ко второй части тоста: «За Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года»³³, задевающая Митю, отражает, с русской точки зрения, неготовность поляков ответить широким жестом на русский призыв к братству, а в польском восприятии — напоминает о травме, связанной с раздѣлами Польши в конце XVIII в., в которых принимала участие Россия: «Але не можно мець слабосци до своего краю? — возгласил он (Разве можно не любить своей стороны?)»³⁴. Это пояснение Врублевского образует единственный момент на протяжении всей «польской» главы, когда становится возможным сочувствие к поляку со стороны русских собеседников, также понимающих, что нельзя «не любить своей стороны». Риторическим вопросом польский персонаж апеллирует к русским слушателям, выражая надежду на то, что его патриотизм найдет в их сердцах понимание.

Дополнительным смысловым нюансом диалога Мити с поляками является то, что Митя в изначальном тосте предлагает выпить «за Польшу, [...] *за польский край*»³⁵. Это не лишено не признаваемого самим Митей обидного для поляков политического подтекста, поскольку Царство Польское после восстания 1863 г. именовалось «Привислинским краем». Однако ответная реплика

³³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. С. 383.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 382.

Врублевского «Але не можно мець слабосьци *до своего краю?*» иплицитно может содержать принятие этого уничижительного названия и, следовательно, признаки того смирения, в котором русские, как правило, отказывали «кичливым ляхам».

Эта «польская» сцена «Братьев Карамазовых», в которой два тоста Мити за Польшу и Россию едва не обернулись скандалом, является сходной с документальным рассказом молодого Жеромского из «Дневника» об инциденте в польской гимназии, который произошел между местными гимназистами и их русским одноклассником Шубиным, переставшим с того момента быть другом автора. Шубин возмущился тем, что один из товарищей читал молитву по-польски, и в оскорбительной форме потребовал у того перейти на русский, что, в свою очередь, вызвало возмущение польских сверстников, вылившееся в поток оскорблений. По этому печальному поводу Жеромский изрекает сентенцию, противоречащую по коммуникационному заданию вышеприведенному высказыванию поляка у Достоевского «Разве можно не любить своей стороны?»: «Патриотизм имеет против себя то, что он не способен понять того же патриотизма в представителе другого народа»³⁶. Из этой сентенции Жеромский извлекает вывод, что исповедоваться в патриотических чувствах имеет смысл только перед представителями своего народа, тогда как те же слова, сказанные перед чужеземцами, останутся непонятыми и искаженно воспринятыми.

Жеромский сравнивает Шубина с положительным персонажем — русским капитаном Рыковым из поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш». Однако несдержанность и горячность также роднит этого «друга-москаля» Жеромского с Митей Карамазовым, нередко прибегающим к крепким словам, хотя Достоевский подчеркивает, что присущее Мите чувство справедливости не позволяет ему распространить личную неприязнь к конкретному человеку — пану

³⁶ *Żeromski S. Dziennik. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980. S. 127.*

Муссяловичу — на весь польский народ: «Если я ему сказал подлеца, не значит, что я всей Польше сказал подлеца. Не составляет один лайдак Польши»³⁷.

Польская рецепция клишированных образов поляков в произведениях Достоевского отражает универсальную тенденцию в восприятии этнического — утрированное акцентирование сходств при затушевывании различий. Соответственно предпочтительным объектом внимания являются этнотипические карикатуры поляков, что делает неизбежным вывод о категорически отрицательном отношении Достоевского к полякам. Что же касается этнохарактеров поляков из «Записок из Мертвого дома», то они, как правило, берутся за скобки: подразумевается, что это лишь частный случай, исключение, подтверждающее правило.

Акцентирование внимания на этнотипическом при маргинализации роли этнохарактерного является особенностью не только восприятия творчества Достоевского широким читателем, но и его осмысления большими писателями. Об этом свидетельствует, например, метастереотипный вердикт, с которого начинается статья Витольда Гомбровича «Польша и латинский мир» (1945): «Мы, поляки, латинизированные славяне, именно за это ненавидел нас Достоевский. Русский гений считал нас предателями славянского духа, и путь нашего развития пробуждал в нем большое недоверие»³⁸. В свойственной ему игровой диалектике отторжения — принятия традиционных форм литературы Гомбрович «принимает» карикатурный этнотип-стигму «поляка у Достоевского» для провокативной дискредитации польского патриотизма, осуществляемой им в романе «Транс-Атлантик» (1951) и в «Дневнике» (1953–1969). Способом излечения от польского комплекса оскорбленного самолюбия является для Гомбровича своеобразный перформанс,

³⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. С. 398.

³⁸ *Gombrowicz W. Czytelnicy i krytycy. Varia 1. Kraków, 2004. S. 348.*

разыгрываемый им в аргентинском кафе, где польский писатель представляется «графом Гомбровичем», не имея, однако, никаких прав на этот титул.

Таким образом, автор «Дневника» принимает этнотипическое амплу «фальшивого графа», являющееся своего рода «визитной карточкой» поляка Достоевского, например, в романе «Идиот»: «Оказалось, что этот граф даже и не граф, а если и эмигрант действительно, то с какою-то темною и двусмысленною историей»³⁹. Это высказывание о поляке-эмигранте в романе Достоевского интертекстуально перекликается с суждением самого Гомбровича о двойном восприятии «польскости» на Востоке и на Западе: на Востоке поляк воспринимается как «определенный и заранее известный», в то время как на Западе он «имеет смутный облик, полный неясного негодования, недоверчивости, тайной раздражительности»⁴⁰.

Отрицательные этнотипы поляков обращают также внимание Чеслава Милоша, который, в отличие от Гомбровича, комментирует тему «поляков Достоевского» в более эмоциональном ключе: «Я не мог долго задерживаться на антипольских убеждениях Достоевского, хотя этого и не так мало, поскольку в “Братьях Карамазовых”, почти шедевре, глава о карикатурных поляках, художественно недопустимая для любого уважающего себя писателя, явно свидетельствует о его одержимости»⁴¹. По словам Милоша, для создателя «Братьев Карамазовых» поляки «олицетворяли то, что чуждо»⁴², и такое решение Достоевским польского вопроса стало охлаждающим фактором отношения самого Милоша-эссеиста к творчеству русского писателя, хотя при всем при этом Милоша привлекали религиозно-метафизические и глобально-исторические

³⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Л., 1973. С. 509.

⁴⁰ Gombrowicz W. Dziennik: w 3 t. Kraków, 2007. Т. 1. S. 25.

⁴¹ Miłosz Cz. Rosja. Widzenia transoceaniczne. S. 85.

⁴² Ibid. S. 86.

проблемы, поставленные автором «Братьев Карамазовых» не только для XIX, но и для XX в.

Превалирование этнотипов над этнохарактерами как в самом творчестве Достоевского, так и в читательском сознании обусловлено «общественной функцией стереотипа», отношение к которому как к «обязывающей норме» является, по словам А. Шаффа, «условием интеграции личности в группе»⁴³. В таком социокультурном контексте лица представителей этнической гетерокультуры имеют тенденцию «сливаться» в однообразный клишированный образ, а индивидуально-психологические различия между разными представителями этнического «другого» девальвируются. В глазах польского читателя эта тенденция к стереотипизации образа поляка воспринимается даже в утрированном виде, что, впрочем, не создает идиосинкразии к Достоевскому как доминирующего фактора польского сознания, и польские читатели, в том числе известнейшие представители мира литературы, зачастую ведут увлеченный диалог с наследием русского классика по сложным религиозно-метафизическим, историософским, морально-психологическим и политико-идеологическим проблемам. По небезосновательному утверждению А. де Лазари и Т. Сухарского, «поляки Достоевского ценят, читают и давно простили ему антипольские фобии»⁴⁴.

⁴³Цит. по: *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами польских литераторов. М., 2005. С. 8.

⁴⁴*Лазари де А., Сухарский Т.* Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х по настоящее время // *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 20. СПб, 2013. С. 25.

Польские языковые элементы в творчестве Ф.М. Достоевского

К теме «Поляки у Достоевского» исследователи обращались неоднократно, но интересовали их отнюдь не языковые черты, характеризующие речь поляков, и художественные функции этих полонизмов, а отношение писателя к изображаемому польским персонажам, отражающее особенности его мировоззрения. Наиболее насыщены полонизмами «Братья Карамазовы», где приведены целые высказывания на польском языке «панов»-шулеров Врублевского и Муссяловича (подробный разбор этих полонизмов, а также употребляемых польских языковых элементов русскими, общающимися с этими поляками, дан нами ниже). В других произведениях Достоевского полонизмы представлены крайне скупо, хотя полякам уделяется здесь немалое место.

Так, в «Записках из Мертвого дома» действуют поляки, с которыми (и, по всей видимости, с языком которых) Достоевский познакомился на каторге. Но как раз в этом произведении, кроме зашифрованных антропонимов (фамилий на *-ский* и *-цкий*), за которыми стоят реальные известные Достоевскому люди, никаких польских языковых элементов нет. Поляки без полонизмов появляются также в финале «Идиота». Это польский лжеграф, за которого вышла замуж сумасбродная и увлекающаяся всем необычным Аглая Епанчина, представляющий собой собрание отрицательных черт стереотипного поляка в русской литературе (на словах патриот, а на деле лгун и аферист) и связанный с «графом» узами дружбы католический священник (еще один стереотипный образ русской литературы).

Адъективы *какой-то* (символ неопределенности и неясности), *тёмный*, *двусмысленный* в нижеприведенном отрывке из романа,

описывающем историю Аглаи с графом и патером, отражают отрицательно-ироническое отношение автора к «графу», исповеднику и их деятельности: «Оказалось, что этот граф даже и не граф, а если и эмигрант действительно, то с *какою-то темною и двусмысленною* (здесь и далее выделено нами — Н. А.) историей. Пленил он Аглаю необычайным благородством своей истерзавшейся страданиями по отчизне души, и до того пленил, что та, еще до выхода замуж, стала членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши и, сверх того, попала в католическую исповедальню *какого-то* знаменитого патера, овладевшего ее умом до иступления. Колоссальное состояние графа, о котором он представлял Лизавете Прокофьевне и князю Щ. почти неопровержимые сведения, оказалось совершенно небывальным. Мало того, в какие-нибудь полгода после брака граф и друг его, знаменитый исповедник, успели совершенно поссорить Аглаю с семейством, так что те ее несколько месяцев уже и не видали»¹. Неприятие католицизма, характерное для мировоззрения Достоевского, находит выражение в этом романе также в горячем монологе Льва Николаевича Мышкина на его «смотринах» у Епанчиных о римском католицизме как нехристианской вере, которая хуже атеизма и порождением которой и является атеизм и даже социализм.

Мотив «лжеграфства» поляка представлен и в «Дядюшкином сне», когда находящийся в полумаразматическом состоянии князь К. («дядюшка») вспоминает некоего поляка, который выдавал себя за графа, а оказался *кухмистром* (à propos, генетический германизм, пришедший в русский язык из польского — польск. *kuchmistrz*). И, конечно, поляк, соответствуя русскому стереотипу, должен лихо отплясывать свой национальный танец (ср. соответствующие эпизоды в «Наездах» Бестужева-Марлинского,

¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1957. С. 695–696.

позднее в «Приваловских миллионах» Мамина-Сибиряка и др.). Здесь выбран *краковяк* (хотя сначала выживший из ума князь К. приписывает «восхитительное» исполнение этого танца лорду Байрону «на Венском конгрессе»), который рифмуется с этнонимом *поляк* в немудреном стишке дядюшки: «Наш *поляк* / Танцевал *краковяк*. / А как ногу сломал / Танцевать перестал»².

Отдельные польские слова в качестве речевых маркеров польских персонажей представлены в «Преступлении и наказании», «Игроке», рассказе «Роман из девяти писем».

В «Преступлении и наказании» помогающий Катерине Ивановне с «закупками» для поминок по Мармеладову «один жилец, какой-то жалкий *полячок*» обращается к вдове, употребляя словосочетание «пани хорунжина»³, состоящее из прономинального *пани* и образованного от наименования «*хорунжий*» (польск. *chorąży*) феминатива с суффиксом *-ина*, имеющим значение «жена лица, обозначенного основой». Кроме того, поляки на поминках Мармеладова выражают своё возмущение поступком Лужина, обвинившего Соню в воровстве и разоблачённого Лебезятниковым, обзывают Лужина излюбленным в русской литературе (и Достоевским в том числе) пейоративом *лайдак* (в сочетании с вокативом *пане* это создаёт несколько комическое впечатление): «Все три *полячка* ужасно горячились и кричали ему беспрестанно: “*пане лайдак!*”. Хотя они и «бормотали ещё какие-то угрозы по-польски», конкретных слов писатель не приводит⁴. Сама Катерина Ивановна, увидев на поминках *поляков* и говоря: «А эти *полячишки*. ха-ха. Никто их никогда здесь не видывал, и я никогда не видала; ну зачем они пришли, я вас спрошу?», а также опасаясь за хозяйские серебряные ложки, тем не менее, предлагает одному из *поляков* взять ещё

² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М., 1956. С. 296.

³ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М., 1957. С. 362.

⁴ Там же. С. 374.

блинов и выпить водки, употребляя при обращении к нему традиционную формулу вокатива *пане* и междометие *гей!* «Пане гей! — закричала она вдруг одному из них, — взяли вы блинов? Возьмите ещё!»⁵.

В «Игроке» поляком оказывается увивающаяся около выигравшей большую сумму денег бабушки «одна личность, в истасканном сюртуке, пёстром жилете», которой бабушка дала два фридрихсдора. Вначале эта «личность» говорит по-французски, из его французского высказывания мы узнаём, что это «бедный эмигрант» (*«un pauvre expatrié»*), а затем Потапыч, рассказывая о проигрыше бабушки, уточняет национальность этого эмигранта, говоря, что к бабушке «прикомандировался там тот самый *полячок*, которому она дала давеча два фридрихсдора, и всё время руководил ее в игре». По словам Потапыча, «он понимал по-русски и даже болтал кое-как, смесью трёх языков [т. е. русского, французского и польского. — Н. А.], так что они кое-как уразумели друг друга». Вороватый «полячок» («тут же у ней со стола воровал»), по мнению Потапыча, «стелился под *стопки паньски*»⁶. Эти *стопки паньски* («господские ножи», польск. *stopki pańskie* с корректным *-e* в форме им. п. мн. ч. прилагательного) относятся к немногочисленным полонизмам романа. Словосочетание *стопки паньски* (причём с редким для русской литературы сохранением мягкости *нь* перед суффиксом *-ск-*) ещё дважды употребляется в этом произведении: при очередной неудачной попытке бабушки отыграться появляется вместо «двух полячишек», опекавших её до этого, третий. «Он тоже целовал “*стопки паньски*” и “стелился под *стопки паньски*”»⁷.

Кроме того, Потапыч, описывая третьего поляка, употребляет от знаковое польское слово *гонор*: «Взамен их [двух полячишек]

⁵ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. С. 364.

⁶ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М., 1956. С. 382.

⁷ Там же. С. 385.

тотчас же к услугам её [бабушки. — *Н. А.*] явился третий поляк, уже совершенно чисто говоривший по-русски, одетый джентльменом, хотя всё-таки смахивавший на лакея, с огромными усами и с *гонором*. Помимо этого, третий поляк сам себя именует «гоноровым паном»⁸. Рассказывая о проигрыше бабушки, Потапыч по отношению к третьему поляку повторяет его номинации *пан* и *гоноровый пан*. «Но так как этот *пан* действительно вначале как будто поправил ее игру и стал было выигрывать, то бабушка и сама уже не могла от него отстать»⁹; «Потапыч божился, что “*гоноровый пан*” с ними [с «обоими прежними полячишками». — *Н. А.*] перемигивался и даже что-то им передавал в руки»¹⁰; «за стулом ее стояло уже до шести полячков, прежде невиданных и несслыханных. Когда же бабушка проигрывала уже последние монеты, то все они не только ее уж не слушались, но даже и не замечали, лезли прямо чрез нее к столу, сами хватали деньги, сами распоряжались и ставили, спорили и кричали, переговариваясь с *гоноровым паном* за панибрата, а *гоноровый пан* чуть ли даже и не забыл о существовании бабушки»¹¹.

И, наконец, ругаясь между собой, «полячки, руководившие бабушкой», обзывают друг друга излюбленным русскими писателями пейоративным маркером «польскости» — лексемой *лайдак*: «Всё время они спорили и ругались друг с другом за ставки и ходы, обзывали друг друга “*лайдаками*” и прочими польскими любезностями»¹². Ударение на первом слоге, правильное для им. п. ед. ч. *ла́йдак*, в твор. п. мн. ч. в польском языке приходится на слог *-ка* (*лайда́ками*). Писателю, по всей видимости, важно было подчеркнуть «необычность» польской лексемы, поскольку в русских словах подобной структуры (*дурак*, *рыбак*, *чудак* и т. п.) ударение падает на слог *-ка* (*чудака́ми* и т. д.).

⁸ *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. С. 385.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 386.

¹² Там же. С. 384.

В рассказе «Роман из девяти писем» в первом письме Петра Ивановича Ивану Петровичу автор послания употребляет русифицированный польский оборот *падам до ног* (польск. *padam do nóg* 'припадаю (букв. падаю) к (Вашим) ногам'), приписываемый им некоему общему для адресанта и адресата знакомому, судя по фамилии с патронимическим суффиксом *-евич*, поляку: «*Падам до ног*, как говорит приятель наш *СИМОНЕВИЧ*»¹³. Это словосочетание также относится к излюбленным полонизмам Достоевского и употребляется им для достижения большей выразительности повествования в произведениях, никак не связанных с польской тематикой или польскими персонажами.

Так, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» польский оборот *па́дам до ног* усиливает сатирический тон высказывания о раболепии французского корреспондента, воспевающего в газетной заметке императора Наполеона III как «самого блестящего» наездника: «Нет-с, тут другой расчёт: пусть неправдоподобно, смешно, пусть сам владыка посмотрит на это с отвращением и презрительным смехом, пусть, пусть, но зато увидит слепую покорность, увидит безграничное *па́дам до ног*, рабское, глупое, неправдоподобное, но зато *па́дам до ног*, а это главное»¹⁴. Полонизм приводится как цитата, номинирующая явление раболепия, «слепой покорности», становится его символом («безграничное», «рабское», «глупое», «неправдоподобное» *па́дам до ног*).

Не исключено, что ударение на предпоследнем слоге в лексеме *дево́чка*, которую употребляет в «Вечном муже» Марья Сысоевна («Расспросив коротко о том, как он отвез вчера "*дево́чку*", Марья Сысоевна тотчас же пустилась в рассказы о Павле Павловиче»¹⁵); «плачет *дево́чка*», появилось в палитре художественных

¹³ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М., 1956. С. 376.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. С. 112.

¹⁵ Там же. С. 495.

средств, характеризующих этот простонародный персонаж, не без влияния польского языка с его постоянной парокситонезой.

Перейдём к анализу произведения с наибольшим числом полонизмов — к «Братьям Карамазовым». Самое значительное число польских языковых элементов представлено у поляков-шулеров Врублевского и Муссяловича (глава «Сам еду!» восьмой книги третьей части). В речи русскоязычных участников беседы с ними (Дмитрий Карамазов, Максимов, Калганов) также употребляются отдельные полонизмы (в особенности обращения — маркеры национальности адресатов: *пан, пане, панове*). Но количество целых изречений на польском языке, включающих многообразную лексику, которые употребляют польские шулеры, не сопоставимо с однообразными лексическими полонизмами, встретившимися у русских персонажей при их контакте с поляками.

Начнём с насыщенной полонизмами речи поляков. Здесь представлены целые фразы на польском языке. В ряде случаев, когда писатель сомневается в том, что русскоязычный читатель поймёт польскую цитату, в скобках приводится русский перевод.

а) фразы Муссяловича:

Например: «Ктура годзина, пане? (который час?)»¹⁶, «+ Пани, я ниц не мувен против, ниц не поведзялем. (Я не противоречу, я ничего не сказал)»¹⁷; «Чего хцешь, пане? (Что угодно?)»¹⁸; «+ Жартуешь (шутить), пане?»¹⁹; «Ото бардзо пенькне! (Вот так хорошо!)»²⁰; «+ Естем до живого доткнентным! (Я оскорблен до последней степени)»²¹; гибридная фраза «Я пшибыл взять тебя в супругу, а вижу нову пани, не ту, что прежде, а упарту и без встыду (своенравную

¹⁶ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М., 1958. С. 526.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 532.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 528.

²¹ Там же. С. 534.

и бесстыдную)»²²; «ото есть твой рахунок (вот твой счет)»²³; «Бардзо ми то мило, пане, выпием (это мне очень приятно, пане, выпьем)»²⁴; «Пане Калганов, в шляхетной компании так мувиць не пржистои (в порядочном обществе так не говорят)»²⁵; «Видзен не-ласкен, и естем смутны. (Вижу нерасположение, оттого я и печальный). Естем готув (я готов), пане, — dokonчил он, обращаясь к Мите»²⁶; «Так есть пани (точно так, пани)»; «Но я былем здзивёны (был удивлен)»²⁷; гибридная фраза с русск. *за мною* и *бывай*. «Пани, ежели хцешь исыць за мною, идзьмы, если не — бывай здорова! (Пани, если хочешь идти за мной — пойдем, а если нет — то прощай!)»²⁸.

б) фразы Врублевского:

«— То найлепши способ (самый лучший способ), — поддакнул пан Врублевский»²⁹; «— Але, не можно не мець слабосьци до своего краю? — возгласил он (Разве можно не любить своей стороны?)»³⁰; «— Як сен поважашь то робиць, пане! (Как вы смеее это делать!) — рывкнул на Калганова и пан Врублевский»³¹.

Слова «пан», «пани» настолько вошли в речь рассказчика, что иногда они сохраняются в переводе и в прономинальной функции, хотя в функции обращения этим словам соответствует местоимение «Вы» (ср. его употребление в последнем из высказываний Врублевского).

Иногда приведённый русский эквивалент передаёт общее значение полонизма, совершенно не соответствуя ему по форме. Ср. перевод польского междометия, выражающего пренебрежение

²² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 525.

²³ Там же. С. 531.

²⁴ Там же. С. 520.

²⁵ Там же. С. 531.

²⁶ Там же. С. 530.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 530.

³⁰ Там же. С. 529.

³¹ Там же. С. 532.

(«*Пфе! Апфе!*», т. е. русск. *фу-фу* или *фи-фи*) полнозначными субстантивными лексемами («*стыд, срам!*»³²).

Русский эквивалент может быть вставлен в текст в постпозиции или препозиции (реже) по отношению к полонизму. Нередко такое пояснение даётся по настоянию Грушеньки, которая требует, чтобы её соблазнитель говорил по-русски: («+ По-русски, говори по-русски, чтобы ни одного слова польского не было!.. Говорил же прежде по-русски, неужели забыл в пять лет!»³³, или в ответ на её вопрос, который может также содержать предполагаемый ею русский эквивалент. Примеры постпозиционного употребления русского соответствия:

1) «+ *Пузьно*, пане! — как бы нехотя отозвался пан на диване. — То правда, — поддакнул и пан Врублевский. — *Пузьно?* Это что такое *пузьно?* — спросила Грушенька. — То значи *поздно*, пани, *поздно, час поздний*, — разъяснил пан на диване»³⁴;

2) «+ Ежели позволит моя *крулева*. — начал было он. — Да что *крулева*, это *королева*, что ли? — перебила вдруг Грушенька»³⁵. И это её предположение подтверждается в более широком контексте: когда, даже говоря по-русски, «маленький пан» приводит эквивалент польск. *królowa* — синонимичную слову королева лексему *царица* («+ Что изволит моя *царица* — то закон!»³⁶).

Пример препозиционного употребления русского эквивалента в ближнем контексте: «+ Слухам, пане, *может* сто, *может* двесъце, сколько ставить будешь»³⁷. При отсутствии перевода полонизма ключом к уяснению его значения может быть употребление в последующем тексте русского семантического соответствия,

³² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 534.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 530.

³⁵ Там же. С. 519.

³⁶ Там же. С. 520.

³⁷ Там же: С. 531.

нередко в грамматической форме, не совпадающей с польской. Так, смысл приводимых без перевода форм 3 л. ед. ч. *муви* 'говорит' и 2 л. ед. ч. *мувишь* 'говоришь' уясняется наличием перевода для инфинитива *мувиць* («в шляхетной компании так *мувиць* не пржистои (в порядочном обществе так не *говорят*)»). Аналогичная форма 3 л. ед. ч. презенса *муви* в вышеприведённой фразе «Пан польской пани не видзел и *муви*, что быть не мógло» поясняется последующей, содержащей ключ к значению глагола *муви*: «Пан с трубкой *говорил* по-русски порядочно»³⁸.

Подчас из более широкого контекста выявляется, к какой лексико-семантической группе относится полонизм, но не определяется его точное значение. Подобным примером является употребление излюбленной русской литературой польской лексики *лайдак*. В роли комментатора-«разъяснителя» здесь опять выступает Грушенька (как, вероятно, знакомая с обычной лексикой своего польского кавалера): «— Пан *лайдак*! — проворчал вдруг высокий пан на стуле и переложил ногу на ногу. Мите только бросился в глаза огромный смазной сапог его с толстою и грязною подошвой. Да и вообще оба пана были одеты довольно засаленно. — Ну вот и *лайдак*! Чего он *бранится*? — рассердилась вдруг Грушенька»³⁹. Из комментария Грушеньки следует, что *лайдак* — это ругательство (*бранное* слово), но не дано его точное значение ('подлец, негодяй, прохвост, мерзавец').

Поясняться может и польская грамматическая форма, например, употребление непосредственно после формы с адъективным окончанием род. п. ед. ч. м. р. *-его* (польск. *-ego*) русского соответствия с *-ого*: «— Пан капитан, может, слышал про пана Подвысоцк *его*? — Какого Подвысоцк *ого*?»⁴⁰.

³⁸ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 523.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

В ряде случаев перевод или какие-либо пояснения для полонизма отсутствуют. По всей видимости, предполагается, что русскоязычному читателю эти фразы или отдельные слова из родственного славянского языка, к тому же модифицированные в соответствии с закономерностями русского идиома, будут понятны и без перевода. Например: «Пан был *нешенсливый*, пан может быть опять *шенсливым*, — заметил в его сторону пан на диване»⁴¹; «А *рубли, пане?*»⁴²; «*Слухам, пане?*»⁴³; «*То есть сóдом!* — взревел вдруг пан Врублевский»⁴⁴; «*То правда*, — поддакнул и пан Врублевский»⁴⁵; «*То значи поздно?*»⁴⁶; «*Чи не потшебуешь* ещё чего? — спросил он [Муссялович. — *Н.А.*] иронически»⁴⁷; «*На мейсца, панове!* — провозгласил пан Врублевский»⁴⁸. Ср. также уже приводимую польско-русскую гибридную фразу «Пан польской пани не видзел и муви, что быть не мógло», где польские слова *пан, пани, муви* и *мógло* (показатель «польскости» — парокситонеза) сочетаются с русскими *что, быть*, а форма *видзел* представляет собой контаминацию *дз*, передающего польский звук *dź*, и русского гласного *е* перед *л* (польск. *widział*, где *a* — результат изменения **ě* перед *ђ*). У Достоевского отмечается и более близкая польскому источнику претерияльная форма с *ал-* *поведзятем* (польск. *powiedziałem* ‘я сказал’).

Таким образом, из вышеприведённых примеров мы видим, что в случае близости польской и русской лексем показателем её «польскости» становится фонетическая особенность, проявляющаяся

⁴¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 531.

⁴² Там же. С. 533.

⁴³ Там же. С. 531.

⁴⁴ Там же. С. 536.

⁴⁵ Там же. С. 529.

⁴⁶ Там же. С. 530.

⁴⁷ Там же. С. 534.

⁴⁸ Там же. С. 530.

в передаче парокситонезы (*сóдом, не мóгло, рѹ́бли*) и специфического консонанта (*видзел*). К средствам передачи польского фонетического облика слова (как слов, близких к русским, так и собственно польских) относятся также передача польск. *ć* через *ц* (и *ц* перед *л*) и носового *ę* как *ен* или *ень* (ср.: «+ Чем моген служиць пану? — пролепетал маленький пан»⁴⁹). Подобные буквы и сочетания букв представлены в корневых морфемах (*доткнѣнтным* — польск. *dotkniętym*), формах 1 л. ед. ч. презенса в приводимых выше фразах — *видзен* ‘я вижу’ (польск. *widzę*), *не мувен* ‘я не говорю’ (польск. *nie mówię*), возвратной частице *сен* // *сень* ‘ся’ (польск. *sie*), инфинитивах *не мець* ‘не иметь’ (польск. *nie mieć*), *robić* ‘делать’ (польск. *robić*), падежных формах субстантивов: род. п. ед. ч. *слабосьци* ‘слабости’ (польск. *słabości*), вин. п. ед. ч. *неласкен* ‘нелюбезность, немилость’ (польск. *niełaskę*) и др.

Иногда фразе придаёт польский акцент вставленная в русский текст конструкция (ср. слова Муссяловича: «Прошу пана до нашей компании!»⁵⁰). Благодаря близости польского и русского языков и модификации полонизмов по законам русского языка те или иные высказывания поляков действительно понятны без каких-либо пояснений. Ср. фразу Муссяловича: «Пани Агриппина, пан видзел в польском краю хлопок, а не шляхетных паней»⁵¹. Полонизмы здесь *пан*, *пани*, *хлопка* (польск. *chłopka* ‘крестьянка; мужичка’) и *шляхетный* (польск. *szlachetny* ‘благородный’); о фонетической «польской» окраске лексемы *видзел* см. выше.

Но большинство этих полонизмов функционируют в соответствии с законами русского языка — ср. род. п. мн. ч. *паней* (польск. *pań*), употребление род. п. мн. ч. после переходного глагола для выражения категории одушевлённости, отсутствующей

⁴⁹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 533

⁵⁰ Там же. С. 520

⁵¹ Там же. С. 524

во мн. ч. в польском, в конструкции «видзел. *хлопок*, а не *шляхетных паней*» (польск. *widział chłopki, a nie szlachetne panie*). Кроме того, совпадает в русском и польском не только семантика, но и грамматическая форма для лексемы *край* (польск. *w kraju*), а также окончание род. п. мн. ч. прилагательного *шляхетный* (*шляхетных* — польск. *szlachetnych*).

Вследствие близости польского и русского идиомов та или иная фраза поляка, воспринимаемая как русская, одновременно может содержать лексемы, соотносящиеся с польскими. Например, это представлено в следующем предложении, где только обращение *пане* является собственно полонизмом, а остальная часть вполне русская: «Пане, мы здесь приватно. Имеются иные покои»⁵². С польскими лексемами соотносятся: *приватно* (польск. *prywatnie* ‘частным образом’), *покои* (польск. *pokoje* ‘комнаты’, именно это значение представлено в данном случае). И даже употребление адъектива *иные*, а не *другие* (польск. *inne*) придаёт фразе «польскую ауру».

Тем не менее, в некоторых случаях отсутствие русского эквивалента затрудняет восприятие неизвестного русскому языку полонизма. Например, вряд ли понятен русскоязычному читателю глагол *раховаць* в следующем высказывании «высокого пана на стуле»: «— Можешь нá то *раховаць*». Автор статьи проверил своё утверждение на не знающих польского языка информантах, которые не могли перевести эту фразу на русский язык. Слово *раховаць* (польск. *rachować* ‘считать, рассчитывать’) проясняется только в очень отдалённой постпозиции, в рассказе о пане Подвысоцком, где переведено слово *рахунок* ‘счёт’ (польск. *rachunek*). Однако не каждый читатель соединит эти слова и определит значение *раховаць* как ‘рассчитывать’. Ср. также отсутствие перевода для высказывания «пана на диване»: «цо мувишь, то сень стане»⁵³ (т.е. «то,

⁵² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 519

⁵³ Там же. С. 529

что ты говоришь, произойдёт» [перевод наш. — Н.А.]). Особенно трудно разглядеть польск. *się* ('*ся*') в *сень*.

Примером гибридного польско-русского текста является рассказ одного из «панов» (неясно, кого из двух) о выигравшем миллион пане Подвысоцком. Польскими «внесениями» являются здесь словосочетание *тысёнц złotych*, 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола речи *муви*, которое употреблялось и до этого рассказа (при этом только речепроявление банкомёта и Подвысоцкого обозначены полонизмом, в то время как другие их действия даны по-русски — Подвысоцкий *берет*, *ставит* ва-банк, банкомёт *вынул* ящик и т. д.), лексема *бáнкер* (польск. *bankier* 'банкир, банкомёт') и высказывания как банкомёта, так и ответ Подвысоцкого. Фразы банкомёта: «пане Подвысоцки, ставишь золото чи на го́нор», «Тем лепей, пане» (русс. *тем* — польск. *tytu*), «Пане Подвысоцки, ты ставилэсь на го́нор, и мы на го́нор», «Почекай, пане»; фраза Подвысоцкого: «На го́нор, пане». При этом совпадение русск. *ставишь* и польск. *stawisz* делает первую фразу банкомёта целиком польской.

Обращает на себя внимание дифференциация форм фамилии героя рассказа: для польской речи стяжённая форма («пане Подвысоцки») и русифицированная нестяжённая *Подвысоцкий* в повествовании о нём. Экспозиция и завершение рассказа, предназначенного для русских слушателей (Мити, Калганова, Максимова, Грушеньки), даны полностью на русском языке. Число гибридных польско-русских высказываний возрастает после гневного требования Грушеньки говорить по-русски. Так, «пан с трубкой» (Муссялович) говорит: «Я пшиехал забыть старое», «Пан Митя в том покое давал мне тржи тысёнцы», «Пани Агриппина, я рыцарь, я шляхтич, а не лайдак!» (и *рыцарь*, и *шляхтич* — давние полонизмы). Ср. также вышеприведённую фразу «Я пшибыл взять тебя в супругу, а вижу нову пани, не ту, что прежде»⁵⁴.

⁵⁴ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 525.

Круг полонизмов, употребляемых Митей Карамазовым, Калгановым и Максимовым, естественно, уже. При этом у Дмитрия Карамазова больше польских языковых элементов, чем у Максимова и Калганова. По частотности употребления в речи Мити на первом месте стоит прономинальный плюратив *панове*, обращённый к шулерам Муссяловичу и Врублевскому. Примеры: «Дурачё же вы, *панове!* — сорвалось вдруг у Мити»⁵⁵; «Тржи, *панове*, тржи!»⁵⁶; «За Польшу, *панове*, пью, за Вашу Польшу, за польский край! — воскликнул Митя»⁵⁷; «Теперь за Россию, *панове*, и побратаемся»⁵⁸; «Митя страшно испугался. — *Панове*, простите!»⁵⁹; «За Польшу, *панове*, ура! — прокричал Митя, подняв стакан»⁶⁰; «Как же вы, *панове?* — воскликнул Митя»⁶¹; «От хозяина? Хорошо, понимаю, пусть от хозяина, это вы хорошо, *панове!* Карты! — скомандовал Митя хозяину»⁶². К каждому из поляков Митя обращается или со словом *пан*, или с формой вокатива *пане*. «Прости, *пане!* — крикнул он [Митя. — *Н. А.*] испуглённо»; «Позволь, *пане*»⁶³; «*Пане, пане*, — возопил Митя»⁶⁴; «Я тебе много, *пан*, хочу проиграть»⁶⁵; «Чего ты, *пан?* Не веришь?»⁶⁶; «Это ты оттого плюёшься, *пане*, — проговорил Митя»⁶⁷; «Выпьём, *пане!* — оборвал он вдруг [Митя. — *Н. А.*] вместо речи»⁶⁸; «Но сейчас же, сию же минуту, и это навеки, понимаешь, *пане*, навеки вот в эту самую

⁵⁵ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 529

⁵⁶ Там же. С. 533.

⁵⁷ Там же. С. 528.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 529.

⁶⁰ Там же. С. 528.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 530.

⁶³ Там же. С. 519.

⁶⁴ Там же. С. 535.

⁶⁵ Там же. С. 530.

⁶⁶ Там же. С. 534.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 520.

дверь и выйдешь. сию же секунду тройку тебе заложат и — до виденья, *пан*. А?»⁶⁹; «Начинай, *пане!* — подхватил Митя»⁷⁰; «А вот чем, *пане*»; «Слушай, *пане*, вижу, что ты человек разумный»⁷¹; «Прости, *пане*, виновен, вновь виновен»⁷²; «Рубли-то вот как, *пане*: пятьсот рублей сию минуту тебе на извозчика и в задаток, а две тысячи пятьсот завтра в городе — .крикнул Митя»⁷³; «И другой *пан*, как его, эй. бери стакан! — хлопотал Митя»⁷⁴; «*Пан!* — крикнул Митя. — Выпьем, *пане!*»⁷⁵.

Обращение *пан* может сопровождаться фамилией поляка: «Врублевский, *пан Врублевский*, я не буду!»⁷⁶. Не в функции обращения лексема *пан* играет роль маркера польской национальности, является в определённой степени синонимом слова «поляк». Ср. подобное употребление этой лексемы у Мити Карамазова: «И с другим *паном* выпьем»⁷⁷. Лексема *пан* как идентификатор действующих в романе поляков присутствует не только в проартикулированных Митей высказываниях, но и в его внутренней речи (как прямой, так и косвенно-мыслительной). Ср.: «Коли встанет на ноги, будет вершков одиннадцати», — мелькнуло в голове Мити. Мелькнуло у него тоже, что этот высокий *пан*, вероятно, друг и приспешник *пану* на диване, как бы “телохранитель его”, и что маленький *пан* с трубкой, конечно, командует *паном* высоким»⁷⁸. «Он [Митя. — *Н.А.*] боялся Грушеньки, он предчувствовал, что *пан* сейчас раскричится»⁷⁹.

⁶⁹ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 533.

⁷⁰ Там же. С. 530.

⁷¹ Там же. С. 533.

⁷² Там же. С. 531.

⁷³ Там же. С. 533-534.

⁷⁴ Там же. С. 528.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 529.

⁷⁷ Там же. С. 528.

⁷⁸ Там же. С. 522.

⁷⁹ Там же. С. 534.

Слово *пан* в качестве маркера польской национальности шулеров широко представлено в наррации, особенно в словосочетаниях *маленький пан, пан с трубкой, пан на диване*, относящихся к Муссяловичу, и *высокий пан, высокий пан на стуле*, определяющих Врублевского. В повествовании, как и у Мити Карамазова, отмечается сочетание лексемы *пан* с фамилией: «плюнул и *пан Врублевский*»⁸⁰, «рявкнул на Калганова и *пан Врублевский*»⁸¹; «Пан и Митя расположились у этого столика друг против друга, а огромный *пан Врублевский* сбоку их»; «взревел вдруг *пан Врублевский*»⁸²; «[...] скотина! — заорал было *пан Врублевский*»⁸³; «но не успел он это выговорить, как *пан Врублевский*, сконфуженный и взбешённый, обратился к Грушеньке и грозя ей кулаком, закричал»⁸⁴; «*пан Врублевский* взял стакан»⁸⁵; «То правда, — поддакнул *пан Врублевский*»⁸⁶.

При этом с фамилией обычно называется «высокий пан», а по отношению к главному действующему лицу (Муссяловичу), как правило, или употребляются такие его признаки, как *маленький, с трубкой, на диване, в паричке*, либо одна лексема *пан* (ср.: «*Пан* вошёл в залу и театрально встал перед Грушенькой»⁸⁷; «*Пан* и Митя расположились у этого столика»⁸⁸; «Нечто чрезвычайно решительное мелькнуло в лице *пана*»⁸⁹; «Проговорил маленький *пан*» и «начал было маленький *пан*»⁹⁰; «маленький *пан* удивился и опасливо

⁸⁰ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 534.

⁸¹ Там же. С. 532.

⁸² Там же. С. 536.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 528.

⁸⁶ Там же. С. 529.

⁸⁷ Там же. С. 534.

⁸⁸ Там же. С. 536.

⁸⁹ Там же. С. 533.

⁹⁰ Там же. С. 532.

поглядел на Митю»⁹¹; «заметил *пан* с трубкой Грушеньке»⁹²; «произнёс *пан*, галантно поцеловав руку Грушеньке»⁹³; «осведомился *пан* на диване»⁹⁴; «значительно заметил *пан* в паричке»⁹⁵; «маленький *пан*, багровый от ярости, но нисколько не потерявший своей сановности, направился было к двери»⁹⁶; «*пан* посмотрел пытливо, во все глаза, так и впился взглядом в лицо Мити»⁹⁷; «пролепетал маленький *пан*»⁹⁸; «*пан* запыхтел от гонора»⁹⁹; «он [Митя. — *Н. А.*] запер одну половину двери и, держа настежь другую, воскликнул к маленькому *пану*»¹⁰⁰ и многое другое).

Хотя оба пана «хороши», но, по видимости, «полячонок мозглявеньский» (по словам Ракитина), соблазнивший некогда семнадцатилетнюю Грушеньку, вызывает у автора большую неприязнь, чем «высокий пан Врублевский», поскольку безымянность у Достоевского (ср. поляки в «Игроке», «Преступлении и наказании» и «Идиоте») — показатель пренебрежительного отношения к персонажу.

В отношении обоих панов употребляется форма плоратива *паны*, отличающаяся от прономинальной *панове* и одновременно являющаяся как русифицированной, так и пейоративной (деперсонализированной), а также грамматически русское словосочетание *оба пана*: «*Паны* смотрят строго» и «*Оба пана* вдруг поднялись с места со страшно обиженным видом»¹⁰¹ (польск. *panowie* и *obaj*

⁹¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 533.

⁹² Там же. С. 524.

⁹³ Там же. С. 520.

⁹⁴ Там же. С. 532.

⁹⁵ Там же. С. 524.

⁹⁶ Там же. С. 537.

⁹⁷ Там же. С. 523.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 535.

¹⁰⁰ Там же. С. 536.

¹⁰¹ Там же. С. 532

panowie). Род. — в. п. мн. ч. *панов* для выражения категории одушевленности близок польск. лично-мужск. *panów* («Он провёл *панов* в комнату направо»¹⁰²).

Кроме обозначения лица польской национальности и обращения к нему (или к ним), в речи Мити Карамазова употреблены также следующие полонизмы: формулы прощания *до видзенья* (польск. *do widzenia* 'до свиданья') и извинения — *пшепрашам* (польск. *przepraszam* 'я извиняюсь'), прилагательные *ясневельможный* (польск. *jaśnie wielmożny*), числительное *тржи* (польск. *trzy* 'три' — с произношением *š*, а не *рж* на месте **r*; что уже установилось в XVIII в.), а также клише *на гóнор* (польск. *na honor* 'на честь;'). Предложно-падежную форму *на гóнор* и числительное *тржи* Карамазов произносит после употребления этих форм Муссяловичем («маленьким паном», «паном на диване»). Первое четырежды повторялось поляком в рассказе о пане Подвысоцком, а второе употреблено Муссяловичем в диалоге с Митей, предваряя повторение числительного Карамазовым. Таким образом, два из употреблённых Митей полонизмов являются своеобразным «эхом», отзвуком услышанного им в польской речи. Контексты с указанными полонизмами:

- *до видзенья*. «Сию же секунду тройку тебе заложат и — *до видзенья*, пане! А?»¹⁰³;
- *ясневельможный*. «+ *Ясневельможный*, не угодно ли туда же? И другой пан, как его, эй, *ясневельможный*, бери стакан! — хлопотал Митя»¹⁰⁴ «+ *Ясневельможный*, на два слова»¹⁰⁵;
- *пшепрашам*. «+ *Ясневельможный*, не угодно ли туда же? *Пшепрашам!*»¹⁰⁶;

¹⁰² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 533.

¹⁰³ Там же. С. 533.

¹⁰⁴ Там же. С. 528.

¹⁰⁵ Там же. С. 532.

¹⁰⁶ Там же.

- *на го́нор*: «+ Прости, пане, виновен, внонь виновен, отдаст, отдаст миллион *на го́нор*, на польску честь!»¹⁰⁷;
- *тржи*: «- *Тржитысенцы*, пане? — Он [«маленький пан». — *НЛ*] переглянулся с Врублевским. — *Тржи*, панове, *тржи!*»¹⁰⁸;

Произнеся фразу, где эхом в устах Мити звучит употреблённое до этого поляка «на го́нор», Карамазов хвастливо-издевательски добавляет: «Видишь, как я говорю *по-польски*? Ха-ха!»¹⁰⁹. Словосочетание «*на польску честь*», стоящее в речи Мити после «*на го́нор*», выполняет три функции:

- 1) Объяснительную (поясняется значение польск. *honor* «честь»);
- 2) Идеологическую (*гонор* в русском стереотипе поляка может быть только польский, поэтому гонор — это *польская* честь);

3) Полоностилизирующую (и одновременно характеризующую Карамазова как не особенно искущённого в польском языке, несмотря на его хвастливое заявление); «польскость» здесь заключается в употреблении стяжённой формы «польску», но с отсутствующим в польской форме окончанием -у, на месте которого в вин. п. ед. ч. прилагательного ж. р. употребляется *а* («носое о»). Таким образом, в соответствии с правилами транслитерации, это окончание следовало бы обозначить через *он* (подобно тому, как Достоевский передаёт *е* в речи поляков как *ен*). Однако для *а* ни разу не отмечено подобного обозначения. На месте польской буквы *а* представлено либо *у* (русское этимологическое соответствие в некоторых морфемах польскому *а*), либо вообще русская флексия (см. ниже). Форма *польску*, естественно, ближе для русскоязычного читателя (отбрасывается *ю*), чем транслитерированная *польскон*. Лексема *гонор* употребляется и в наррации: «Пан запыхтел от *гонора*»¹¹⁰.

¹⁰⁷ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 531.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 535.

В высказываниях Калганова и Максимова полонизмов ещё меньше, чем у Мити Карамазова. Это лексема *пан* и производные от неё (*пани*, *паненка*, уменьш. русифицированная *паненочка*). При этом обычно эти лексемы употребляются не в функции обращения, а как идентификаторы лица польской национальности мужского (*пан*) или женского (*пани*, *паненка*, *паненочка*) пола. Примеры: «+ А я видел, как тот *пан* два раза передёрнул, — крикнул Калганов»¹¹¹; «Да ведь я и сам был женат на польской *пани*-с, — отхихикнул в ответ Максимов»¹¹²; «Нет-с, видите-с, — повернулся к нему Максимов, — я про то-с, что эти там *паненки*... хорошенькие-с... как оттанцуют с нашим уланом мазурку. как оттанцевала она с ним мазурку... так тотчас и вскочит ему на коленки, как кошечка-с... беленькая-с»¹¹³; «+ А я рублик на дамочку, на червонную, на хорошенькую, на *паненочку*, хи-хи! — прохихикал Максимов»¹¹⁴ (во фразах Максимова употреблен также общерусский полонизм *мазурка* и отражено стереотипное представление о легкомысленном, ветреном характере очаровательных полек). Пример употребления лексемы *пан* в прономинальной функции у Калганова: «Да нет, нет, это *пан* теперь правду сказал, — загорячился опять Калганов»¹¹⁵. Как и у Мити, у Калганова лексема *пан* присутствует не только в прямой артикулированной речи, но и в его размышлениях: «Калганов очень хорошо понимал отношение Мити к Грушеньке, догадывался и о *пане*. попал он сюда с Максимовым случайно и *панов* встретил здесь на постоялом дворе в первый раз в жизни»¹¹⁶. Впрочем, во втором предложении возможно слияние речи повествователя с восприятием событий Калгановым. Лексема

¹¹¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 536.

¹¹² Там же. С. 523.

¹¹³ Там же. С. 523-524.

¹¹⁴ Там же. С. 531.

¹¹⁵ Там же. С. 524.

¹¹⁶ Там же. С. 522.

пан как обозначающая высокое социальное положение («господин польского происхождения») отмечена также в речи хозяина постоялого двора Трифона Борисыча Пластунова: «+ Я ведь видел отлева, как он мою колоду сунул в щель, а своей подменил — шильник ты этакой, а не *пан!*»¹¹⁷. Кроме того, в речи Максимова слова *пан* и *пани* употреблены также в сочетании с номинациями родителей: *пан-ойц* (корректно *ойтец* — польск. *ojciec* ‘отец’) и *пани-матка* (польск. *matka* ‘мать’): «А *пан-ойц* и *пани-матка* видят и позволяют»¹¹⁸. Композит *пани-матка* (как и модифицированный на русский манер галлицизм *танта* ≤ фр. *tante* ‘тётя’) употреблен также в русифицированной форме тв. п. ед. ч.: «С пани-маткой и с тантой».

Лексико-семантические классы субстантивов и других частей речи, являющихся полонизмами. Поскольку контексты, содержащие польские языковые элементы, были уже приведены выше, здесь предлагается только перечень лексем и форм, извлечённых из этих контекстов:

С у б с т а н т и в ы :

1. Номинации лиц

- по социальному и профессиональному признаку: *ба́нкер* (польск. *bankier* ‘банкомёт’), *крулева* (польск. *królowa* ‘королева, царица’), *пан*, плюративы *панове* и *паны*, феминатив *пани*, *хлопка* (польск. *chłopka* ‘крестьянка, мужичка’), старый полонизм *шляхтич* (польск. *szlachcic*);
- по возрастному признаку: *паненка* (польск. *panienka* ‘девочка, девушка’), уменьшит. русифицированное *паненочка*;
- названия родственников: вторая часть композитов *пан-ойц* (польск. *ojciec* ‘отец’) и *пани-матка* (польск. *matka* ‘мать’);

¹¹⁷ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 536.

¹¹⁸ Там же. С. 524.

- экспрессивы: *лайдак* (польск. *fajdak* 'подлец, негодяй, мерзавец');
- 2. Абстрактные существительные разнообразной семантики: *гонор* (польск. *honor* 'честь'), *неласка* (польск. *niełaska* 'немилость'), *рахунок* (польск. *rachunek* 'счёт'), *слабосьць* (польск. *słabość* 'слабость', признаком полонизма является передача польского *ć* через *ц*), *спосуб* (польск. *sposób* 'способ'), *встыд* (польск. *wstyd* 'стыд');
- 3. Темпоральные существительные: *годзина* (польск. *godzina* 'час');
- 4. Названия танцев: *краковяк* (польск. *krakowiak*), старый полонизм *мазурка* (польск. *mazur(ek)*);
- 5. Названия металлов: *злото* (польск. *złoto* 'золото');
- 6. Названия денежных единиц: *злот(ый)* — в тексте только род. п. мн. ч. *злотых* (польск. *złoty*);
- 7. Названия мест: *мейсце* (польск. *miejsce* 'место'), *содом* (польск. *sodom* 'содом' — генетически библейское название города здесь в переносном значении 'кошмар, ужас', признак полонизма — простановка парокситонезы);
- 8. Названия частей тела: *стопки* (польск. *stopki* — уменьш. от *stopa* 'стопа').

Г л а г о л ы :

1. Глаголы речевой, мыслительной и умственной деятельности
 - Инфинитивы: *мувиць* (польск. *mówić* 'говорить'), *раховаць* (польск. *rachować* 'считать');
 - 1 л. ед. ч. наст. вр.: *(не)мувен* (польск. *(nie)mówię* от глагола *(nie)mówić*), *пшепрашам* (польск. *przepraszam* от *przepraszać* 'извинять; просить извинения');
 - 2 л. ед. ч. наст. вр.: *жартуешь* (польск. *żartujesz* от глагола *żartować* 'шутить'), *мувишь* (*mówisz* от глагола *mówić*);

- 3 л. ед. ч. наст. вр.: *муви* (польск. *mówi* от глагола *mówić*);
- 1 л. ед. ч. м. р. прош. вр.: *(не)поведзялем* (польск. *(nie)powiedziałem* от глагола *(nie)powiedzieć* ‘(не) сказать’).

2. Модальные и волютивные глаголы

- 2 л. ед. ч. презенса: *хцешь* (польск. *chcesz* от глагола *chcieć* ‘хотеть’);
- 1 л. ед. ч. презенса: *моген* (польск. *mogę* от глагола *móc* ‘мочь’);
- 3 л. ед. ч. презенса: *може* (польск. *może* от глагола *móc*);
- 3 л. ед. ч. ср. р. прош. вр.: *мóгло* (польск. *mogło* от глагола *móc*, показатель полонизма — парокситонеза).

3. Экзистенциальные глаголы, глаголы предстояния и (обо)значения чего-либо

- 1 л. ед. ч. наст. вр.: *естем* (польск. *jestem* от глагола *być* ‘быть, являться’);
- 3 л. ед. ч. наст. вр.: *значи* (польск. *znaczy* от польск. *znaczyć* ‘значить, обозначать’), *сень стане* (польск. *się stanie* с конверсией от *stać się* ‘произойти, стать, состояться’);
- 1 л. ед. ч. м. р. прош. вр.: *былем* (польск. *byłem* от глагола *być*).

4. Глаголы движения и перемещения (чего-либо) в пространстве

- Инфинитив: *исыць* (польск. *iść* ‘идти’);
- 1 л. ед. ч. презенса: *падам* (польск. *padam* от глагола *paść* ‘падать’);
- 1 л. мн. ч. императива: *идзьмы* (польск. *idźmy* от глагола *iść*);
- 1 л. ед. ч. м. р. претерита: *я пшибыл* (польск. *przybyłem* от глагола *przybyć* ‘прибыть’), *я пшиехал* (польск. *przyjechałem* от глагола *przyjechać* ‘приехать’) — о русифицированном характере этих форм см. ниже;
- 2 л. ед. ч., м. р. прош. вр.: (ты) *ставилэсь* (польск. *stawiałeś*

от глагола *stawiać* ‘ставить’, здесь в специализированном значении ‘ставить (в карточной игре), делать ставку’).

5. Глаголы зрительной перцепции

- 1 л. ед. ч. презенса: *видзен* (польск. *widzę* от глагола *widzieć* ‘видеть’);
- 3 л. ед. ч. м. р. прош. вр.: польско-русский гибрид *видзел* (польск. *widział* от глагола *widzieć* ‘видеть’, признак полонизма — обозначение *дз* для польск. *dź* при русифицированном *е* перед *л* вместо польск. *а*).

6. Глаголы слуховой перцепции

- 1 л. ед. ч. презенса: *слухам* (польск. *slucham* от глагола *sluchać* ‘слушать’).

7. Глаголы обладания чем-либо, потребности в чём-либо

- Инфинитивы: *(не)мечь* (польск. *nie mieć* ‘(не) иметь’);
- 2 л. ед. ч. презенса: *(не)потшибуешь чего* (польск. *(nie)potrzebujesz czego* от *(nie)potrzebować czego* ‘требовать чего-либо, нуждаться в чём-либо’).

8. Глаголы обобщённой семантики ‘делать’

- Инфинитивы: *robiць* (польск. *robić* ‘делать’).

9. Глаголы конкретного физического действия

- 1 л. мн. ч. наст.-буд. вр.: *выпием* (польск. *wypijemy*, архаическая форма, известная ещё в XIX в., *wypijęm* от глагола *wypić* ‘выпить’, в современном литературном языке *wypijemy*).

10. Глаголы проявления чувств и эмоций

- 2 л. ед. ч. наст. вр.: *сен поважашь* (польск. *poważasz się* с конверсией *się poważasz* от глагола *poważać się* ‘осмеливаться, отваживаться’).

11. Глаголы подчинения кому-либо

- Инфинитивы: *служиць* (польск. *służyć* ‘служить’, показатель полонизма — обозначение польск. *ć* знаком *ц*).

12. Глаголы состояния

- 2 л. ед. ч. императива: *почекай* (польск. *roczekej* от пердуператива *roczekać* ‘подождать’).

13. Безличная глагольная конструкция *не przystoi* (польск. *nie przystoi* ‘не подобает, не годится’).

А д ъ е к т и в ы (в к л ю ч а я и п р и ч а с т и я)

- *доткнутны* (польск. *dotknięty* — букв. ‘затронутый’, здесь ‘уязвлённый, обиженный’);
- *здзивиёны* (польск. *zdziwiony* ‘удивлённый’);
- *здрова* (польск. *zdrowa* ‘здоровая’);
- *(не)щесливый* (польск. *(nie)szczęśliwy* ‘(не)счастливый’);
- *паньски* (им. п. мн. ч.) (польск. *pański* ‘Ваши; господские’);
- *смутный* (польск. *smutny* ‘печальный’);
- *упарт(а)* (в скобках указывается реконструируемое окончание, поскольку в тексте употреблена русифицированная форма вин. п. ед. ч. ж. р.) (польск. *uparta* ‘упрямая’);
- старый полонизм *шляхетн(ая)* (польск. *szlachetna* ‘благородная’);
- форма суперлатива: *найлепши* (польск. *najlepszy* ‘наилучший, самый хороший’).

Прилагательное *живы* представлено во фразеологизме *до живого* (польск. *do żywego* ‘за живое’), а краткое прилагательное *готов* (польск. *gotów* ‘готов’) в функции именной части составного именного сказуемого (польск. *orzecznik*), в которой в польском языке сохранилось не более десяти кратких адъективных форм (*rad*, *kontent*, *zdrów*, *wart*, *ciekaw* и др., а также *gotów*).

М е с т о и м е н и я

а) родовые

- вопросительно-относительное *ктура* (польск. *która* ‘которая’);
- указательное *то* (польск. *to* ‘это’).

б) неродовые

- личное: *ми* (польск. *mi* 'мне' — краткая форма дат. п. от *ja* 'я');
- отрицательное *ниш* (польск. *nic* 'ничто');
- вопросительно-относительное *цо* (польск. *co* 'что')

Ч и с л и т е л ь н ы е

- количественные: *двесьце* (польск. *dwieście* 'двести'), *три* (польск. *trzy* 'три'), изменяющееся по типу существительных м. р. *тысѣнц*, мн. ч. *тысѣнцы* // *тысенцы* (польск. *tyśiąc* 'тысяча', им. п. мн. ч. *tyśiące*);

Н а р е ч и я

- наречие степени *бардзо* (польск. *bardzo* 'очень');
- наречия качества: *пенкне* (польск. *pięknie* 'красиво'), *пужно* (польск. *późno* 'поздно'); компаратив от наречия «хорошо» (польск. *dobrze*) *лепей* (польск. *lepiej* 'лучше');
- гибридная польско-русская формула запрета *не можно* (польск. *nie można* 'нельзя', о вместо польск. *a*).

Ч а с т и ц ы

- указательная *ото* (польск. *ot(o)* 'вот');
- возвратная *сен* // *сень* (польск. *się* 'ся');
- отрицательная *не* (польск. *nie* 'нет').

С о ю з ы

- *але* (польск. *ale* 'но');
- *чи* (польск. *czy* 'ли, или');
- *як* (польск. *jak* 'как').

М е ж д о м е т и я

- *пфе* (польск. *pfе* 'фу').

Синтаксические конструкции с предлогом *до* (директивы и адресативы), например, *слабосьц(ь) до своего краю* ('к своей стране'), *падам до ног* ('к ногам').

Средством передачи иноязычного акцента (в данном случае польского) может быть и неправильное употребление падежной формы, например, вин. п. ед. ч. вместо вин. п. мн. ч. в следующей фразе Муссяловича: «Я пшебыл взять тебя в супругу»¹¹⁹. Ср. также польские стяжённые формы им. п. ед. ч. м. р. и им. п. ед. ч. ж. р. в русских прилагательных: «я не малодушны, я великодушны»¹²⁰, «публична шельма»¹²¹.

В силу, как мы пытались показать, идеологически обусловленного стремления не наделять поляков именами, польский антропонимикон у Достоевского довольно беден. Это фамилии с патронимическими суффиксами *-ович* и *-евич* (Муссялович, Симоневич) и с суффиксами *-ск-* и *-цк-* (Врублевский, Подвысоцкий).

Собственно польские формы лексем сочетаются с модификациями по законам русского языка. Так, в существительных к собственно польским относятся формы с окончанием вин. п. ед. ч. ж. р. *-ен* (польск. *ę*) — *неласкен*, окончание вокатива сущ. м. р. *-е* в лексеме *пан* (*пане*), флексия им. п. мн. ч. *-ове* (польск. *-owie*) в лично-мужском существительном *пан* (*панове*); в прилагательных — стяжённая форма в им. п. ед. ч. м. р. с флексией *-и/-ы* (*найлешии*, *здзивёны*, *смутны*, в фамилии *Подвысоцкий*), в им. п. ед. ч. ж. р. *-а* (*здрова*, *ктура*), флексия род. п. ед. ч. м.-ср. р. *-его* (*Подвысоцкого*, *до живего*); в местоимениях — форма дат. п. личного местоимения первого лица *ми* (польск. *mi*); в глаголах: флексия 1 л. ед. ч. презенса глаголов первого и второго спряжений *-ен* (польск. *ę*) — *моген* (1 спр.) и *мувен*, *видзеу* (2 спр.), показатель первого лица ед. ч. презенса глаголов третьего спряжения *-ам* (*пшепрашам*, *падам*), форма 1 л. ед. ч. *бусестем* (польск. *jestem*), архаическая флексия 1 л. мн. ч. презенса

¹¹⁹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 535.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. С. 536.

глаголов первого спряжения -ем (польск. -e^m: выпием), окончание 1 л. ед. ч. м. р. прош. вр. -ем (былем, поведзялем) и 2 л. ед. ч. м. р. прош. вр. -есь (польск. -e^s): ставилесь). Средством «ополячивания» лексемы или показателем принадлежности её к польскому идиому (в том числе, в случае совпадения её с русским соответствием) является простановка парокситонического ударения (рубли, содом, могло, на́ то, на гонор, падам, банкер). Рассмотрим подробнее средства модификации польских слов с целью приближения их русскому читателю.

1. Употребление отсутствующего в польской графике мягкого знака (ь).

- в формах инфинитива (ср. польск. mówić как мувищ и др.);
- во втором лице ед. ч. презенса (хцешь — польск. chccesz и русск. хочешь, жартуешь — польск. żartujesz — русск. ‘шутищ’ и др.);
- в формуле прощания до видзеня (ср. русск. разг. до свиданя). В польск. do widzenia i служит для передачи мягкости предшествующего согласного, а не для обозначения звука *j*, т. е. транслитерированная запись должна была бы выглядеть как до видзеня;
- 3 л. ед. ч. презенса глагола быть (бус) есть (польск. jes*ć*), где ь (в отличие от 2 л. ед. ч. презенса) одновременно является показателем мягкости ст: то есть содом¹²² это содом¹²².

2. Передача польск. *ą* его русским этимологическим соответствием -у или вообще русской флексией (-ой, -ою): «вижу нову пани, упарту» (польск. pową, upartą)¹²³, «хсешь исьць за мною»¹²⁴, «с пани-маткой».

¹²² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. С. 536.

¹²³ Там же. С. 535.

¹²⁴ Там же. С. 537.

3. Употребление русских флексий в польских словах

- в существительных: *-и/-ы* в им. п. мн. ч. мягкой разности: *рубли* (польск. *gibie*), *тысящи* (польск. *tyśiące*); о флексии тв. п. ед. ч. сущ. жен. р. *-ой/-ою* см. выше; выражение отсутствующей во мн. числе в польском языке категории одушевлённости, отразившееся в уже отмеченном выше употреблении в функции вин. п. мн. ч. одушевлённых существительных род. п. мн. ч. («пан видзел [...] *хлопок*, а не шляхетных паней»);
- в прилагательных: окончания *-ий/-ый* в им. п. ед. ч. м. р., в том числе в польских фамилиях, изменяемых по образцу русских прилагательных (*нечесливый* — польск. *nieszczęśliwy*; *Врублевский*, *Подвысоцкий* = *Подвысоцкого* и т. д., о форме *Подвысоcki* и единичной польской форме род. п. ед. ч. в этой фамилии см. выше);
- в глаголе: нулевая флексия в 1 л. ед. ч. м. р. прош. вр. («я *пшиехал*» — польск. *przyjechałem*, я *пшибыл* — польск. *przybyłem*, при этом, как в русском языке, показателем лица является употребляемое с этими формами личное местоимение); о конкурирующих с этими русифицированными формами польских типа *былем* см. выше;
- русская огласовка лексемы: *о* вместо *у* (польск. *ó*) в род. п. мн. ч. *ног* в словосочетании *падам до ног*.

Любопытна форма им. п. мн. ч. *паньски*, репрезентирующая тип морфолого-фонетической гибридности в заимствованной из польского языка лексеме. С одной стороны, в ней представлено польское стяжение, а с другой — флексия, которая отражает русское фонетическое явление «иканья»: произношение безударного *-е* (польск. *pańskie*) как *и*.

Конструкции с адъективом в функции так называемого *orzecznik'a* в форме именительного падежа (*есть смутны, есть здивѣны*) сочетаются с некорректной с точки зрения современного польского языка конструкцией с творительным падежом (*есть доткнентным* — польск. *jestem dotknięty*). Не исключено, что такое употребление (возможное в польском языке более раннего периода) поддерживается у Достоевского русским языком, в котором возможны в данной функции обе падежные формы (*Я был счастливый* и *Я был счастливым*, но только *Будь счастливым* — польск. *byłem szczęśliwy, bądź szczęśliwy*).

Совпадение ряда русских и польских лексем (*край* — польск. *kraj*, *правда* — польск. *prawda*, *милю* — польск. *miło*, *ставишь* — польск. *stawisz*, *ежели* — польск. *jeżeli*, *покои* — польск. *poкою* 'комнаты' и мн. др.) облегчает русскоязычному читателю-адресату восприятие полоноязычных вставок в русский текст.

Таким образом, польские языковые элементы у Достоевского, выполняя художественную функцию маркирования польского происхождения персонажа (или коммуникации с ним) и тем самым усиливая реалистичность изображаемого, одновременно в сочетании с русскими средствами их презентации и поведением несут на себе и определённую идеологическую нагрузку. Ср.: Врублевский «*бранится*», употребляя лексему *лайдак*, также обмениваются «польскими любезностями», включая *лайдака*, поляки-шулеры в «Игроке», а на поминках Мармеладова непрошенные польские гости кричат Лужину «*пане лайдак*»; кроме *бранится*, по отношению к «высокому пану» употреблены также глаголы *заорал*, *рявкнул*, *проворчал*, *плюнул*, «маленький пан» — *пролепетал*, *запыхтел*, *багровый от ярости*, анонимные поляки наделены у Достоевского пренебрежительно-уменьшительными модификациями этого этнонима («*полячок*», «*полячкѣй*», «*полячишки*» в «Преступлении и наказании» и

в «Игроке»), подчёркивающими мелкотравчатость и незначительность этих персонажей. Ср. также определение Ракитиным Муссяловича как «*полячонок*».

Между прочим, в соответствии с традициями русской литературы употребляет уменьшительно-пренебрежительное *полячок* и Б. Акунин (например, в «Коронации», хотя здесь эта лексема одновременно маркирует низкий социальный статус её «юзера»). По словам Потапыча, поляк-шулер до поры до времени (пока бабушка выигрывала) «*стелился под стопки паньски*», т. е. проявлял подхалимство и раболепие. Польское словосочетание «*падам до ног*» (корректно *до нут*) вообще становится у Достоевского символом раболепия, будучи употреблённым за пределами польского контекста («Зимние заметки о летних впечатлениях»). В облике анонимных и наделённых именами поляков, которые относятся или к шулерам («Игрок» и «Братья Карамазовы»), или к подозрительным личностям, от которых можно ожидать даже воровства (ср. опасения Екатерины Ивановны относительно возможной кражи поляками «хозяйских серебряных ложек» или завладение графом-поляком вкупе с католическим патером средствами Аглаи Епанчиной), подчеркивается какая-то потёртость, жалкость, непрезентабельность, «засаленность» одеяния (ср. «*жалкий полячок*» в «Преступлении и наказании», «*истасканный сюртук*» одного из поляков-шулеров и «смахиваемость» на *лакея* другого при ироническом звучании самоопределения этого поляка как «гоновровый пан» в «Игроке», «засаленно» одетые Муссялович и Врублевский и «*полячоночек мозглявенький*» (Ракитин о Муссяловиче в «Братьях Карамазовых»). Тем не менее, у этих вороватых шулеров есть своя «польская гордость», проявляющаяся в нежелании пить за Россию в её современных границах (только за Россию до 1772 г., т. е. до первого раздела Речи Посполитой).

В стремлении ряда польских персонажей Достоевского казаться не тем, кем они являются на самом деле, а более значительными персонажами, натянуть на себя облагораживающую их маску-личину (ср. польский лжеграф в «Идиоте», лжеграфство поляка-кухмистра в «Дядюшкином сне», джентльменский внешний вид «гонорового пана», смахивающего на лакея, в «Игроке» и даже «драненький паричок» Муссяловича, призванный скрыть истинное состояние его волосяного покрова на голове) находит конкретное воплощение известная бахтинская идея о карнавализации, «маскарадности».

Эпитет «какой-то», обычное отсутствие фамилии у Муссяловича (главного из двух шулеров злодея, некогда бросившего соблазненную им Грушеньку) при безымянности польских персонажей в других произведениях Достоевского также свидетельствуют о нелицеприятной позиции автора по отношению к этим фигурам, а в более общем плане отражают его антикатолицизм и в какой-то степени антиевропеизм. Не случайно его «бабушки» (в «Игроке», Лизавета Прокофьевна в «Идиоте») так стремятся в Россию из Европы, которая, по словам Лизаветы Прокофьевны, «одна фантазия» и в которой и «хлеба нигде испечь хорошо не умеют»¹²⁵. Эти «бабушки» Достоевского, несомненно, соотносятся не только с двоюродной бабушкой Райского Татьяной Марковной Бережковой из Малиновки, но и со стоящим за ней, по словам автора «Обрыва», образом «другой великой “бабушки” — России»¹²⁶. Впрочем, этот образ в стилистически сниженном (даже гротескном) варианте и напрямую представлен у Достоевского в «Братьях Карамазовых»: Максимов предлагает выпить «за Россееюшку, старую *бабусеньку*».

¹²⁵ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1957. С. 696.

¹²⁶ Гончаров И.А. Обрыв. М., 1983. С. 446.

Польские персонажи, как имеющие своё имя, так и безымянные, несомненно ведут свою партию (особенно в случае, когда их действия сопровождаются польской или русско-польской гибридной речью) в установленной М.М. Бахтиным полифонии (или многоголосии) романной поэтики Ф.М. Достоевского¹²⁷.

¹²⁷ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

С Е Р Б И Я

С.Н. Мещеряков

Традиции Ф. М. Достоевского в творчестве Мирко Ковача и Миодрага Булатовича

Достоевский был поэтом униженных и оскорбленных, навеки несчастных! Никто, как Достоевский, не воспел мучения, грех, изгнание! Достоевский писал кровью своего сердца! Достоевский был и остался братом всех тех, кого преследует пролитая кровь! Достоевский близок нам, и мы все близки ему.

М. Булатович. Люди с четырьмя пальцами

А ты пиши — и читай Достоевского!

М. Ковач. Из интервью «Писатель, который меняет свои книги»

Творческое наследие Ф.М. Достоевского было по-настоящему воспринято писателями Сербии лишь в конце XIX — начале XX в., когда к его художественному опыту обратились такие крупные реалисты, как С. Ранкович и Б. Станкович. В период между двумя мировыми войнами интерес к Достоевскому несколько снизился, что в значительной степени было обусловлено обращением к опыту западноевропейской литературы (экспрессионизму, сюрреализму) и литературы советской (социалистическому реализму).

Однако в 50–60-е гг. XX в., в период серьезных социальных, политических, идеологических и нравственных потрясений, Достоевский-психолог и идеолог привлекает сербских писателей с особой силой. Им становится близка тема страдания. Во время двух

мировых войн Сербия потеряла не менее половины своего населения, что было следствием как тяжелых военных сражений, так и геноцида сербского народа.

К творческому наследию великого русского писателя тогда в той или мере обращались почти все крупные сербские писатели: И. Андрич, М. Лалич, Д. Чосич, М. Селимович¹, многие из них (Андрич, Лалич, Селимович) тяготели к философии экзистенциализма.

Художественный опыт Ф.М. Достоевского прослеживается также в произведениях Миодрага Булатовича (1930–1991) и Мирко Ковача (1938–2013), писателей, принадлежащих как сербской, так и черногорской литературам. Оба они были модернистами, и сходство их взглядов в известной мере обусловило дружескую близость этих писателей, продолжавшуюся вплоть до середины 70-х гг. XX в. В дальнейшем они разошлись в принципах: камнем преткновения в их отношениях стал роман Данило Киша «Могила для Бориса Давидовича»². Политические расхождения между Булатовичем и Ковачем обострились десятилетие спустя: первый выступил тогда в защиту сербских национальных интересов и активно поддержал режим Н. Милошевича, а второй бескомпромиссно обвинил в национализме сербскую политическую элиту, сербскую нацию и сербскую церковь. В дальнейшем Ковач подвергся в Сербии жесткой критике и в 1991 г. переехал в Хорватию, где стал позиционировать себя в качестве хорватского писателя.

¹ Михайло Лалич (1914–1992) принадлежит сербской и черногорской литературам, Меша Селимович (1910–1982) — к сербской и боснийско-герцеговинской литературам.

² Данило Киш (1935–1989) — известный сербский прозаик, подвергшийся в Югославии ожесточенной критике за роман (цикл рассказов) «Могила для Бориса Давидовича» («Гробница за Бориса Давидовића», 1976), в котором осуждался ГУЛАГ и в целом советский тоталитаризм 1930-х гг. Книга Киша вызывала ассоциации с политическими репрессиями в самой Югославии, обусловленными столкновением Иосифа Броз Тито с Информбюро и Сталиным. М. Ковач, входивший вместе с Кишем, Б. Пекичем, Р. Константиновичем в группу «белградских авангардистов», в той или иной мере противостоящих режиму и государству, поддержал Д. Киша.

Произведения Ковача и Булатовича получили широкое признание. Они были переведены на большинство европейских языков. Оба писателя стали лауреатами престижных литературных премий. Соболезнование по поводу кончины Ковача выразили президент Хорватии И. Йосипович и премьер-министр З. Миланович, что свидетельствовало не только о значимости политической позиции писателя, но и о признании его таланта. Булатовичу в сербском литературоведении посвящен ряд монографий и сборников³. Российским исследователям также известны имена этих писателей⁴.

И Ковачу, и Булатовичу присуще глубоко пессимистическое мировосприятие, основанное на признании доминирования зла в мире, зла, как правило, сатанинского. Первый сборник рассказов Булатовича получил название «Дьяволы идут» («Ђаволи долазе», 1956). Первый роман Ковача «Гиблое место» («Губилиште», 1962) был обвинен в Югославии в искажении социалистической действительности и впоследствии запрещен. В российском литературоведении отмечалось, что в этом произведении «господствует ненависть, отчаяние и несчастья»⁵.

Обращение к теме зла и страдания, безусловно, роднит и Ковача, и Булатовича с русским писателем, особенно если рассматривать

³ См.: Miodrag Blatović u srpskoj književnosti. Beograd, 1997; *Pijanović P.* Poetika groteske i pripovedačka umetnost Miodraga Bulatovića. Beograd, 2001; *Шукало М.* Оdmrzavanje jezika: poetika stranosti u djelu Miodraga Bulatovića. Beograd, 2002; *Томић Л.* Гротескни свијет Миодрага Булатовића. Београд, 2005. Значительный раздел посвящен М. Булатовичу в докторской диссертации М. Терич «Реценция фантастики в югославянских литературах» (Университет в г. Нови Сад, 2020, научный руководитель — проф. С. Дамьянов).

⁴ См.: История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. 1945–1960 гг. М., 1995; История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 2. 1970–1980-е гг. М., 2001; Лексикон јужнославјанских литератур. М., 2012.

⁵ История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. 1945–1960. С. 361.

автора великого пятикнижья сквозь призму работ Льва Шестова⁶. Так видит Достоевского, например, С. Калезич-Джуричкович. В своей обстоятельной статье о романах М. Ковача она отмечает, что тот «обращается к библейскому видению мира, которое с большой силой было художественно преобразовано в религиозном опыте и нигилизме Достоевского»⁷. Очевидно, что заявление о «нигилизме» Достоевского вызывает некоторое недоумение. Однако если Достоевский, по мнению Шестова, считает преступников, отрицающих закон, «высшими» людьми⁸, то и утверждение о «нигилизме» писателя не кажется странным, хотя и противоречит традиционно-му восприятию Достоевского⁹.

С. Калезич-Джуричкович отмечает, что в каждом произведении М. Ковача торжествует зло. Роман «Гиблое место» погружает человека во мрак. В романе «Моя сестра Элида» (*Moja sestra Elida*, 1965) повествователь представляет анатомию разложения собственной семьи. Роман «Жизнеописание Мальвины Трифкович» (*Životopis Malvine Trifković*, 1971) рассказывает о лесбиянстве в стенах монастыря и о проявлении у главной героини психического расстройства. В романе «Врата чрева» (*Vrata od utrobe*, 1978) показано неимоверно тяжелое существование людей, оказавшихся между жерновами Первой мировой войны и чисток Информбюро. «Апокалиптическое видение мира» и «приверженность злу»

⁶ В российском литературоведении все чаще подчеркивается связь Достоевского с экзистенциализмом и меняется отношение к Л. Шестову. См. *Николаевская Т. Е.* Достоевский как предтеча европейского экзистенциализма. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1999; *Морева А. М.* Шестов. Л., 1991; *Кошечко А. Н.* Экзистенциальная судьба Ф. М. Достоевского: способы отражения в слове. Томск, 2014.

⁷ *Kalezić-Duričević S.* Romani Mirka Kovača // *Croatica et Slavica Jadertina*. Zadar, 2014. S. 319.

⁸ *Шестов Л.* Сочинения. М., 1995. С. 82.

⁹ По словам Н. О. Лосского, «Шестов, утверждающий, что Достоевский со времени «Записок из подполья», в которых он осмеивает все «великое и прекрасное», отдался до конца жизни философии безнадежности, глубоко не прав» (*Лосский Н. О.* Бог и мировое зло. М., 1994. С. 120).

отмечает критик в сборнике рассказов Ковача «Обрученные на небесах» (*Nebeski zaručnici*). «Приверженность злу» проявляется и в других произведениях Ковача.

Не менее яркую картину торжества зла у Ковача и Булатовича представляет А. Кузмич в статье «Сатанинская изнанка человека (на примерах прозы Мирко Ковача и Миодрага Булатовича)»¹⁰. По мнению А. Кузмич, и у Ковача, и у Булатовича «зло, все, что является извращенным или демоническим, — все это лишь изнанка человека. Или, возможно, это другое проявление сатанизма, что и является истинной природой человека»¹¹.

Так, в романе Ковача «Моя сестра Элида» речь идет о давно переселившейся в Герцеговину венгерской семье Биришей. Поскольку в нем упоминается король Александр Карагеоргиевич, можно предположить, что действие произведения разворачивается в межвоенный период (1918–1941). Однако при этом появляются австрийские офицеры, что напоминает о Первой мировой войне. Можно также предположить, что действие происходит после 1945 г. У повествователя Антона Бириша грозят отобрать право голоса, так как он, якобы, является противником народа, народных вооруженных сил и даже государственных железных дорог. Время действия фактически определить невозможно, хотя упоминаются конкретные даты: 1917 и 1927 гг. Здесь очевидно проявляется близость произведения Ковача к роману-параболе.

В «Моей сестре Элиде» существует лишь семья больных туберкулезом алкоголиков, психопатов, а пространство, где они обитают, один из героев называет «домом сумасшедших». Люди в не-названном Местечке живут в окружении гор, словно в каменном аду. При этом в «аду» Ковача, казалось бы, есть не только зло,

¹⁰ Кузмич А. Сатанско наличе људског на примерима прозе Мирка Ковача и Миодрага Булатовића // Српска фантастика. Натприродно и нестварно у српској књижевности. Београд, 1989. С. 535–541.

¹¹ Кузмич А. Сатанско наличе људског. С. 535.

но и добро, не только уродство, но и красота, не только ложь, но и истина. Однако понятия добра, красоты и истины здесь чудовищно извращены. Герои носят библейские имена (Иосиф, Иафет, Иаков). Однако с библейскими персонажами у них нет ничего общего. Герои Ковача, по словам А. Кузмич, сделали свой выбор: они выбрали сатану. В их душах живут злые духи предков, и герои не могут, да и не хотят ничего изменить.

Весь мир, как отмечает А. Кузмич, пронизан злом: в воздухе кружатся отвратительные птицы, по земле ползут различные гады, сатана в виде ящерицы стоит у ворот ада и приветствует вновь прибывших. Больные, сумасшедшие Бириши при этом кланяются своему господину, который воплощает в себе их истинную сущность. И эта семья не исключение: все герои, появляющиеся на страницах романа, мало чем отличаются от Биришей. По словам писателя, зло предстает как единственный и истинный путь человека. И великим человеком может быть назван лишь тот, кто совершает великие злодеяния.

В подобном мире религия и церковь представляются совершенно бессильными. Так, повествователь заявляет, что хотел бы посвятить свою книгу священнику Ефтимии, однако он убежден, что теперь церковь и священники ничего не значат. Более того, божественное начало в подобном мире подвергается исключительной десакрализации. Один из героев по имени Долфи, например, испытывает особую любовь к старому мулу и хочет сделать из него офицера. В дальнейшем к этому мулу как воплощению божественного начала («пресветлому», у Ковача с прописной буквы) приходят поклоняться крестьяне.

Десакрализации подвергается у Ковача и миф о любви к России, земле страданий и поиска смысла жизни, так как образы носителей этой идеи представлены комично и вызывают явное недоверие. Тот же Долфи, обожествлявший животное, отмечает, что

для победы нужна печаль, и добавляет, что Россия «печальна». В дальнейшем Долфи перед смертью просит посадить его на мула, чтобы с этой высоты увидеть русские просторы.

Любит Россию и Элида: она начала свою жизнь проститутки с грязным русским солдатом. Ведь Россия для нее — это святыня. Россия — это страна страдания. В дальнейшем Элида задает вопрос на русском языке: «В чѐм смысл жизни?» Наконец, один из героев, русский эмигрант, то есть человек, живущий вдали от своей страны и ничего не знающей о ее настоящем, заявляет, что вся Россия плачет за Христом и говорит о «славянском плаче». Конечно, в устах подобных персонажей эти заявления звучат по меньшей мере комично, свидетельствуют об ироничном отношении самого автора к этим высказываниям.

С другой стороны, сам факт появления подобных слов на страницах романа может, на наш взгляд, напоминать и о юродстве. Ведь мир Ковача представляется совершенно парадоксальным. В нем стираются границы между реальным и ирреальным, комическим и трагическим, между жизнью и смертью. По словам К. Джуричковиц, речь здесь идет о «гротескной фантастике», при этом, как отмечает исследователь, «Ковач иронию и гротеск использует как средство объективизации зла»¹². Однако может проявляться и юмор, гротескный, конечно. Например, в сцене родов (или смерти?) Элиды вокруг нее собираются разные люди.

«+ Элида рожает, не правда ли?

+ Элида на самом деле умирает, господин, — сказал ему кто-то.

+ При родах, — сказал он. — К черту, что я буду делать с ребенком?

+ Элида умирает от старости, — сказал ему кто-то. — А может быть, она и больна»¹³.

¹² *Kalezić-Džuričković S.* Romani Mirka Kovača. S. 324.

¹³ *Ковач М.* Моя сестра Елида. Београд, 1965. С. 17.

Парадоксальность Ковача, на наш взгляд, проявляется и в его концепции мира и человека. Признание силы зла, десакрализация духовных ценностей, безусловно, напоминают о трактовке Шестовым «подпольного человека». Однако совет писателя «читать Достоевского» вряд ли сводится лишь к подобному пониманию мира: в произведениях Ковача иногда находят свое место религиозные мотивы. Так, на страницах романа «Поругание души» (*Ruganje s dušom*, 1976) наряду с присутствием дьявола (у Ковача это слово пишется с прописной буквы) появляются упоминания о настоящем священнике и настоящих христианах, а речь повествователя Анджула о распаде семьи Биришей прерывается авторским цитированием Нового завета и Псалмов, выделенных в тексте при помощи скобок. Комментируя повествование Анджула о поведении одного из героев, автор приводит в скобках цитату из Евангелия от Матфея: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». 5, 37»¹⁴. В другом случае, при описании смерти Элиды, ставшей проституткой «из жалости» к людям и проявившей заботу о слабоумном брате даже на смертном одре, автор цитирует Псалом 11, полный отчаяния и мольбы, обращенной к Богу («Спаси, Господи, ибо не стало праведного»)»¹⁵.

Как и Ковач, Миодраг Булатович пытается противопоставить грозному демоническому началу присущую «славянской душе» доброту, а также всепрощение. Эмигранты, герои его романа «Люди с четырьмя пальцами» (1975), постоянно подчеркивают свою близость Достоевскому. Так, благополучный, обеспеченный чех Мартинек, забывший о благопристойности и отправившийся пьянствовать с эмигрантами, говорит о близости Достоевского «униженным и оскорбленным». Как и у Ковача, патетическое высказывание героя, не соответствующее его реальному положению, может порождать комический

¹⁴ Kovač M. *Ruganje s dušom*. Zagreb, 1976. S. 164.

¹⁵ Ibid. S. 199.

эффект. Однако и проникновенные слова о Царствии Небесном произносятся у Достоевского полупьяным Мармеладовым в грязном трактире.

Булатовича с Достоевским, безусловно, роднит выбор проблемы и героя. Персонажи сербского писателя — это, как правило, физически и психически больные и слабые люди, неустроенные в социальном плане. Иногда и Достоевский и Булатович сочувствуют своим героям-преступникам, видя в них, в первую очередь, не сознательных поборников зла, а оступившихся людей.

Миру преступников у Булатовича, как и у Достоевского, противостоит мир «святых», хотя Булатович не верит ни в Бога, ни в бессмертие души. «Сумасшедшая Мара» из романа «Красный петух летит к небу» (1959) напоминает Лизавету из «Преступления и наказания». Обе они робкие, безответные и добрые. Когда Мара подвергается групповому изнасилованию, она жалеет преступников как несчастных людей и убеждает себя, что ее боль не столь важна в сравнении с их радостью. А Лизавета, как известно, была постоянно беременна.

Мухарем, главный герой этого же романа, представляет собой воплощение доброты и способности к самопожертвованию. Преследуемый озверевшей толпой, он при этом верит в доброту людей и во всем обвиняет лишь себя.

Однако кто в таком случае виноват в столь несовершенном мироустройстве? У Булатовича это может быть и дьявол, однако важнейшая причина подобного состояния людей — человеческий эгоцентризм.

Художник Милан из рассказа «Тирания» уверяет себя и окружающих, что весь мир существует лишь благодаря его картинам. Смерть героя не случайна: в течение всего рассказа он постоянно провоцирует людей. При этом страдания и смерть представляются Милану важнейшими событиями его жизни («Сейчас я над

всеми, важнее всех, потому что страдаю...” Ему казалось, что проливая свою кровь, он превращается в огромный памятник самому себе»¹⁶.

Можно сказать, что Милан жертвует своей жизнью. Но жертвует ею ради самого себя и потому ничего не получает. В отличие от христиан, Милан убежден в собственной исключительности, сверхчеловеческой исключительности: «Я прототип всех личностей во все времена. Я синтез всех времен и эпох. Я начало всех начал»¹⁷.

Своему окружению он заявляет: «И вы будете счастливы, что знали меня. Вы пойдете по всему свету проповедовать, как вы узнали художника, который обессмертил человека и его судьбу»¹⁸.

Параллели совершенно очевидны, и не случайно толпа грозит Милану, что распнет его «как Христа»¹⁹. В конце рассказа писатель практически ставит знак равенства между своим героем и Христом: в глазах героя и печаль, и смирение, и «неземное, присутствующее Христу примирение со всем на свете»²⁰.

С другой стороны, святому уподобляется и Мухарем. Иванка, героиня романа, «посмотрела ему внимательно в глаза. В них что-то искрилось. Кажется, тепло и свет небес. Такое доброе, плоское и выпянутое лицо она видела на стене церкви св. Петра в Белом Поле: был это какой-то святой, апостол, отшельник или какое-то похожее чудо»²¹. Здесь фактически стирается различие между миром земным и миром небесным.

И у Булатовича, и у Достоевского беспомощность жертвы пробуждает садистские наклонности палача. Их герои стремятся к страданию. По словам Еремича, для Булатовича «страдание — это необходимое условие для исключительной жизни и глубокого познания, что и сближает его с Достоевским»²². А А. Илич признает,

¹⁶ *Bulatović M.* Đjavoli dolaze. S. 212.

¹⁷ *Ibid.* S. 171.

¹⁸ *Ibid.* S. 191.

¹⁹ *Ibid.* S. 177.

²⁰ *Ibid.* S. 211.

²¹ *Bulatović M.* Crveni petao leti prema nebu. Beograd, 1982. S. 52.

²² *Ibid.* S. 309.

что «плач над несовершенством человека и его судьбой» слышится в «Волке и колоколе» и «Красном петухе»²³.

Как и романы Достоевского, роман М. Булатовича «Красный петух летит к небу» представляется драматическим произведением, состоящим из ряда сцен: сцены изнасилования Мары, сцены издевательства над Мухаремом, сцены встречи этого героя с отцом. Даже село, где происходит действие, лежит в низине, окруженной холмами, что по форме напоминает амфитеатр.

И Булатович, и Достоевский цитируют Библию, рисуют апокалиптические картины, причем кошмары у Булатовича столь многочисленны, что превращаются в повседневное явление. И героями обоих писателей являются демонические существа, возможно, плоды расстроенного сознания героев.

Позднее в романах «Люди с четырьмя пальцами» и «Gullo Gullo» (что означает свирепое, кровожадное животное, похожее на куницу²⁴) Булатович, как и Достоевский в «Бесах», обратится к теме политического терроризма. Ему, одному из последних защитников социализма в Югославии, как и в молодости близкому петрашевцам Достоевскому, знакома идея установления Царства Божия на земле. «В подземном параллельном мире терроризма Булатович видит перевернутый с ног на голову хрустальный дворец социальных утопий», — писал А. Илич.²⁵ Достоевский, впрочем, во время работы над «Бесами» уже не питал никакой надежды на осуществление земной мечты человечества.

Подобно Достоевскому, Булатович в своих книгах о терроризме выступает идеологом, доказывающим недопустимость подобного явления. Слова крупного политического деятеля В. Дедиера о «Людах с четырьмя пальцами» как судебном обвинении европейскому неофашизму достаточно показательны.

²³ Илич А. Sazidati noć // *Bulatovič M. Gullo Gullo*. Beograd — Zagreb, 1983. S. 255.

²⁴ Скорее всего, Булатович имеет в виду росомаху (лат. gulo gulo), принадлежащую к семейству кунных.

²⁵ Илич А. Sazidati noć. S. 263.

Политическая ангажированность Булатовича ясно проявляется и в романе «Gullo Gullo», где сокрушительной критике подвергается левый экстремизм. При этом в конце романа выясняется суть «левого» экстремизма: членов Gullo Gullo финансирует миллионер Иванович, уничтожающий конкурентов.

При этом в отличие от предшествующих романов Булатович уже откровенно иронически сравнивает «новую библию» Gullo Gullo с Ветхим и Новым Заветом, а «борцов» за права «униженных и оскорбленных», т. е. террористов, — с Иисусом Христом («Христа» защищают стаи кровожадных зверей Gullo Gullo). Рассказ о муках Иисуса Христа ведется от лица некоего Хетта, «ровесника Иисуса и его последователя до казни»²⁶. При этом Хетта «многие [...] считают клоуном праистории». Хетт — «карлик с совиными глазами, заячьими ушами, с козлиным хвостом». И при этом же Хетт — «совесть мира», он «говорит языком пророчеств и истины»²⁷. Очевидно, «совесть мира» не слишком согласуется с «козлиным хвостом», и ирония Булатовича проявляется здесь в полной мере.

В романе «Gullo Gullo», в отличие от «Людей с четырьмя пальцами», автор обращается к комическому началу, как и Достоевский в «Бесах». Ненормально, гротескно выглядит сопоставление грудей без сосков любовницы магната Носсака и современного капитализма. Но для сторонников Gullo Gullo оно представляется нормальным: «До самой ночи, и даже позже, тройка ударного эшелона Gullo Gullo дискutiровала об уродстве грудей современного капитализма»²⁸.

Традиции Достоевского у Булатовича и Ковача находят преломленное воплощение. У Ковача демоническому началу лишь изредка противостоит начало религиозное, а у Булатовича устремленность отдельных людей к добру не освящена, как у Достоевского, божественным началом.

²⁶ *Bulatović M.* Gullo Gullo. Beograd — Zagreb, 1983. S. 34.

²⁷ *Ibid.* S. 188.

²⁸ *Ibid.* S. 34.

С Л О В А К И Я

М. Куца

Ф.М. Достоевский как символ — к специфике восприятия его творчества в словацком культурном пространстве

Специфика восприятия Ф.М. Достоевского словацкой культурной средой с самого начала была обусловлена характером его творчества. В XIX и XX вв. это восприятие предопределялось, а также и сегодня в некоторой степени предопределяется внелитературными факторами. По сути, в зависимости от наличия или отсутствия в определенные исторические периоды публикаций словацких переводов Ф.М. Достоевского, а также в зависимости от наличия или отсутствия рефлексии его творчества в словацкой культурной среде мы можем определить изменения идеологических и культурных координат в словацком обществе. Это всегда получало отражение в культурной политике, независимо от того, была ли это политика тоталитарных режимов или политика, управляемая сегодняшней всемогущей невидимой «рукой» книжного рынка. Поэтому рассмотрим несколько глав из судьбы творчества Достоевского на словацкой почве именно с этой точки зрения.

Достоевский — писатель?

В XIX в., как это хорошо известно, русская литература была для словацкого народа, еще не имевшего своей государственности, опорой и, пользуясь словами Я. Коллара, «величавым дубом», осенявшим своей тенью истоки словацкого реализма. Таковой она

оставалась фактически вплоть до возникновения Первой Чехословацкой республики (1918). Достоевский же, будучи человеком со специфическим представлением о социальной справедливости и роли власти как таковой, не всегда оказывался приемлемой фигурой для словацкого культурного контекста. Хотя переводы его произведений появляются несколько раньше, чем, например, переводы Л.Н. Толстого, на протяжении долгого времени речь шла лишь об отдельных текстах Достоевского: с 1881 г., когда был издан первый перевод, и до конца XIX столетия их вышло всего 17, тогда как, к примеру, переводов Толстого здесь за период с 1883 по 1900 гг. было опубликовано 88, т. е. в пять раз больше. На условность и некоторую непоследовательность в словацких оценках идеи славянофильства у этих двух гениев обращал внимание еще словацкий литературовед Иван Куся, который в статье «К вопросу изучения взаимоотношений словацкой литературы с другими литературами» (1958) анализировал высказывания виднейшего представителя мартинского консерватизма С.Г. Ваянского, сделанные на рубеже XIX–XX вв.: «С.Г. Ваянский не раз заявлял, что высоко ценит произведения Л.Н. Толстого, но не выносит его представления об обществе. В то же время чуждым ему было творчество Ф.М. Достоевского, но близки его — Достоевского — взгляды, главным образом, поздние, связанные с идеей славянофильства. Славянофильские взгляды С.Г. Ваянского лишены даже той крупинки социального и в то же время анархического протеста против современного мира, который присутствует у Достоевского»¹.

После 1918 г. ситуация изменилась, однако и в межвоенный период Достоевский воспринимался в Словакии зачастую не как писатель, а как философ, религиозный мыслитель (один

¹ *Kusý I.* K otázke skúmania vzťahov slovenskej literatúry k iným literatúram // *Naša veda* (SAV). Roč. 5. 1958. Č. 5. (bez str.)

лишь пример — статья Г. Ружичковой-Ванёвой «Ф.М. Достоевский. О библии, вере в Бога и Христа и в бессмертие души»²). Еще в книге «Русская литература в словацкой культуре»³, говоря об истории перевода и восприятия русской литературы в словацкой культуре, мы обращали внимание на лекцию «Федор Михайлович Достоевский», прочитанную профессором только что открывшегося братиславского университета Йозефом Шкульте-ты к столетию со дня рождения писателя 11 ноября 1921 г. В этой лекции Шкульте-ты совершенно не скрывал своего рода «служебной» роли русского элемента, русской литературы, сравнивая на тот момент совсем молодых Горького и Андреева, которые «поют нам, охотным слушателям русской песни, о повстанце Стеньке Разине, а в театре показывают андреевскую драму» и Достоевского, который, по мнению Шкульте-ты, «сегодня, как раз сегодня, дорог нам еще и потому, что безусловно верит в русского человека и в будущее русской культуры»⁴. В межвоенный период фрагментарные переводы русской литературы были в определенной мере дополнены чешскими изданиями. Имевшиеся на тот момент лакуны отчасти заполнились публикацией часто хаотических и противоречащих друг другу текстов: помимо трудов Шкульте-ты, также были изданы работы Я.И. Гамальера (1925), А. Мраза (1926) и др. При этом в 1932 г. в серии изданий переводной литературы *SPKK* издательства Матицы Словацкой в Мартине вышли переводы двух произведений Достоевского: «Неточка Незванова» в переводе Штефана Мигала и «Преступление и наказание» в переводе Петера Тврдого.

Военный парадокс

Крутой поворот в судьбе текстов Достоевского в Словакии парадоксальным образом происходит во времена существования

² *Ružičková-Váňová E.* F.M. Dostojevskij. O biblii, víře v Boha a Krista a nesmrtnost duše // *Slovenské pohľady*. Roč. 41. 1925. Č. 6-8. S. 385-391.

³ *Ruská literatúra v slovenskej kultúre* / M. Kusá (ed.). Bratislava, 2017.

⁴ *Škultéty J.* Fedor M. Dostojevskij // *Slovenské pohľady*. Roč. 38. 1922. Č. 1. S. 8-16.

Словацкой Республики, когда в 1941 — 1945 гг. здесь выходит девять его книг, и главное — все его большие романы: «Братья Карамазовы» (пер. З. Есенской в двух изданиях — 1942, 1944), «Преступление и наказание» (пер. З. Есенской, 1944), «Идиот» (пер. М. Разусовой-Мартаковой, 1945). Так Достоевский становится самым переводимым русским писателем в тот сложный период словацкой истории. С одной стороны, это явилось логическим завершением процессов, происходивших в межвоенный период, а с другой — определенным протестом против тогдашнего клерикализма и профашистской политики словацкого правительства. Было бы упрощением связывать такой интерес к Достоевскому непосредственно с тем, что Словацкая Республика имела «несветское» правительство во главе с Йозефом Тисо и католическая церковь существовала как самостоятельный институт. Тем более, что обе переводчицы романов Достоевского — и З. Есенска, и М. Разусова-Мартакова — происходили из протестантских семей. Здесь, скорее, сыграл свою роль тот факт, что Достоевский предлагал возможные ответы на естественно возникавшие в те непростые времена вопросы о смысле жизни и сути человеческого существования. Помимо романов, в этот период в Словакии вышел также перевод его повести «Село Степанчиково и его обитатели» (пер. Рудольфа Клачко, 1941) и второе издание «Записок из Мертвого дома» (пер. П. Тврдого, 1943). Большие романы Достоевского были опубликованы в той же серии *SPKK* издательства Матицы Словацкой, и появление их в одном контексте с другими иностранными произведениями свидетельствует о серьезной и последовательной работе издательства над выбором текстов для публикации, с тем чтобы перенести на словацкую культурную почву канон европейской литературы. Как утверждала Яна Тесаржова в работе «Эмансипация словацких переводов русской литературы (1943–1945)», об успехе произведений Ф.М. Достоевского в Словакии свидетельствовало

не только наличие многочисленных переводов, опубликованных в журналах «Словенске погляды» (*Slovenské pohľady*), «Живена» (*Živena*), «Творба» (*Tvorba*), «но и тот факт, что именно Достоевский-философ и Достоевский-творец привлекал внимание словацкой образованной элиты — теологов, христианских философов (Л. Ганус⁵) и литературоведов (А. Матушка⁶)»⁷. Важную роль в процессе освоения творчества писателя сыграл также перевод книги Н. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание»⁸, в определенной степени объединившей два аспекта творческой природы Достоевского — литературный и философский.

Взлеты и падения

Давая характеристику 1950-м гг., можно говорить лишь об условном присутствии Достоевского в словацком культурном пространстве: после нескольких книжных изданий конца 1940-х гг. воцарилось молчание, длившееся почти десятилетие. Лишь в 1962 г. наконец выходит в свет доработанный перевод З. Есенской романа «Братья Карамазовы». Затем в немного более свободной обстановке второй половины 1960-х гг. изучение творчества Достоевского вновь возобновилось, хотя и не без определенных проблем. В период социально-политической оттепели (с конца 1950-х до конца 1960-х гг.) ситуация менялась, или, по крайней мере, заметны были попытки ее изменить. Именно тогда открывается следующая страница истории произведений Достоевского в словацкой среде. «Возвращение “Бесов”» (*Návrat Diablaom posadnutých*, 1968) —

⁵ *Hanus L.* F. M. Dostojevskij a svet boľševizmu. // Slovenské pohľady. Roč. 58. 1942. Č. 3. S. 153-164; *Idem:* Kristova postava u F. M. Dostojevského // Slovenské pohľady. Roč. 58. 1942. Č. 8-9. S. 520-538.

⁶ *Matuška A.* Niekoľko slov o Dostojevskom // Živena. Roč. 33. 1943. Č. 1. S. 6-7.

⁷ *Tešarová J.* Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825-2015. Bratislava, 2017. S. 77.

⁸ *Losský N.O.* Dostojevskij a jeho kresťanský svetonáhľad. Liptovský Svätý Mikuláš, 1946. В 2009 г. эта книга была переиздана Издательством Союза словацких писателей (Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov).

так переводчица Соня Чехова (1930–2007) назвала свою статью о сложной судьбе словацкого перевода одного из самых спорных текстов Достоевского. Статья «Возвращение “Бесов”» состоит из нескольких частей. Вначале С. Чехова кратко освещает ситуацию, сложившуюся вокруг перевода романа вскоре после его выхода в Словакии в 1967 г. с послесловием пражского философа Вацлава Черного (1905–1987). Тогда издательство вынудили убрать публикацию из продажи, причем не просто изъять ее, а совершенно кастрировать, вырезав вредоносное, по мнению тогдашних властей, послесловие, и уничтожить более трех тысяч нераспроданных экземпляров. Чехова обращает внимание на протесты литературных критиков — Й. Феликса, М. Хорвата и П. Штевчека — и, главным образом, на письмо-жалобу «человека с возвращенным именем», реабилитированного бывшего буржуазного националиста, интеллектуала крайне левого толка Л. Новомеского. Именно письмо Новомеского, в то время уже известного национального деятеля культуры, датированное 14 сентября 1967 г., в конце концов помешало окончательно «разделаться» с «Бесами». В заключении своих размышлений автор статьи обращается к словацким ценителям творчества Достоевского так: «Желающие прочесть помимо этого письма еще и нашумевшее исследование именитого литературного критика мирового уровня могут без проблем купить эту книгу и сегодня»⁹. Как сообщает Чехова, заметку, содержащую эту фразу, она написала 11 марта 1968 г., т. е. уже после январской либерализации, и после этого пыталась опубликовать ее в нескольких словацких периодических изданиях («Смена», «Вечерник»), но в ответ получила отрицательный отзыв работника надзорного органа по контролю печати товарища Я. Гуса (сколько иронии в этом имени! — М.К.) в связи с тем, что комментарий «написан на основании недостоверных фактов»¹⁰. Именно эти слова подтолкнули ее

⁹ Čechová S. Návrat Diablaom posadnutých // Kultúrny život. Roč. 23. 1968. Č. 13. S. 9.

¹⁰ Ibidem.

в конце концов опубликовать комментарий вместе с полным возмущения письмом Л. Новомеского. Понятно, что письмо, касающееся послесловия противоречивой личности к противоречивому тексту Достоевского, несет в себе не только однозначно негативное отношение к серьезному вмешательству в текст книги, но также и аргументацию и даже полемику крайне левого интеллектуала с самим автором спорного послесловия.

Приведем здесь текст письма Л. Новомеского:

Мною овладевают бесы не только из Достоевского, но и из самого ада, когда я узнаю, что анонимная инквизиция требует от Вашего издательства, чтобы из только что выпущенного издания Достоевского изъяли комментарий и продавали его в таком виде. Почему? По той причине, что фамилия автора исследования о «Бесах» — Черный? Однажды его уже отстранили от изучения средневековой драмы, однако же потом исследование возобновили. И это не нанесло никакого вреда социализму, но вреда это, к сожалению, не нанесло и тем людям, которые его как будто бы строят, но совершенно беспорядочным образом.

Следовало бы выразить и наше отношение к действиям, предпринимаемым во имя строительства социализма и не только к ним, ведь этот вопиющий случай вновь напоминает о том, что мы намеренно удерживаем у нас людей двух типов: с одной стороны, таких, которые при соблюдении определенных условий могут свободно говорить, а с другой стороны, тех, которые совершенно не умеют самовыражаться. Или у меня еще должны остаться сомнения на тот счет, что угроза не имеет отношения к имени автора, а связана с содержанием исследования? Исследование же я прочитал самым внимательным образом. Это очень трезвое рассуждение о Достоевском, настолько трезвое, что вредит даже самому Достоевскому. И точно не по этой причине исследование Черного было отвергнуто. Скорее, из-за

предложенной там интерпретации «Бесов», этого важнейшего антиреволюционного произведения бывшего петрашевца Достоевского. [...] Но очевидно, что Черный не мог не сказать о том, что уже на протяжении ста лет было в «Бесах» так явно обозначено: мысль, возвышающаяся над человеком и его сознанием, полезнее любых других предписаний, а выступает против этой мысли демонизм Верховенского, который относится *«в данном случае, вообще не к нашим сегодняшним идейно-философским реалиям* [выделено Л. Новомеским], *но к социальным реалиям, актуальным уже полстолетия [только лишь? — М.К.], к реалиям, полным насилия, ошибок, лжи, мира концлагерей с коптящими от сжигаемых людских тел печными трубами, мира войн между народами и войн гражданских, которые всегда вспыхивают во имя какого-то обещанного будущего справедливо рая...»* — и так далее.

Не знаю, конкретно это ли предложение усугубило революционные чувства нашего инквизиторишки и послужило причиной его приказа вырвать из книги исследование Черного, в котором было обнаружено антиреволюционное проклятие «в целом». Если это так, то необходимо было обратить внимание инквизитора на то, что даже при наличии упомянутой в этом высказывании ретроспективы, автор мог подразумевать национал-социалистическую революцию, а значит речь идет о социалистической революции в том ее понимании, которое было характерно для Сталина, или Берии, или людей, похожих на Верховенского. [...] С уважением, Ладислав Новомеский¹¹.

По-видимому, благодаря в том числе и параллелям в личных судьбах Новомеского и Достоевского, словацкий поэт особенно остро осознавал необходимость публикации текстов Достоевского и как предмета для философских, идеологических

¹¹ Čechová S. Návrat Diabla m posadnutých. S. 9.

дискуссий или полемик. Очевидно, именно поэтому он рискнул воспользоваться своим статусом. Несмотря на тот факт, что в начале 1960-х гг. произошло полное восстановление гражданских прав Новомеского, такой шаг был для него серьезным проявлением гражданского мужества и отваги.

Этот краткий экскурс чрезвычайно важен для понимания всего литературно-исторического процесса. На примере судьбы одного из многочисленных переводов Достоевского на словацкий язык можно убедиться в сложности и неоднозначности восприятия его произведений, что вновь подтверждает значимость этих переводов в словацкой культурной среде.

После вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г. изъятию в 1969-1970 гг. подлежало и издание «Братьев Карамазовых» из-за ангажированности переводчицы романа З. Есенской. Подобная участь постигла и другие тексты классиков русской литературы, переведенные ею. Вплоть до начала 1990-х гг., когда были изданы «Братья Карамазовы» в переводе Я. Ференчика, эта часть русской литературы для Словакии будто бы и не существовала вовсе. Как отмечала словацкая исследовательница и переводчица Эва Малити, «собственно говоря, до начала девяностых годов, когда вышел новый перевод, выполненный Я. Ференчиком, мы были лишены одного из основных произведений русской классики — романа “Братья Карамазовы”»¹².

В 1973 г. появился словацкий перевод книги М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», и с этого момента концепция Бахтина (а первоначально — Луначарского) о полифонии романов Достоевского плотно вошла в словацкий литературоведческий контекст, а также в целом в литературный дискурс, относящийся и к поэтике романов других авторов. Годом позже на витринах

¹² *Maliti E. Zrkadlenie v priestore a čase — sovietsky mnoholiterárny fenomén // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825-2015. Bratislava, 2017. S. 111.*

книжных магазинов вновь появился сборник избранной прозы Достоевского под названием «Катарина» (*Katarína*, 1974), выпущенный издательством «Татран», куда вошли переводы В. Микулашовой-Шкридловой и Г. Костоланской. В словацкую историю перевода (и перевода русской литературы) этот период 1970–80-х гг. вошел как второй период или период «нового перевода классики»¹³.

Достоевский и противоречия эпохи

Позже на восприятии творчества Достоевского отразились и социально-политические изменения, происходившие после 1989 г. За четыре года с 1994 по 1997 гг. в Словакии вышло пять изданий переводов произведений Достоевского: «Двойник» (*Dvojník*, 1994), «Открытие сердца» (*Objav srdca*, 1996), «Дядюшкин сон» (*Strýčkov sen*, 1997), «Белые ночи» (*Biele noci*, 1998), а также переиздание сборника «Катарина и другие рассказы» (*Katarína a iné poviedky*, 1997). Кроме того, на кафедре русского языка и литературы философского факультета Университета Коменского в Братиславе была опубликована монография реабилитированного русиста Я. Копаничака «Достоевский и современность» (*Dostojevskij a dnešok*, 1994)¹⁴.

Двадцать первый век принес и новые переводы Достоевского, выполненные представителями молодого поколения словацких переводчиков. Также можно выделить и публикацию теоретических трудов, по-своему расширяющих диапазон восприятия русской литературы. Так, например, издательство «Сполук словенских писователёв» (*Spolok slovenských spisovateľov*) опубликовало уникальное издание комментариев, интерпретаций и размышлений, посвященных одному из наиболее изучаемых текстов Ф.М. Достоевского — «Легенде о великом инквизиторе» (части

¹³ *Maliti E.* Zrkadlenie v priestore a čase. S. 111.

¹⁴ *Kopaničák J.* Dostojevskij a dnešok. Bratislava, 1994.

романа «Братья Карамазовы»). Публикация получила название «Размышления о Великом инквизиторе» (*Rozjímánie o Veľkom inkvizitorovi*, 2005). Р. Гафрик в рецензии на это издание под названием «Изменения в обществе — прогресс в творчестве» подчеркивал следующее: «Небольшая книга (состоящая едва ли из 130 страниц) помимо текста “Легенды о великом инквизиторе” (приведенной в переводе Яна Ференчика) содержит также эссе Андрея Червеняка, Милоша Ферко, Далимира Гайко и Яна Тужинского, а также запись дискуссии, в которой участвовали Роман Михелко, Андрей Червеняк, Ян Тужинский, Мартин Гомза и Мариан Газдик. Конечно, сегодня уже никто не ожидает от какой-либо книги однозначной интерпретации или совета, как понять легенду о великом инквизиторе. [...] Подобный глубинный анализ или медитативное погружение в текст Достоевского приносит новые смысловые оттенки, актуализирует текст для нашего поколения, в том числе, и в свете событий, произошедших в Словакии и в мире в последние десятилетия. Конечно, некоторые высказывания и обобщения могут показаться спорными. И хотя с ними не обязательно соглашаться, они создают почву для самостоятельных размышлений»¹⁵.

Именно таким путем пошел Л. Перны, который на электронной платформе, отсылающей к движению дави́стов (по названию культурно-политической группировки 1920–30-х гг. «ДАВ»), попытался провести собственный анализ и предложить свою интерпретацию этого текста Достоевского, также получившую название «Размышления о великом инквизиторе»¹⁶.

Совершенно иначе в сравнении с медитативным названием и характером размышлений о смысле жизни звучат заголовки двух

¹⁵ *Gáľrik R.* Zmeny v spoločnosti — pohyb v tvorbe [Электронный ресурс] // Knižná revue. 2007. № 05. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/rozjimanie-o-velkom-inkvizitorovi-andrej-cervenak-milos-ferko-dalimir-hajko-jan-tuzinsky> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶ *Perry L.* Dostojevskij a kolektív slovenských filozofov: Rozjímánie o veľkom inkvizitorovi (analýza diela) [Электронный ресурс] // DAV DVA. URL: <https://davdva.sk/dostojevskij-a-kolektiv-slovenskych-filozofov-autorov-rozjimanie-o-velkom-inkvizitorovi-analyza-diela/> (дата обращения: 12.04.2023).

инсценировок текстов Достоевского, созданных в XXI в., а точнее, в его первом десятилетии: «Убийство топором в Санкт-Петербурге» (*Vražda sekerou v sv. Peterburgu*, 2000, Театр «Асторка», инсценировка «Преступления и наказания» Яна Новака) и «Чужая жена и муж под кроватью» (*Cudzia žena a muž pod posteľou*, 2006, Словацкий национальный театр, инсценировка Петера Павлаца). Упомянутое противоречие, соотносящее — в духе постмодернизма — высокое и низменное, отражает биполярность современного книжного рынка и театральной аудитории. Оба сценических произведения как минимум своим названием, намекали на присутствие в текстах Достоевского в том числе и криминального, и волнующе-шекотливого начала.

Зузана Уличанска в своей рецензии на постановку Павлаца под названием «Фейдо и Достоевский под одной кроватью» говорит следующее: «Вовсе не большие мечты, а скорее мелкие ночные кошмары смешного человека являются предметом театральной адаптации нескольких рассказов Достоевского, над которой совместно работали драматург Павлац и режиссёр Стрниско. [...] Постановка не обошлась без классических курьезов и бульварных погонь, которые к тому же в некоторых местах выглядят несколько неуклюже и громоздко»¹⁷. Само собой, не случайно в 2018 г. вышла чешская подборка рассказов Достоевского с тем же названием — «Чужая жена и муж под кроватью» (*Cizí žena i muž pod posteľí*), состоящая из шести произведений в переводе Алены Моравковой, которая была встречена с большим интересом.

Но наибольшее количество инсценировок во втором и начале третьего десятилетия XXI в. «спровоцировало» самое спорное произведение автора — роман «Бесы»¹⁸. В Словакии в эти годы

¹⁷ Uličianska Z. Feydeau a Dostojevskij pod jednou posteľou [Электронный ресурс] // Sme. 10.05.2006. URL: <https://www.sme.sk/c/2709968/feydeau-a-dostojevskij-pod-jednou-postelou.html> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁸ Городской театр города Жилина (*Besi*, 2015), Театр им. А. Духновича в Прешове (*Posadnutí*, 2016), Театр «ЛАВ» в Братиславе (*Besnota*, 2019), Кошицкий государственный театр в старом здании (*Besy*, 2021).

возникло множество постановок с различными названиями, предлагающих разнообразные, но не противоречащие тексту интерпретации. Режиссер Б. Мазух после показа своего спектакля «Одержимые» (*Posadnutí*) в Жилине попытался перенести свою интерпретацию и на сцену театра Александра Духновича в Прешове, говоря о ней так: «Это история восстания молодежи — тайного общества анархистов, которое в маленьком российском провинциальном городке развязывают кровавые беспорядки, пытаясь осуществить социальный переворот»¹⁹. Как и любое произведение Достоевского, «Бесы» предлагают различные возможности видения и понимания сюжета. Адаптация и концепция режиссера Додо Гомбара в студенческой постановке театра «LAB» уже одним своим названием «Бешенство» (*Besnota*) леденит душу и является «своего рода отголоском хаотического клубка неработающих связей и отношений, в центре которого находится эгоист, жаждущий денег, славы, влияния, алкоголя и осознающий постепенно, что все это — совсем не то, что делает человека человеком»²⁰. Эта постановка задается вопросами: «Способен ли человек простить самого себя? Способен ли он учиться на собственных ошибках?»²¹. А название рецензии на этот студенческий спектакль «Бешенство Я Бешенство ТЫ Бешенство МЫ» (*Besnota JA Besnota TY Besnota MY*) свидетельствует об актуализации и самоидентификации современного молодого человека в данной постановке.

Самой новой на сегодняшний день является инсценировка этого романа, поставленная к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского на сцене Кошицкого государственного театра в сентябре 2021 г. под названием «Бесы» (*Besy*), которые являются, по словам автора постановки А. Коренчи, «антинигилистическим

¹⁹ *Kubáňová T.* Besnota JA Besnota TY Besnota MY [Электронный ресурс]// Reflektor, študentská revue Katedry divadelných štúdií Divadelnej fakulty VŠMU. 24.06. 2019. URL: <http://reflektor.vsmu.sk/recenzor/recenzor-detail/article/besnota-ja-besnota-ty-besnota-my/> (дата обращения: 12.04.2023).

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

романом, социально-политической сатирой, психологической драмой, а также аллегорией, изображающей катастрофические последствия политического и морального нигилизма»²². Свой выбор именно этого романа Достоевского Коренчи объясняет его актуальностью: «На данный момент я не могу назвать ни одного более злободневного романа, чем *“Бесы”* и не знаю ни одного более злободневного автора, чем Достоевский. Роман Пруста *“В поисках утраченного времени”*, вышедший на 40 лет позже, в сравнении с *“Бесами”*, представляет собой отголосок забытого прошлого»²³. Однако основной акцент в своей инсценировке Коренчи делает на конфронтации, а также на психологическом, социальном и — главное — моральном упадке.

Самые заметные изменения в издании переводов русской литературы на словацкий язык произошли на границе тысячелетий, когда сразу несколько издательств отреагировали на отсутствие переводной русской литературы на рынке. В 2010-х гг. значительную роль в возвращении русской литературы на словацкий книжный рынок сыграли издательства «Каллиграм» (*Kalligram*) и «Европа» (*Európa*). За девятнадцать лет, начиная с 2002 г., в серии «Перемена» (*Premena*) издательства «Европа» вышло 32 перевода русской классики XIX и XX вв. До этого, в 2000-х гг., в этой серии ядро издаваемых книг составляли переиздания старых переводов: в 2002 г. — перевод «Дьяволиады» М. Булгакова, выполненный М. Такачовой, затем ряд переводов Я. Ференчика (среди них — проза И.С. Тургенева, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М. Горького, Л. Андреева), М. Лесной (произведения Ф.М. Достоевского), Н. Сабовой (произведения Е. Замятина). Во втором десятилетии XXI в. не только эти, но и многие другие словацкие издательства, в

²² Fiodor Michajlovič Dostojevskij: BESY [Электронный ресурс] // Národné divadlo Košice. URL: <http://www.sdkc.sk/sk/cinohra/fiodor-michajlovic-dostojevskij-besy> (дата обращения: 12.04.2023).

²³ Ibidem.

том числе такие крупные, как «Словарт» (*Slovarť*) и «Икар» (*Ikar*), возвращаются к классике, и издания переводов Достоевского становятся частью их издательских проектов. В серии «Мировая классика» издательства «Словарт» за шестнадцать лет вышло 20 книжных наименований, причем преобладали «великие» или, говоря современным языком, «культовые» произведения в старых переводах, издававшихся в 1960–80-е гг. («Анна Каренина» Л. Толстого, 2012 и 2019, «Неточка Незванова» Достоевского, 2019 — оба романа в пер. Н. Сабовой; «Мастер и Маргарита» Булгакова, 2017, пер. М. Такачовой; «Леонардо да Винчи» Д. Мережковского, 2019, пер. Р. Жиарановой-Дворжаковой).

Таким образом, в течение первого двадцатилетия XXI в. в Словакии было опубликовано около 30 новых — исправленных и измененных — переводов Достоевского. Для крупных издательств публикация текстов Достоевского становится выгодным проектом, хотя и нельзя не отметить стремление не только печатать уже существующие переводы произведений этого гиганта мировой литературы, но и создавать новые переводы его текстов, которые часто пользуются большим успехом. К примеру, перевод «Преступления и наказания» В. Гегеровой, опубликованный издательством «Икар» в 2007 г., был удостоен Премии имени Яна Голлого, самой значительной переводческой премии Словакии²⁴. С того момента этот новый перевод был переиздан еще трижды, в последний раз в 2021 г. Аналогичным образом в издательстве «Икар» обстоит ситуация и с другими переводами Достоевского, причем более старые издания («Записки из Мертвого дома», 2003, пер. М. Личковой, «Униженные и оскорбленные», 2006, пер. Р. Дубравовой) выходят наряду с новыми («Идиот», 2012, 2014, пер. Ф. и Г. Костоланских).

²⁴ До этого в 2003 г. в издательстве «Икар» вышел перевод В. Гегеровой романа «Бесы», выполненный еще в 1967 г., под названием «Одержимые дьяволом» (*Diablon posadnutí*).

Подобную практику переиздания старых переводов с параллельным выпуском новых, современных можно наблюдать и в издательстве «Европа». Из более старых переводов произведений Достоевского были вновь опубликованы, в первую очередь, переводы Я. Ференчика: «Братья Карамазовы» (2005), «Двойник» (2006, 2009, 2017), «Белые ночи» (2012). Среди новых следует отметить переводы текстов «Из дневника писателя», выполненные супругами В. Купко и И. Купковой и опубликованные в издательской серии «Россия и Европа» (2008, 2010, 2016). Образ самого Достоевского дополняется переводом воспоминаний супруги писателя Анны Григорьевны Достоевской (пер. М. Гулмановой), которые вышли также в этом издательстве в 2009 г.²⁵

Словацкий литературовед В. Жемберова в недавно опубликованном исследовании «Ф.М. Достоевский — тема и персонаж» рассматривает книгу воспоминаний А.Г. Достоевской в контексте всего написанного об авторе и существующего в словацких и чешских переводах²⁶, что позволяет расширить знания о нем в словацкой культурной среде: «Перед выбором жанра, который позволил авторам обобщить все то, что они узнали из различных источников о Ф.М. Достоевском, учитывая уже существовавшие многочисленные попытки понять его личность, вставали и Леонид Гроссман, и Анна Григорьевна Достоевская, и Леонид Цыпкин. Леонид Гроссман стремился, основываясь на имеющемся у него материале, создать повествование с романной структурой; Анна Достоевская, вторая жена писателя, создала личное и семейное воспоминание о Достоевском-муже, Достоевском-отце, Достоевском-писателе, о четырнадцати годах их совместной жизни, начало которой положил роман “Игрок”; Л. Цыпкин же выбрал для своего повествования

²⁵ *Dostojevská A. G. Spomienky*. Bratislava, 2009.

²⁶ *Grossman L. Dostojevskij*. Bratislava, 1979; *Dostojevská A. G. Život s Dostojevským*. Praha, 1981; *Цыпкин Л. Léto v Baden-Badenu*. Praha, 2015.

драматический отрезок жизни супругов Достоевских, когда они путешествовали по Европе и отдыхали в Баден-Бадене»²⁷. Именно благодаря сравнению этих трех различных по жанру произведений В. Жемберовой удалось не только проследить «вдохновляющее, эпическое, сюжетообразующее» начало в биографии Достоевского, но и фактически подтвердить наличие интереса к ней не только у русских биографов, но и — шире — у европейских и других ученых, занимающихся изучением психологии и психоанализом жизни писателя с их проецированием на его творчество. Уже упомянутый сравнительный подход, использованный в работе В. Жемберовой, позволил ей сделать одно из ключевых обобщений о текстах Достоевского: «Основной подход к описанию и созданию работ о личности Ф.М. Достоевского, являющегося при этом персонажем текстов различных прозаических жанров, объединенных акцентом на основных драматических точках пересечения его писательской и общественной деятельности с его личной, семейной, литературной и социальной жизнью (где Достоевский выступает как осужденный, как писатель или как игрок), состоит в том, что эти пересечения описываются и объясняются с разной степенью эмпатии в попытках разобраться в травмах самого автора и его близкого окружения, происходящих из его пристрастия к азартным играм»²⁸.

На основании всех процитированных текстов (переведенных, переработанных, рефлексивных, описывающих жизнь и творчества автора) можно сделать вывод, что Ф.М. Достоевский в XXI в. полноценно вернулся в словацкое культурное пространство.

Это размышление о непростой судьбе одного из наиболее изучаемых авторов мировой литературы нельзя не завершить цитатой «рядового читателя» Яна Мацковчака, оставившего на сайте книжного магазина «Мартинус» отзыв на перевод романа «Идиот»

²⁷ *Žemberová V. Fiodor Michajlovič Dostojevskij — téma a postava // Slavica Litteraria. Roč. 23. 2020. Č. 3. S. 140.*

²⁸ *Ibidem.*

(издания 2001, 2012 и 2014 гг.)²⁹. Его оценка наивно, но точно, пронизательно и просто описывает творческий принцип многоголосия Достоевского и нейтральной авторской позиции: «Достоевский в примечаниях признается, что “Идиота” он написал без заранее продуманной структуры и, так сказать, просто погружался в поступки, поведение и решения самих персонажей. Если это не свидетельствует о том, что он был гением литературы, то что же еще?»³⁰

²⁹Необходимо добавить, что на сайте интернет-магазина martinus.sk Ф.М. Достоевский собрал, кажется, наибольшее количество читательских отзывов с самой высокой оценкой, то есть с максимальным числом «звездочек».

³⁰ *Mackovčák J.* Klasika pre každú éru [Электронный ресурс] // Martinus. URL: <https://www.martinus.sk/?ulItem=86481> (дата обращения: 01.09.2023).

Ф.М. Достоевский на современной словацкой сцене

Любопытен тот факт, что Ф.М. Достоевский, который за свою жизнь не написал ни одной пьесы, является одним из самых сценичных авторов. Уже более ста сорока лет его произведения идут на подмостках мировых театров наряду с пьесами Шекспира и Чехова. И примечательно, что у истоков творчества Федора Михайловича были именно драматургические опыты: приятель его молодости врач А.Е. Ризенкамппф рассказывал, что в 1840–42 гг. Достоевский трудился над двумя историческими драмами «Мария Стюарт» и «Борис Годунов». Также и роман «Преступление и наказание» изначально задумывался в виде драмы. Однако ни одного драматургического произведения им так и не было написано, хотя незадолго до смерти писатель признавался А. Суворину, что хотел бы один из эпизодов «Братьев Карамазовых» переработать в пьесу, но и этому замыслу не суждено было сбыться.

То, что произведения Достоевского весьма сценичны, отмечалось еще его современниками. Одним из первых говорил об этом, к примеру, Д. Мережковский, обративший внимание на близость его поэтики к поэтике античной драмы: «Не только присутствие рока в событиях придает рассказу Достоевского трагический пафос в античном смысле слова — этому впечатлению способствует еще и единство времени (тоже в античном смысле). В промежуток одного дня, иногда нескольких часов, события и катастрофы нагромождаются целыми массами. Роман Достоевского — не спокойно, плавно развивающийся эпос, а собрание пятых актов многих трагедий»¹. Оттого, вероятно, и первые попытки инсценировок его произведений возникают еще в конце 1870-х — начале 1880-х гг.: в 1878 г. по мотивам повести «Дядюшкин сон» Л.Н. Антроповым

¹ Мережковский Д.С. Достоевский // Русское обозрение. 1890. Т. 2. Кн. 3. С. 164.

была написана пьеса «Очаровательный сон», поставленная в 1882 г. на сцене Русского театра в Петербурге. В 1883 г. Московский частный театр Ф.А. Корша представил сцену из романа «Преступление и наказание» в переложении ведущего артиста театра В.Н. Андреева-Бурлака. Затем К.С. Станиславский инсценировал роман «Село Степанчиково и его обитатели» (спектакль «Фома», 1891), а вскоре появились спектакли по романам «Идиот» и «Братья Карамазовы»².

Что касается спектаклей по произведениям Достоевского в драматических театрах Словакии, то первое обращение словацких режиссеров к русскому классическому сошло лишь в конце 1920-х гг., причем начало словацким инсценировкам его романов положили любительские театры: в 1928 г. любительская актерская труппа из г. Лученец представила постановку под названием «Великий инквизитор» (*Veľký inkvizítor*) по роману «Братья Карамазовы», а спустя еще несколько лет, в 1934 г., на сцене любительского театра в г. Бытча был сыгран спектакль «Преступление и наказание» (*Zločin a trest*). В том же году и на главной сцене страны — в Словацком национальном театре (СНТ) в Братиславе — был инсценирован роман Достоевского «Подросток» (*Výrostok*, 1934). При этом если бы мы обратились, к примеру, к репертуару пражских и других чешских театров того времени, то увидели бы, что спектакли по произведениям Достоевского на тот момент уже прочно вошли в список популярных постановок и фактически более тридцати лет не сходили с чешских театральных подмостков: премьера первой инсценировки романа «Преступление и наказание» в пражском Театре имени Шванды состоялась еще в 1900 г. Однако такой запоздалый приход произведений Достоевского на словацкую сцену вовсе не означает, что до той поры в Словакии вовсе не были знакомы с творчеством писателя. Напротив: за пределами России

² Подробнее об этих первых русских постановках см.: Бурмистрова А.В. Инсценировки романов Достоевского (первые опыты) // Неизвестный Достоевский. 2019. № 3. С. 96–115. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4021.

в славянском культурном пространстве именно в словацком журнале «Орол Татранский» (*Orol Tatranský*), литературном приложении к газете «Словенские народные новости» (*Slovenské národné noviny*), 5 ноября 1847 г. в обзоре современной литературы впервые появляется упоминание о русском писателе: «В России очень понравился роман “Бедные люди” петербургского писателя Ф.М. Достоевского. Русская критика сравнивает его с “Вертером” Гёте и предсказывает ему большую славу, чем Гоголю, выдающемуся автору повестей»³.

При всем при этом первый перевод текстов Достоевского увидел свет здесь лишь в 1881 г., когда в журнале «Словенские погляды» (*Slovenské pohľady*) был напечатан ответ Достоевского на письмо московских студентов по поводу расправы мясников и торговцев Охотного Ряда с учащейся молодежью (1878 г.)⁴. Первый же перевод художественного произведения Достоевского на словацкий — рассказ «Маленький герой» (*Malý hrdina*, 1849) — появляется в печати только в 1883 г., а первый перевод его крупной прозы был опубликован еще через пятьдесят лет — роман «Преступление и наказание» (*Zločin a trest*, 1932, пер. П. Тврды).

Вопрос о том, почему путь произведений Достоевского к словацкому читателю был таким долгим даже относительно других славянских стран, рассматривался в словацком и российском литературоведении неоднократно, и все исследователи единогласно сходились во мнении, что причиной тому являются противоречия между русофильскими настроениями словацкого общества второй половины XIX — начала XX вв., где царила идеализация образа России, с которой связывались надежды на национальное освобождение словаков, и тем «критическим

³ Цит. по: Червенияк А. Достоевский в Словакии (Основные проблемы восприятия Достоевского словацкой литературой) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 258.

⁴ List F.M. Dostojevského k moskovským študentom // Slovenské pohľady. 1881. Č. 3. S. 277-279.

настроем»⁵ (Я. Тесаржова), «изображением России не в лучах солнечного света»⁶ (А. Матушка), общим духом трагизма, которые характерны для прозы Достоевского. К примеру, словацкий ученый А. Червеняк писал об этом так: «Из произведений русских писателей словацкая литература черпала в первую очередь идеи и образы, соответствующие представлению словаков об огромной роли России в славянском мире. Достоевский своими образами трагических искателей и раздвоенных личностей не гармонировал с идейными настроениями словаков, возникшими в условиях национального и социального угнетения иноземными силами. Дверь Достоевскому в Словакию открыл XX век — век всевозможных противоречий и конфликтов также и в словацкой среде»⁷.

При этом вовсе не следует исключать того факта, что, несмотря на отсутствие переводов на родной язык, многие представители словацкой культурной элиты, тем не менее, знакомились с произведениями русского писателя в чешских, польских и немецких переводах, а также в оригинале. Это объясняет тот факт, что влияние поэтики Достоевского было заметно, а порой и довольно сильно в творчестве словацких реалистов конца XIX — начала XX вв. (С.Г. Ваянского, М. Кукучина, Тимравы, Л. Надаши-Еге) и позднее в произведениях писателей межвоенного периода (М. Урбана, Й. Цигер-Гронского, Д. Хробака, Ф. Швантнера и др.).

Возвращаясь же к истории постановок по произведениям Достоевского в Словакии, которая, как было сказано выше, начинается лишь на исходе 1920-х гг., нелишне будет вспомнить, что первый словацкий профессиональный театр — Словацкий

⁵ *Tesařová J.* Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry (1939-1945) // *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836-1996*. Bratislava, 1998. S. 73.

⁶ *Matuska A.* Niekoľko slov o Dostojevskom // *Živena*. Roč. 33. 04.01.1943. S. 6.

⁷ *Червеняк А.* Достоевский в Словакии. С. 257.

национальный театр (далее — СНТ) — был основан в Братиславе только в 1920 г.⁸ и что еще несколько лет уходят на формирование постоянной труппы театра, на поиски собственной репертуарной линии. Недаром один из известнейших словацких режиссеров Янко Бородач, пришедший в СНТ в 1924 г., называл 1920-е гг. «периодом сумятицы и исканий»⁹ для словацкой профессиональной сцены. После того, как в 1932 г. Я. Бородач был назначен главным режиссером словацкой драматической труппы театра, он, будучи большим поклонником русской театральной школы и системы Станиславского, начинает предлагать словацкому зрителю все больше русской и советской драматургии, в том числе постановки по произведениям А. Островского, А. Чехова, Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Сухово-Кобылина, М. Горького, А. Афиногенова, В. Катаева, В. Шкваркина. Однако имя Достоевского за весь межвоенный период появляется в репертуаре театра лишь однажды — в 1934 г., когда состоялась премьера уже упоминавшегося спектакля «Подросток». Его автор — выдающийся чешский режиссер Виктор Шулц, который после посещения в 1933 г. СССР решает обратиться к произведениям русских авторов — А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М. Горького — с тем, чтобы привлечь интерес самой широкой публики к «настоящим, здоровым, народным драмам»¹⁰ с пацифистским звучанием.

В годы Второй мировой войны в Словакии на фоне невероятного всплеска интереса к русской литературе и небывалого

⁸ Об истории основания Словацкого национального театра и первых годах его существования см. нашу статью: *Пескова А.Ю.* К вопросу о возникновении первого профессионального театра в Словакии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 3-4. С. 67-84. DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4.5.

⁹ *Mľian R.* So slovenským divadlom: životné dielo Janka Borodáča a Ol'gy Borodáčovej-Országhovej. Bratislava, 1957. S. 287.

¹⁰ *Jdv: [Dvořák J.]* Bratislavská dramaturgia. Rozhovor so šéfredizérom českého súboru SND Viktorom Šulcom // Robotnícke noviny, 30 (1.5.1933), č. 99. S. 4.

количества переводов книг русских авторов (всего с 1939 по 1945 гг. было издано 69 художественных переводов с русского языка) именно Достоевский становится самым переводимым и самым читаемым автором. Тогда на словацком выходят следующие его книги: «Село Степанчиково и его обитатели» (*Obec Stepančíkovo a jej obyvatelia*, 1941, пер. Р. Клачко), «Записки из Мертвого дома» (*Zápisky z mŕtveho domu*, 1943, пер. П. Тврды), «Братья Карамазовы» (*Bratia Karamazovovci*, 1942, пер. З. Есенска), «Преступление и наказание» (*Zločin a trest*, 1944, пер. З. Есенска), «Идиот» (*Idiot*, 1945, пер. М. Разусова-Мартакова). В этом выражался и протест русофильской части словацкого общества против провозглашаемой официальной политики Словацкого государства, и, безусловно, желание найти в творчестве Достоевского «ключи к постижению всечеловеческой трагедии современности»¹¹. Однако в строго контролируемом репертуаре словацких театров появление постановок по произведениям русских авторов в период с июня 1941 г. по май 1945 г. было, конечно, совершенно недопустимым, поэтому и о спектаклях по Достоевскому здесь не могло быть и речи.

В послевоенные годы для русского литературного материала в Словакии открываются все двери. Имена русских и советских авторов с прежней регулярностью появляются в афишах словацких театров: к примеру, в сезоне 1945/46 гг. из 14 премьер в СНТ четыре постановки были по русским пьесам (В. Шкваркин, К. Симонов, А. Пушкин, М. Горький). Что же касается Достоевского, то особая страница в истории словацких постановок по его произведениям связана с именем режиссера СНТ Павола Гаспры (1929–2004). Придя в этот театр в 1962 г., он проработал там более сорока лет и за это время инсценировал все самые значительные произведения

¹¹ Сугай Л. А., Билловески В. Достоевский в Словакии: роман «Преступление и наказание» в словацких переводах // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 136–150. DOI: 10.37816/2073-9567-2021-61-136-150.

русского классика. Первой его постановкой по Достоевскому стал «Идиот» (*Idiot*, 1965), во многом схожий со знаменитым спектаклем Большого драматического театра в Ленинграде (1957), недаром Г. Товстоногов был официально указан в афише и программке как один из авторов инсценировки. Особо стоит упомянуть выдающуюся работу художника-постановщика этого спектакля В. Суханека, которая была отмечена серебряной медалью Пражской Квадриеннале 1967 г. Затем последовали спектакли Гаспры «Преступление и наказание» (*Zločin a trest*, 1971), «Братья Карамазовы» (*Bratia Karamazovci*, 1981), «Бесы» (*Besy*, 1989). Гаспра был также автором телевизионного фильма «Катарина» (*Katarína*, 1971) по рассказу Достоевского «Хозяйка».

Во всех своих театральных и телевизионных работах словацкий режиссер стремился как можно глубже погрузиться в изучение биологической и психологической природы человека, и произведения русского классика как нельзя лучше способствовали реализации этой задачи. Характерно, что довольно часто Гаспра использовал для своих спектаклей, в том числе по Достоевскому, малую сцену СНТ. На вопрос, почему масштабным театральным полотнам он предпочитает более интимное, камерное пространство, режиссер в одном из интервью отвечал так: «Я люблю доверительный разговор, и мне бы ужасно хотелось спуститься на самое дно человеческой души, пусть даже такой ценой, за которую потом было бы очень-очень стыдно. Я знаю, что Брехт велик, но я люблю Достоевского»¹². По признанию супруги Гаспры актрисы Сони Валентовой, «он обожал Достоевского», и когда речь зашла о подготовке празднования 75-летия режиссера, Гаспра вновь взялся за прозу «своего любимого Достоевского» и стал готовить постановку «Села Степанчикова», которую, к сожалению, так и не успел осуществить¹³.

¹² *egf*/ Rozhovor s P. Hasprom // Bulletin SND k premiére E. Albee: Všetko v záhrade, 7. 2. 1970.

¹³ С.м.: *Valentová S. Spomienka* // Slovenské divadlo. Roč. 54. 2006. Č. 1. S. 54–57.

Каждая из вышеназванных постановок Гаспры обозначала некий рубеж в творчестве режиссера, а последний из его театральных спектаклей по Достоевскому — «Бесы» — готовился непосредственно перед началом «бархатной» революции 1989 г., и фактически сразу после премьеры «Бесов» Словацкий национальный театр закрылся в связи с обострившейся политической обстановкой, и тот спектакль так никогда больше и не вернулся на его сцену.

Примечательно, что одновременно в другом словацком театре в городе Спишска Нова Вес также шла работа над «Бесами». Автором постановки был советский режиссер Вячеслав Спесивцев, приглашенный незадолго до этого в Спишский театр и в апреле 1989 г. выпустивший здесь спектакль «Плаха» (*Popravisko*) по произведению Ч. Айтматова. В декабре того же года театр успел сыграть премьеру «Бесов», но, к сожалению, уже нескрываемые анти-советские настроения, царившие тогда в чехословацком обществе, повлияли на восприятие обоих сценических произведений Спесивцева, что наложило отпечаток на отклик, который получила здесь работа советского режиссера, несмотря на его громкую мировую известность. (Кстати, именно Спесивцеву Габриэль Гарсиа Маркес предоставил эксклюзивные права на инсценировку своих произведений после того, как в 1987 г. увидел в Москве репетицию его спектакля «Осень Патриарха»). Итак, последними постановками двух словацких театров накануне революции 1989 г. символично стали «Бесы» Достоевского.

К слову, подобный пример мы находим и в нашей стране. В «эпоху великих перемен» в 1991 г. на сцене Малого драматического театра в Ленинграде вышел грандиозный трехчастный спектакль Льва Додина «Бесы», о котором режиссер в интервью, записанном 19 августа 1991 г. в дни августовского путча, говорил так: «Сегодня, когда в России происходит то, что происходит, нет нужды особенно комментировать актуальность пророческого романа Достоевского. Бесы и сегодня борются за власть, бесы объявляют войны, бесы

начинают век обещаниями великих свершений и кончают великим крахом. Но не могут остановиться и снова, и снова рисуют величайшие иллюзии. [...] Человек уничтожает других, не замечая, как уничтожает себя. Бог дергает сверху, дьявол снизу, а человек дергается на верёвочке, воздевая руки в отчаянии и суча ногами в надежде. Наш театр три года болен Достоевским, этим вечным задавальщиком вопросов, на которые нет ответа. И если нам даже ничего никому не удастся сказать, мы не в обиде. Три года мы отравлялись и утешались самопознанием»¹⁴.

Уже позже, в 2000-е, на словацкой сцене появляются все самые инсценируемые произведения русского классика. Наиболее популярным из них стал роман «Преступление и наказание», который за последнее десятилетие пять раз появлялся в афишах различных профессиональных театров Словакии. В 2000 г. братиславский театр «Асторка Корзо '90» представил спектакль «Убийство топором в Санкт-Петербурге» (*Vražda sekerou v Svätom Petrohrade*, автор инсценировки — Ян Новак, режиссер — Роман Полак). В 2010 г. Театр Александра Духновича в Прешове поставил спектакль «Катерина Ивановна» (*Katarína Ivanovna*, инсц. — Даниил Гинк, реж. — Светозар Спрушанский), который представлял собой монолог Катерины Ивановны Мармеладовой, адресованный зрителям, т. е. приглашенным гостям, участникам поминал по умершему Семену Захаровичу Мармеладову. Далее был спектакль «Преступление и наказание» в Кошицком театре (*Zločin a trest*, 2012, инсц. — Даниэл Майлинг, реж. — Эдуард Кудлач), на следующий год перенесенный также на сцену Городского театра Жилины. В этой постановке авторы продемонстрировали современный взгляд на роман, перенесли действие в сегодняшний день. И наконец, в 2016 г. Академия искусств в Банской Быстрице представила

¹⁴ Федор Достоевский. Бесы [Электронный ресурс]// Академический Малый драматический театр. URL: <https://mdt-dodin.ru/plays/besi/> (дата обращения: 03.08.2022).

монодраму по мотивам романа Достоевского под названием «Преступление?» (*Zločin?*, инсц. — Мартин Юричек, Петра Ковалчикова, реж. — Петра Ковалчикова).

Все эти спектакли демонстрируют сокращенные и, скажем даже, «упрощенные» версии романа, в которых нет привычной разветвленности текста Достоевского, исчезают многие или почти все персонажи. К слову, именно так и советовал делать сам Достоевский, когда в 1871 г. отвечал на просьбу переделать «Преступление и наказание» в драму для представления на Императорских театрах: «Есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической. [...] Другое дело, если Вы как можно более переделаете и измените роман, сохранив от него лишь один какой-нибудь эпизод, для переработки в драму, или взяв первоначальную мысль, совершенно измените сюжет...»¹⁵ Получается, что современные авторы инсценировок следуют этому завету писателя.

Во многом схожая ситуация наблюдалась и в постановках по мотивам романа «Идиот», которых в Словакии за последние двадцать с лишним лет также было немало — четырежды спектакли с таким названием появлялись на сценах театров: в 2005 г. в Театре Александра Духновича в Прешове (реж. — Ян Виллем ван ден Бош), в 2011 г. в Городском театре Жилины (инсц. — Михаела Закутянская, реж. — Э. Кудлач, который спустя год там же поставил «Преступление и наказание»), в 2013 г. — в братиславском театре «Асторка Корзо '90» (инсц. и реж. — Мирослав Кробот) и в 2018 г. в Театре Йокаи в Комарно (инсц. и реж. — М. Губа).

Рассматривая словацкие постановки «Идиота», отметим, что, к примеру, в инсценировке М. Закутянской для Жилинского театра философские и религиозные темы почти вовсе выпадали,

¹⁵ Письмо Ф.М. Достоевского В.Д. Оболенской. 20 января 1872 г. // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 291. Л., 1986. С. 225.

а на первый план выходила тема нового взгляда на материальные ценности и на человеческие отношения. Автор сценической версии не стала фокусироваться на отдельных частях книги или персонажах (как советовал сам Достоевский), а решила пересказать на сцене полностью весь сюжет произведения в ущерб подробностям и глубине прорисовки героев. Кроме того, акцент, помимо фигуры Мышкина, был также сделан на судьбах женских персонажей. В результате на сцене получилась несколько упрощенная, схематичная адаптация романа, которая будто бы создавалась с целью не слишком «загружать» современного зрителя тяжелыми философскими и нравственными размышлениями, сложными характерами персонажей, что встретило вполне объяснимую и довольно жесткую критику¹⁶.

В другом спектакле «Идиот», поставленном в театре «Асторка Корзо '90», чешский режиссер и автор сценической адаптации М. Кробот сделал акцент на абсурде и гротеске. Сам он признавался в интервью: «Экзистенциальные глубины у Достоевского меня всегда несколько отталкивали. Но потом, читая дневники писателя, я понял, что это человек с большим чувством юмора и самоиронии. И я хотел, чтобы в этой постановке присутствовал юмор, но при этом она бы не утратила серьезности. И это была сложная задача, ведь нужно было, чтобы все это не превратилось в комедию положений. Или наоборот — в психологическую драму. Мы стараемся всё несколько облегчать. Надеюсь, актеры удержат действие на той грани, когда ситуация сначала кажется вам очень веселой, а потом внезапно улыбка застывает на вашем лице»¹⁷. Авторы осовременили текст, переместив

¹⁶ См., например: *Uličianska Z.* Byť dobrým je ako byť chorým // SME Kultúra. 29.03.2011. URL: <https://kultura.sme.sk/c/5827276/byt-dobrym-je-ako-byt-chorym.html> (дата обращения: 03.08.2022); *Dlouhý O.* Dostojevskij neznesie hrubé skice // Pravda Kultúra. 18.03.2011. URL: <https://kultura.pravda.sk/divadlo/clanok/27725-recenzia-dostojevskij-neznesie-hrube-skice/> (дата обращения: 03.08.2022).

¹⁷ Krobotov Idiot v Astorke [Электронный ресурс] // Týždeň. 28.01.2013. URL: <https://www.tyzden.sk/casopis/12797/krobotov-idiot-v-astorke/> (дата обращения: 03.08.2022).

действие в бар-ресторан некой частной гостиницы, где собираются все герои романа. Их диалоги, которые нарочно были сильно сокращены, буквально пронизаны иронией, абсурдом и гротеском. На вопрос, возможно ли еще сегодня читать Достоевского, М. Крботов отвечал: «Вряд ли. Это ужасно длинно, там много повторов, часто какие-то вещи излишне проговариваются полностью, до самого конца, а иногда встречаются выражения, которые молодому человеку нужно прочесть дважды, чтобы их понять. С другой стороны, если этот роман все-таки дочитать, то он надолго засядет у тебя в голове»¹⁸.

В XXI в. уже дважды на сценах Словакии появлялись и «Братья Карамазовы»: в 2007 г. в театре Йокаи в Комарно (реж. — М. Губа) и в 2013 г. в братиславском СНТ. Последняя постановка заслужила большое признание публики, была отмечена театральными наградами. Очень долгий по словацким меркам спектакль, длившийся около четырех часов, был срежиссирован Р. Полаком (до этого ставившим уже «Убийство топором в Санкт-Петербурге») по инсценировке Р. Полака и Д. Майлинга. Сами авторы называли свою работу «объемной фреской жизненных историй с увлекательным психологическим фоном и криминальным закручиванием сюжета, которая является философской историей о поисках Бога и самих себя среди абсолютного хаоса и неиссякаемого стремления жить»¹⁹. Здесь, в отличие от многих других постановок, был сделан акцент на философской стороне, на глубоком психологизме, различии религиозных и нравственных взглядов героев. Возможно, в том числе благодаря этому, спектакль пользовался заслуженным успехом публики и много лет держался в репертуаре театра.

Шли на словацких сценах и реже инсценируемые произведения Достоевского. В 2006 г. в СНТ состоялась премьера спектакля

¹⁸ Krobotov Idiot v Astorke.

¹⁹ Bratia Karamazovci [Электронный ресурс] // Slovenské národné divadlo. URL: <https://snd.sk/inscenacia/3561/bratia-karamazovci> (дата обращения: 03.08.2022).

«Чужая жена и муж под кроватью» (*Cudzia žena a muž pod posteľou*, инсц. — В. Стрниско, П. Павлац, реж. — В. Стрниско), в основе которого лежал не только одноименный рассказ Достоевского, но и другие произведения: «Сон смешного человека», «Бобок», а также «Крейцера соната» Толстого. И это был тот почти исключительный случай, когда по мотивам прозы русского классика был поставлен спектакль в комедийном жанре. В 2018 г. там же состоялась премьера спектакля «Кроткая, или театральная исповедь без драмы» (*Krotká alebo Divadelná spoveď bez drámy*, инсц., реж. — Э. Кудлач).

Наконец, особо необходимо остановиться на самом популярном из инсценируемых в Словакии произведении Достоевского в XXI в. — романе «Бесы», который только за период с 2014 по 2021 гг. выдержал здесь уже пять постановок. Первым в этом ряду стал спектакль «Бесы» (*Besy*, инсц. — Д. Майлинг, реж. — Э. Кудлач, 2014), игравшийся на сцене Городского театра Жилины. Для режиссера Кудлача это была уже четвертая инсценировка по прозе Достоевского, три из которых он сделал совместно с драматургом Майлингом. Согласно авторскому замыслу, постановка была разделена на два спектакля с одинаковой сюжетной канвой. В первом главный акцент делался на том, как внешние политические обстоятельства могут повлиять на частную жизнь обычных людей, как эпоха определяет человеческие характеры и каким образом разложение общества может постепенно проникать даже в самые здоровые отношения. Во второй части, напротив, предполагалось показать, как семейные отношения, жизнь семьи, характеры могут стать импульсом для свершения грандиозных исторических, политических событий, вплоть до революции. Однако на сцене театра появилась лишь первая из запланированных частей под названием «Бесы (Открытие темы)» (*Besy (Theme Opening)*), и этот интересный замысел так и не был реализован до конца.

Вторая постановка — «Одержимые» (*Posadnutí*, 2016) в Театре Александра Духновича в Прешове режиссера Бранё Мазуха. Название спектакля совпадает с названием самой знаменитой инсценировки «Бесов», точнее, пьесы, написанной по мотивам этого романа Альбером Камю в 1959 г., и, кроме того, отсылает нас к первому переводу романа на словацкий язык, осуществленный Верой Гегеровой в 1967 г., который вышел под заголовком *Diablom posadnutí* (дословно — «Одержимые дьяволом»). В программке к прешовскому спектаклю особый акцент был сделан на актуальности этого произведения Достоевского: «Зрители станут свидетелями [...] захватывающего сценического анализа все еще живых механизмов насильственной борьбы за смену режима, которые рождаются из фрустрации целого поколения. Словакия, как и Европа в целом, находится сейчас в сложной ситуации. Всевозможные кризисы, политическая нестабильность, социальное неравенство, неуверенность, страх играют на руку тем, кто насаждает простые, но подчас деструктивные решения. Достоевский в своем романе [...] пророчески предсказал ужасы русских революций. Остается надеяться, что предсказания Достоевского уже не сбудутся ни в сегодняшнем дне, ни в ближайшем будущем»²⁰.

В 2019 г. к этому же роману обратились в театре «Дивадло ЛАБ» (*Divadlo LAB*), являющемся сценической площадкой театрального факультета Высшей школы исполнительских искусств в Братиславе, где был поставлен спектакль «Бешенство» (*Besnota*, инсц. и реж. — Д. Гомбар). Описывая свой замысел, авторы цитировали статью из медицинской энциклопедии: «Бешенство — это вирусное инфекционное заболевание [...]. Отличается длительным инкубационным периодом и 100-процентной смертностью. У человека рано или поздно возникает

²⁰ Posadnutí (Fiodor Michajlovič Dostojevskij) [Электронный ресурс] // Divadlo Alexandra Duchnoviča. URL: <http://www.divadload.sk/event/127368/posadnutí> (дата обращения: 03.08.2022).

эмоциональное возбуждение и беспокойство, дезориентация и смятение, отказ от пищи. Тревожность и нервозность усиливаются, больной становится агрессивным, буйствует и у него полностью исчезает страх. Большинство заболевших умирает от остановки сердца после приступа бешенства, чаще всего в конвульсиях»²¹.

Наконец, 200-летний юбилей русского писателя в 2021 г. был отмечен Государственным театром в Кошицах также постановкой «Бесов» (*Besú*, инсц. и реж. — Антон Коренчи). На главную роль Николая Ставрогина был приглашен актер Марек Гейшберг, который в 2012 г. уже сыграл здесь роль Раскольникова. В радиointервью, данном накануне премьеры, режиссер говорил, что считает этот роман самым близким произведением к тому, что мы переживаем сегодня. Кроме того, вторая часть романа, где основное действие развивается в течение трех дней, по мнению А. Коренчи, чрезвычайно сценична, легко переносится на сцену, т.к. все ситуации не столь эпичны, сколь драматичны. Для авторов главная привлекательность текста, по его словам, заключалась в его универсальности и антропологическом значении. Интересно, что чаще всего в инсценировках «Бесов» на роль рассказчика выбираются фигуры Ставрогина или же, вслед за самим Достоевским, Антона Лаврентьевича Г-ва (в пьесе Камю ему была дана фамилия Григорьев), однако словацкий режиссер сделал рассказчицей девочку Матрешу из последней романной главы «У Тихона». Причем эту роль в спектакле исполняет молодая артистка балетной труппы Кошицкого театра Влада Шевченко, которая произносит свой текст по-словацки с заметным акцентом. Это, по мнению критиков, придает особую, милую «русскую окраску» данной постановке.

²¹ Pripravujeme: Besnota (F. M. Dostojevskij) — premiéra 1. a 2. 4. 2019 [Электронный ресурс]// Divadlo Lab. URL: <https://divadlolab.sk/2019/03/26/pripravujeme-besnota-f-m-dostojevskij-premiera-1-a-2-4-2019/#more-4507> (дата обращения: 03.08.2022).

В связи с такой популярностью в последние годы этого самого политизированного и самого пророческого романа Достоевского неминуемо задаешься вопросом, чем же так сильно притягивает это произведение современных словацких театральных деятелей и что именно кажется им в нем таким актуальным? Многое уже было объяснено в приведенных выше цитатах из интервью авторов спектаклей, которые, как нам кажется, можно обобщить следующим образом: в этом романе Достоевский ведет актуальный во все времена, но особенно в периоды общественных потрясений и переломов, рассказ о кризисе цивилизации, кризисе гуманизма и веры, описывает самые разнообразные пороки человеческой личности и ставит перед читателем извечные вопросы о границах и пределах дозволенного. Как показывает история, за те сто пятьдесят лет, что прошли с момента написания романа, человечество так и не смогло разрешить для себя эти вопросы. И нет сомнений, что именно сейчас они с особой силой терзают без преувеличения весь мир и заставляют вновь и вновь обращаться к этому роману и к другим философским текстам великого русского писателя, ищущего ответы на эти вопросы вместе с нами.

Своеобразие творчества Ф.М. Достоевского в трактовке словацкого писателя Яна Йоганидеса

Для словацкой культуры роль Ф.М. Достоевского была важна и существенна с самого начала знакомства с его творчеством в 60-е гг. XIX в, когда «русофильство, ориентация на Россию оставались важнейшей составляющей политической и культурной жизни Словакии»¹. Переводы произведений писателя появлялись с тех пор постоянно, хотя и с большей или меньшей регулярностью, в зависимости от исторических условий. Их публикация не прекращалась даже в такие неблагоприятные времена для русско-словацких культурных связей, как годы Второй мировой войны. «Отклик на его произведения был тогда в Словакии небывалым. Об этом свидетельствуют не только многочисленные книжные и журнальные переводы, но и тот факт, что именно Достоевский-мыслитель и Достоевский-художник привлекал в этот период большое внимание словацких интеллектуалов — теологов, философов, литературоведов»².

Идеи, образы, атмосфера произведений Достоевского оказывали прямое или опосредованное влияние и на творчество словацких писателей разных поколений. В их ряду заметное место занимает прозаик и эссеист Ян Йоганидес (1934–2008).

Я. Йоганидес вошел в словацкую литературу как создатель произведений психологической прозы, отличающихся углубленным анализом противоречивых, часто негативных, темных сторон человеческого сознания. Герои Йоганидеса — люди с драматическими судьбами, отягощенные комплексами и душевными травмами.

¹ *Машкова А.Г.* Словацко-русские межлитературные связи: страницы истории. М., 2013. С. 27.

² *Tesárová J.* Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry (1939–1970) // *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996.* Bratislava, 1998. S. 72–73.

Интерес к «маленькому человеку» и его проблемам, некоторые черты поэтики Йоганидеса делают возможным сопоставление книг писателя с творчеством Достоевского, во многом созвучным его идейным принципам и художественным поискам.

Я. Йоганидес принадлежал к кругу словацких писателей-«шестидесятников», известному как «Поколение 56». Сам он при этом отрицал принадлежность к какой бы то ни было группе или течению, настаивая на своей самобытности. «Нас вынудили быть поколением. Никакого сплоченного литературного поколения не было. Нас объединяла только ненависть к тоталитаризму. Но мы совсем не были похожи друг на друга. Каждый был иным»³, — утверждал он в интервью 1993 г. Однако в истории он все равно рассматривается в ряду своих сверстников, которые в конце 1950-х — в 1960-е гг. во многом изменили облик словацкой литературы. Среди прозаиков это были Я. Блажкова, А. Гикиш, В. Шикуча, Р. Слобода, П. Виликовский, Д. Митана и др.

Заметным стал книжный дебют Йоганидеса — сборник рассказов «Личное» (*Súkromie*, 1963). Непривычными для литературы тех лет, стремившейся соответствовать канонам социалистического реализма, были темы частной — в противовес общественной — жизни обычного, иной раз подчеркнуто незначительного человека, пессимистический тон повествования, подробное углубленно-психологическое описание душевного состояния героев, их комплексов, одиночества, крушения надежд, мечты о «маленьком районном счастье». В двух последующих книгах 1960-х гг. — романских композициях «Сущность каменоломни» (*Podstata kameňolomu*, 1965) и «Нет» (*Nie*, 1966) — Йоганидес, сохраняя свои художественные принципы, близость творчеству экзистенциалистов, Ж.-П. Сартра и А. Камю, отдает дань поэтике абсурда и французского «нового романа» (А. Роб-Грийе, Н. Саррот, М. Бютор).

³ *Johanides J. Identita v kríze*. Senica, 1996. S. 15.

Неоднозначная реакция критики на эти произведения и определенный внутренний кризис в творчестве писателя, искавшего новые пути выражения своей индивидуальности, привели к довольно длительной паузе в публикации его книг. Разумеется, существенную роль сыграла в этом и политическая ситуация с конца 1960-х гг., усиление идеологического запрета в период «нормализации», когда многие литераторы, в том числе и Йоганидес, писали «в стол». Действительность шестидесятых, абсурдность которой он ощущал и отражал в первых своих книгах, в произведениях 1970-х гг. уступила место новой реальности семидесятых с кризисными явлениями в экологии не только природной, но и гуманитарной сферы, в культуре и нравственности. Над этой проблематикой писатель задумывается в новеллах «Непризнанные вороны» (*Nepríznané vrany*, 1978), «Баллада о сберегательной книжке» (*Balada o vkladnej knižke*, 1979).

В 1980-е гг. Йоганидес углубляется вместе со своими героями в более или менее отдаленное прошлое, соотнося исторический опыт с реалиями современного общества. Меняется и жанр его произведений: в этот период он отдает предпочтение роману. События начала XVI в. в романе «Конюх Марек и венгерский папа римский» (*Marek koniar a uhorský pápež*, 1983) служат в большей степени фоном и поводом для раскрытия характеров персонажей, исследования внутренних побуждений, психологических и подсознательных мотивов их поступков; действие часто заменяется диалогами, исповедями, снами, подробными описаниями лиц. «Слоны в Маутхаузене» (*Slony v Mauthauzene*, 1985) — роман о травмах бывших заключенных концлагеря, их обостренном, вневременном восприятии жестокости, духовного одичания человека. Погружение в темное прошлое, препарирование загадок трехсотлетней давности, связанных с родовой враждой и кровной местью стали основой сюжета романа «Самая печальная оравская баллада» (*Najsmutnejšia oravská balada*, 1988). В романах

Йоганидеса большое место занимает фиксация потока сознания героев, проследивание цепи подсознательных ассоциаций и поступков. Во многих его персонажах можно отметить схожие черты с героями близкого ему по духу Ф.М. Достоевского, о которых еще в 1943 г. писал в своем эссе А. Матушка: «Подсознательное, таинственная жизнь души, мир чувств и ощущений, сумеречные и полубомбочные состояния — в этом самые сильные его стороны»⁴.

Излюбленный жанр Йоганидеса — психологическая новелла — преобладает в его творчестве 1990-х гг.; тогда вышли в свет его сборники «Перевести через мост» (*Previesť cez most*, 1991), «Сухой мороз» (*Holomráz*, 1991), «Крик дроздов перед сном» (*Krik drozdov pred spaním*, 1992), «Кот и зимний человек» (*Kocúr a zimný človek*, 1994). Герои этих произведений — люди ранимые и несчастные, с большим и печальным жизненным опытом, пережившие личные трагедии, испытавшие предательство близких, страх перед враждебной действительностью. Повествование часто ведется от первого лица и имеет характер исповеди перед неким анонимным слушателем. Жизнь героев протекает в депрессивной, унылой среде. Это серые улицы, ряды бетонных коробок, кладбище по соседству; описание среды их обитания по духу напоминает «чердаки» и «дворы-колодцы» произведений Достоевского. Йоганидес часто помещает своего героя в подчеркнутую скудную обстановку; лишь какая-то подробно, в стилистике «нового романа» словно через объектив кинокамеры рассматриваемая деталь — фотография, ваза или иной предмет — говорит и о прошлом, и о душевном состоянии персонажа. «Йоганидес видит и описывает конфликты и коллизии своих героев чрезвычайно скрупулезно, как бы “под увеличительным стеклом”, с обостренным зрением и восприятием, — замечает словацкая исследовательница З. Прушкова. — Его сюжеты скорее статичны,

⁴ *Matuška A. Profily a portréty*. Bratislava, 1972. S. 46.

они помещены в интерьеры и исходят из сферы индивидуального, интимного, частного»⁵.

Столь же внимательно рассматривает Йоганидес и внешность персонажей. Особое внимание он уделяет глазам, словно проникая через зрачки вглубь, на дно души героя. Такого рода психологические зонды, часто встречающиеся в произведениях Йоганидеса, вполне соотносимы со схожими приемами характеристики героев Достоевского. Так, у Йоганидеса в новелле «Баллада о сберегательной книжке» первое появление героинь сопровождается описанием взглядов, которыми они обмениваются: «Это был взгляд долгий и тяжелый, неприятный в любом обществе, на секунду даже бестактный, чрезмерно суровый взгляд, взгляд повелевающий»; «Ее глаза разом потухли. Словно их неожиданно заменили стеклянными протезами, на которых остался тонкий слой пыли»⁶.

Можно вспомнить, что в романе Достоевского «Униженные и оскорбленные» важную роль в характеристиках героев, в частности, старика Смита и князя Валковского, также играет передача выражения их глаз: «Большие, но тусклые глаза его, вставленные в какие-то синие крути, всегда глядели прямо перед собою, никогда в сторону и никогда ничего не видя. Старик, как только усаживался на своем стуле, тотчас же упирался куда-нибудь своим взглядом»; «Особенно останавливали ваше внимание его прекрасные с виду глаза, серые, открытые. Они одни как будто не могли вполне подчиняться его воле. Он бы и хотел смотреть мягко и ласково, но лучи его взглядов как будто раздваивались и между мягкими, ласковыми лучами мелькали жесткие, недоверчивые, пытливые, злые»⁷. В приведенных примерах и у Достоевского, и у Йоганидеса прослеживается

⁵ *Prušková Z.* Skica k Johanidesovi (ohľadnutie v čase: 1995-2015) // Slovenská literatúra. 2015. Č. 4. S. 335.

⁶ *Johanides J.* Balada o vkladnej knižke. Bratislava, 1979. S. 10-11.

⁷ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Л., 1989. Т. 4. С. 6, 97.

использование сравнений «механического», искусственного, не свойственного человеческим глазам характера, усиливающих впечатление пустоты, омертвления чувств, двулчия персонажей.

Я. Йоганидес, последователь экзистенциалистов, был в то же время — что в данном случае закономерно — и поклонником творчества Достоевского, мотивы и образы которого нередко встречаются на страницах его книг. Одной из своих новелл 1990-х гг. он дал название «Наказующее преступление» (*Trestajúci zločin*, 1995) с явной игрой слов — аллюзией на роман Достоевского «Преступление и наказание» (слов. *Zločin a trest*). Герой-повествователь, пожилой архивариус Остарок (еще одна общая черта с Достоевским — «говорящие» фамилии у Йоганидеса) — скромный, незаметный человек, сродни «маленькому человеку» Достоевского. «Всю свою жизнь, — сетует он, — я униженно спрашивал: Вы позволите? [...] Как будто вы пытаетесь пройти по переполненному коридору поезда, а люди, движущиеся вам навстречу, то и дело толкают вас назад»⁸. Репрессированный в начале 1950-х, Остарок выходит из тюрьмы спустя много лет с искалеченным телом и израненной душой, но остается в сетях системы. Получив от властей в качестве компенсации должность хранителя архива госбезопасности, Остарок становится немым свидетелем многих зловещих событий, чувствуя себя при этом «вечным арестантом».

С реминисценции на творчество Достоевского начинается еще одна новелла Йоганидеса с выраженной антитоталитарной тематикой — «Командир единой точки зрения» (*Veliteľ jednotného uhla pohľadu*, 1997). Повествованию предшествует эпиграф из романа «Идиот» — в словацком переводе звучат слова из начальной сцены в вагоне поезда, из диалога Рогожина и Лебедева: «если ты хоть раз про Настасью Филипповну какое слово молвишь, то, вот тебе Бог, тебя высеку, даром что ты с Лихачевым ездил, — вскрикнул

⁸ *Johanides J. Trestajúci zločin. Bratislava, 1995. S. 5.*

Рогожин, крепко схватив его за руку. — *А коли высечешь, значит, и не отвергнешь! Секи! Высек, и тем самым запечатаешь*⁹ (выделено мною — Л.Ш.). В словацком приблизительном переводе смысл выделенных слов Лебедева, правда, немного меняется: *«Если поколотить, так хотя бы меня запомнишь»*. Герой новеллы, известный ныне писатель, вынужден вновь и вновь возвращаться в свое прошлое, в «полицейскую пору Чехословацкой социалистической республики»¹⁰, когда по его невольной вине подверглась преследованию и трагически пострадала семья его друзей в ГДР, а сам он стал после пережитого «человеком с мертвой душой». Неожиданное обвинение в убийстве возлюбленной, покончившей с собой, и несчастях ее близких выдвигает против него бывший сотрудник госбезопасности («бывшая тень»), который мстит таким образом и за свое собственное прошлое. В этой новелле Йоганидес остро ставит тему репрессий и политических преследований, жертвами которых становятся обычные люди; проблема исторической памяти обретает здесь ясно выраженное гуманистическое наполнение.

Наряду с художественной прозой заметной стала и эссеистика писателя¹¹; немногочисленные, но всегда глубокие и значимые, часто публицистически заостренные работы в этом жанре, развернутые интервью с яркими оценочными высказываниями появлялись в словацкой периодике, а затем вышли в книжном издании под программным названием «Идентичность в кризисе» (*Identita v kríze*, 1996). В эту книгу вошло и эссе «Россия и боль, от Голядкина к Голядкиным» (*Rusko a bolesť od Gol'adkina ku Gol'adkinom*), опубликованное ранее в качестве послесловия к словацкому переводу повести (петербургской поэмы) Ф.М. Достоевского «Двойник», вышедшему в 1994 г. Наряду с анализом самой повести,

⁹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. С. 15.

¹⁰ *Johanides J. Veliteľ jednotného uhla pohľadu*. Bratislava, 1995. S. 13.

¹¹ В Словакии с 2010 г. проводится ежегодный литературный конкурс для учащейся молодежи «Эссе Яна Йоганидеса», участники которого в своих работах развивают предлагаемые организаторами темы из эссе писателя.

в нем содержится и общая оценка творчества Достоевского как «литературы сострадания». А предваряет эти рассуждения эмоционально окрашенная характеристика российской истории и русского национального характера в личной, во многом субъективной трактовке Я. Йоганидеса.

Словацкий писатель выделяет ряд определяющих, на его взгляд, черт русского мира. Главная из них, по убеждению автора, заключается в резких контрастах и исключительной противоречивости характера русских, что делает их столь отличными от остальных народов. Им свойственны, как пишет Йоганидес, «головокружительные крайности: мягкая, искренняя кротость и грубая агрессивность, богоискательство и хвастливое глумление над духовными ценностями»¹². Обращаясь к истории, к временам сближения с Западом в пору царствования Петра I, он видит и здесь «большие парадоксы русских»: «С одной стороны — стальная, прямо-таки сталинская воля Петра I, стремившегося материализовать свою мечту: на стратегически выгодном месте построить крепость и будущую столицу, которая стала бы равной по красоте западным городам, с другой стороны — масса рабов, гибнувших в устье реки Невы» (с. 53). Йоганидес создает образ царя, который «насильно европеизировал Россию — но только без европейской этики» (с. 53).

Продолжая рассуждения об этике и культуре, он указывает на важный фактор, определивший, на его взгляд, облик русского общества, столь отличного от западного: «У России не было очагов просвещения — монастырей западного типа, которые могла породить только латинская культура» (с. 58). Историческими предпосылками «рокового отделения России от культурно-гуманистически-политических процессов в Европе» он называет и неблагоприятные геополитические факторы — «Азия, татары, привившие русским вкус к изощренному мучительству. Даже относительно

¹² *Johanides J. Identita v kríze*. S. 52. Далее страницы указываются в скобках.

просвещенный Иван III вел войны с поляками и Литвой, пытался противостоять сопротивлению немецких рыцарей, не желавших допустить русских к Балтийскому морю. Кроме того, он был ярым врагом всего, что несла с собой латынь» (с. 56). Йоганидес рисует почти апокалиптическую картину «кровавой русской истории», делая вывод относительно сформированного ею духовного содержания русской культуры: «Великое противоборство Бога и дьявола [...] могло возникнуть и за столетия усилиться лишь в [...] порождаемой противоречиями, усугубляемой изоляционизмом реальности этой необъятной страны, [...] где удел страдать, страдать по-русски является загадочным компонентом жизни» (с. 55).

Надо отметить, что Йоганидес, увлекаясь ходом своих мыслей, допускает и преувеличения, и неточности, в том числе и в цитировании. Так, по его утверждению, в этом противоборстве «полем битвы [...] является Россия, а Запад — лишь зритель, весь мир — всего лишь зритель; Россия — это фронт, но фронт в то же время — и каждое человеческое сердце, *как говорит Ф.М. Достоевский, рассуждая о красоте устами старца Зосимы*» (выделено мною — Л.Ш.) (с. 55). При этом, как известно, эти слова звучат совсем в другом контексте и из уст Дмитрия Карамазова: «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»¹³.

Переходя к характеристике русской литературы, Йоганидес указывает на ее исконную, на его взгляд, миссию — представить «эту анатомию боли, начертить эти карты страданий, которые с давних пор создавали здесь преследуемые и гонимые [...] властями картографы. Этими картами и является русская литература» (с. 55). Таким образом, он выделяет как главную — обличительную миссию русской литературы, а среди первых «обличителей» называет

¹³ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. С. 122.

А.С. Грибоедова, который «первым вскрыл гигантский нарыв [...] на теле России» и Н.В. Гоголя, в котором «отразились все парадоксы, все непримиримые противоречия “святой Руси”» (с. 60).

За близостью художественного видения действительности в произведениях Гоголя и Достоевского, их вниманием к человеку — обыкновенному, «маленькому», часто — забитому, Йоганидес замечает и существенное отличие в пользу второго (оставаясь при этом не вполне справедливым к первому): «У Гоголя мы найдем разное, но только не то главное, что делает Достоевского Достоевским — сострадание. Сострадание, которое пронизывает нервами и кровью, питает все творчество Достоевского с дебюта до “Братьев Карамазовых”. У Гоголя нет той системы ценностей, той иерархии, что у Достоевского. У Гоголя есть фантазия и насмешка, однако у него нет этики» (с. 61).

Вторая часть эссе под названием «Голядкин — кто это?» посвящена собственно анализу повести «Двойник» и психологической характеристике его героя. Этика Достоевского, по Йоганидесу, прослеживается с самых ранних его произведений, и это — «этика сострадания к несчастному маленькому человеку» (с. 62). Внутреннее созвучие, даже эмпатия в отношении творчества Достоевского позволяет Йоганидесу делать тонкие психологические наблюдения над героем петербургской поэмы, облекая свои размышления в образную, художественную форму. Так он передает причины событий и их стремительное нарастание, трансформацию душевной боли героя в болезнь: «Взрыв накопившегося в душе Голядкина отчаяния в час духов и ночной непогоды сотворил из клубка обид и невзгод в его подсознании его второе “я”. [...] Боль, сконденсированная в его душе, создала человека с качествами, которыми сам герой не обладает, о которых бессознательно мечтает, которыми он восхищается и которых ему не хватает — самоуверенность, легкость в общении, элегантность, ловкая услужливость» (с. 67).

Подчеркивая закономерность и даже типичность поведения Голядкина в начале повести, Йоганидес указывает на «множество иных людей, которые хотят жить не по средствам; мечты о вещах, чинах и недоступных женщинах разъедают их, как кислота, и ведут от комизма в сумасшедший дом» (с. 66). Но при этом каждый из этого множества людей ценен своим внутренним миром, своей душой, которая отражается в его глазах (столь важная характеристика персонажей самого Йоганидеса): «Призрачная, разрывающая сердце история Голядкина на фоне большой истории незначительна, словно миг смерти муравья под ногой прохожего. Но, с другой стороны, она важна так же, как уникальна и неповторима каждая пара человеческих глаз» (с. 67).

Йоганидес указывает на особый интерес к творчеству Достоевского на Западе, объясняя это, в том числе, достоверностью и глубиной передачи психологических состояний человека. Так, в рассматриваемой повести «Достоевский описал почти по-медицински точно и художественно убедительно историю развития шизофрении [...]. Автор как будто был камерой, помещенной в мозг несчастного героя, камерой, фиксирующей и прослеживающей прыжки его больной горячечной логики. [...] В автора Голядкина судорожно вцепились и Ницше, и Фрейд, они схватились за него как за некоего свидетеля, однако Достоевский выскальзывает у них из рук, как вода, которую невозможно удержать» (с. 68).

В заочном споре о пророческом даре Достоевского, о том, что он якобы вызвал своим творчеством бесов грядущей революции, Йоганидес утверждает: «Достоевский был не пророком, а сверхчувствительной антенной, улавливающей самые тихие колебания в людских душах, он предвидел, что не только в России, но и в целом мире может случиться вселенская катастрофа из-за бунта против Бога» (с. 69). В финале своих рассуждений Йоганидес возвращается к социально-этическим проблемам — уже не российской

истории, а современного общества, в которых отразились предвидения Достоевского. Корни бед общества конца XX в. он видит в экспансии атеизма, ведущего к потере нравственных основ: «Атеизм [...] породил терроризм, фанатизм. Повсеместный распад семьи, насаждение культа эротики, порнографии, отбрасывание старых основ — все это проистекает из той самой зловещей, как закливание, фразы: “Все дозволено”. Мы стали свидетелями всеобщего разложения морали и межчеловеческих отношений, свидетелями идентичности, которая оказалась в тотальном кризисе» (с. 70). И вновь он говорит о типичности и героя Достоевского, и самого характера обыкновенного «маленького» человека, волею обстоятельств, болезнями общества обреченного на утрату собственного лица, своей идентичности: «Голядкиных много, вы найдете их и в Сан-Франциско, и в братиславских кафе, и, разумеется, все в том же Санкт-Петербурге» (с. 70).

Неизменный и глубокий интерес Я. Йоганидеса к идеям и всему творчеству Ф.М. Достоевского, чье воздействие на его собственные произведения представляется весьма существенным, говорит о созвучии их мировосприятия, близости этических и эстетических принципов, общности гуманистических представлений о человеке.

ХОРВАТИЯ

Я. Войводич

Эволюция восприятия Достоевского в Хорватии¹

Достоевский в Хорватии

Интерес к творчеству и личности Ф.М. Достоевского в Хорватии возник вслед за первыми переводами его произведений и первыми критическими статьями о нем, появившимися уже после смерти писателя. Следует отметить, что переводческая деятельность в Хорватии конца XIX в. не была достаточно организованной и систематической. Аналогична картина и с произведениями Достоевского, которые достигали Хорватии благодаря немецкому языковому посредничеству. Подобно первым переводам произведений других русских писателей, они переводились на хорватский язык не с русского, а с немецкого языка, и это влияло на тогдашнее восприятие и понимание хорватами актуальности русской литературы. Среди первых публикаций произведений Достоевского в хорватских журналах выделяются переводы «Неточки Незвановой» (1884), «Униженных и оскорбленных» (1884), «Белых ночей» (1884) и «Бедных людей» (1887). Однако имя писателя фигурировало в нашей литературной периодике еще и до появления этих переводов. Оно встречается, например, в литературной газете «Виенац» (*Vienac*) за 1877 г. в статье Франа Целестина «Немного о развитии самопознания русского народа»² наряду с именами других писателей-

¹ Статья написана в рамках проекта «Русские литературные трансформации с 1990 по 2020 г.» Хорватского фонда науки (Transform IP-2020-02-2441).

² *Celestin F. Nešto o razvitku samospoznaje ruskoga naroda* // *Vienac*. God. IX. 1877. Br. 14. S. 223-226; God. IX. 1877. Br. 15. S. 238-239.

реалистов. Более подробный рассказ о писателе Целестин опубликовал в той же газете в 1883 г.³

В те времена интерес хорватов к Достоевскому не отличался устойчивостью, что позволяет говорить об эволюции восприятия данного писателя. Зачастую этот интерес проявлялся зигзагообразно, переживая то взлёты, то падения. Один из первых исследователей русской литературы в Хорватии Йосип Бадалич⁴ выделяет три волны интереса хорватских переводчиков, критиков, теоретиков и аналитиков к творчеству Достоевского. Первая волна наблюдается с середины 1880-х до середины 1890-х гг. Это время знакомства хорватов с Достоевским и нарастания интереса к нему как к новому писателю. Затем следует период «застоя», длившийся с 1894 до 1915 гг., когда в хорватской литературе развивались модернистские тенденции, сопровождавшиеся спадом интереса к русской литературной классике XIX в. Хорватские исследователи говорят об условном «запаздывании» Достоевского по сравнению с влиянием на хорватскую реалистическую литературу И.С. Тургенева. Первые переводы произведений Достоевского появляются позднее — во время модернистских художественных исканий хорватских писателей. Третий, и последний, период, согласно Й. Бадаличу, начался с 1920-х гг., то есть после Октябрьской революции. Для него характерен «культ Достоевского» в Хорватии и во всей Югославии, что проявилось, в частности, в праздновании в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев столетнего юбилея писателя в 1921 г. Как раз в этот период в страну прибывает первая волна русских эмигрантов, и среди местного населения в целом нарастает интереса к русской культуре и литературе.

³ *Celestin F. Feodor Mihajlović Dostojévskij* // Vienac. XV/1883. № 24. S. 392-395.

⁴ Йосип Бадалич (1888-1985) учился в Загребском и Берлинском университетах, основал кафедру русского языка и литературы в Загребском университете и был избран действительным членом Югославской академии наук и искусств. Его исследования касались в основном сравнительного изучения русско-хорватских литературных связей.

При рассмотрении книг, сборников, статей и эссе о Достоевском, изданных в Хорватии, начиная с 1920-х гг., можно установить следующую динамику. В 20-е — 30-е гг. XX в. (с учетом юбилейных выпусков журналов) творчество Достоевского изучается довольно интенсивно. Интерес к нему снижается в 1940–50-е гг. и снова возрастает в 1960–70-е гг., причем для последнего периода характерно появление полемических и критических статей о писателе и о его творчестве. С начала 1980-х и особенно в 1990-е гг. интерес к творчеству Достоевского становится «точечным». Он касается конкретных произведений писателя, их проблем, тем и отдельных героев. Общий же анализ творчества Достоевского, «идейный план» его произведений, биография и т. п. хорватских ученых более уже не привлекают.

Публикации

Самыми значительными среди имеющихся публикаций являются исследования, посвященные анализу творчества Достоевского. За ними следуют сборники, отдельные тематические рубрики в журналах и затем — отдельные журнальные и газетные аналитические и критические статьи.

Первая в Хорватии книга, целиком посвященная творчеству Достоевского, принадлежит перу Драгутина Прохаски, — «Федор Михайлович Достоевский. Исследование всеславянского человека»⁵. За ней последовала небольшая работа Густава Крклеца «Ф.М. Достоевский как человек»⁶. Уже упомянутый нами выше Й. Бадалич в 1932 г. опубликовал книгу «Ф.М. Достоевский в хорватской литературе. Три эссе»⁷, затронув в ней тему как русско-югославских, так и русско-хорватских литературных

⁵ *Prohaska D.* Fjodor Mihajlovič Dostojevski: studija o sveslavenskom čovjeku. Zagreb, 2021.

⁶ *Krklec G. F. M.* Dostojevski kao čovek. Novi Sad, 1927.

⁷ *Badalič J. F. M.* Dostojevski u hrvatskoj književnosti: tri eseja. Zagreb, 1932.

связей. Францисканский богослов Веко-Божо Ярак является автором исследования «Достоевский в свете человеколюбия Христа»⁸. Очень схожий подход в изучении Достоевского лег в основу уже не монографии, а тематического выпуска «Федор Михайлович Достоевский. Сборник текстов»⁹, подготовленного Фотием — епископом Сербской Православной Церкви в Далмации. Хорватский писатель Анте Арманини издал исследование «Достоевский и воля к власти (Опыт прочтения “Братьев Карамазовых”）」¹⁰. Схожей тематикой занимался в своей монографии «Великий инквизитор Ф. М. Достоевского. Защита Христа»¹¹ и Йосип Крибл.

Наряду с этим следует учитывать отдельные статьи в сборниках и журналах и, конечно же, разделы о Достоевском в книгах по истории литературы. Перечислим некоторые из них: Миливой Шрепел «Русские повествователи»¹²; Александар Флакер «Русские повествователи XIX века»¹³, «Русские классики XIX века»¹⁴ и «Русская литература»¹⁵; Йосип Ужаревич «Русская литература с XI до XXI века»¹⁶. Творчеству Достоевского посвятил большую часть своей книги «В поисках святости. Свет с Востока и имманентность трансцендентальности»¹⁷ Даниэль Мишчин. Кроме книг и сборников, следует отметить отдельные журнальные статьи: Цесареца (1924), Римарича-Волынского (1929), Михайлова (1964), Цецича (1964), Лончаревича (1962, 1969), Катунарича (1981) и других авторов.

⁸ *Jarak V.-B.* Dostojevski u ožračju Kristova čovjekoljublja. Zagreb, 1999.

⁹ *Fjodor Mihajlović Dostojevski / Prir.* Fotije, episkop dalmatinski. Beograd — Šibenik, 2009.

¹⁰ *Armanini A.* Dostojevski i volja za moć (Jedno viđenje „Braće Karamazovih”). Zagreb, 2003.

¹¹ *Kribl J.* Veliki inkvizitor F. M. Dostojevskog. Obrana Krista. Zagreb, 1981.

¹² *Šrepeš M.* Ruski pripovjedači. Zagreb, 1894.

¹³ *Flaker A.* Ruski pripovjedači 19. stoljeća. Zagreb, 1961.

¹⁴ *Flaker A.* Ruski klasici 19. stoljeća. Zagreb, 1965.

¹⁵ *Ruska književnost / Ur.* A. Flaker. Zagreb, 1986.

¹⁶ *Užarević J.* Ruska književnost od 11. do 21. stoljeća. Zagreb, 2020.

¹⁷ *Miščin D.* U potrazi za svetim: svjetlo s Istoka i imanencija transcendencije. Zagreb, 2011.

Из всего этого разнообразия мы попытаемся вычлениť интересовавшие хорватских исследователей аспекты и темы. Ими являлись, в первую очередь, биография Достоевского и социально-политический контекст, в который был погружен он сам или же погружались его читатели. Исследователей интересовали философские и религиозные темы, связанные с мировоззрением Достоевского и анализ его произведений.

Достоевский как писатель и человек

Достоевским-писателем хорватские исследователи занимались в основном в юбилейные годы¹⁸. Здесь нужно отметить и отдельные выпуски журналов, и сугубо биографические книги о писателе. Упомянутый нами автор первой книги о Достоевском Д. Прохаска писал, что русский писатель всегда находился на какой-либо грани — веры и безверия, науки и веры, Европы и России. Сибирская каторга стала значительной вехой в его жизни, разделившей ее на «до» и «после». По мнению Прохаски, в то время как Толстой давал людям уравновешенную картину мира, Достоевский постоянно колебался. Молодой свободомыслящий Федор, «человек без компаса и цели»¹⁹, заметно возмужал после каторги. Она отдалила его от петрашевцев и втокнула в среду простых людей, в результате чего возвращение из тюрьмы стало для него новым рождением, началом новой жизни.

Исследователей, подобных писателю и переводчику Густаву Крклецу²⁰, Достоевский интересует как человек, то есть такой, каким он был у себя дома, «в тапочках» и «в халате». Он стремился реконструировать личность писателя, который с детства любил общество бедных людей и инстинктивно искал пути приближения

¹⁸ Savremenik. God. XVI. 1921; Nova Evropa. God. XII. 1931. Br. 4; Nova Evropa. God. III. 1922. Knj. IV. Br. 10; Književna smotra. God. XIII. 1981. Br. 43–44.

¹⁹ *Prohaska D.* Fjodor Mihajlović Dostojevski. S. 121.

²⁰ *Krklec G.* F. M. Dostojevski kao čovek.

к ним. Крклец описывает личную, даже интимную жизнь писателя: рассказывает о его первой жене Марии Дмитриевне, о цинично относившейся к нему Паулине (Аполлинару Прокофьевне) Сусловой. Он рассказывает о свободомыслящей студентке, влюбленной в славу Достоевского, и об Анне Григорьевне — искренне любившей его супруге, бывшей с ним рядом до самой смерти. Крклец представил нам Достоевского как человека, влюбленного в живопись, по-детски наивного в вопросах финансов и одновременно как аккуратиста, ценящего чистоту и порядок в своих повседневных привычках²¹. Свою книгу хорватский ученый заканчивает своеобразным наставлением, приводя нам писателя в пример: «Давайте учиться у Достоевского жертвовать собой во всем, потому что жертвовать собой — по его словам — может только сильно развитая личность»²².

Ульдерико Донадини еще в 1919 г. в журнале «Хорватское просвещение» рассматривал произведения Достоевского как важнейшую сторону его жизни: «Слово у него — раб души, подобно тому, как он сам является слугой Божиим»²³. Донадини определял Достоевского как писателя и носителя любви, являющейся одновременно любовью христианской и любовью к жизни вообще. Из такой психофизической структуры, по мнению Донадини, родились герои, которых он называет сфинксами.

Еще один хорватский писатель Эрвин Шинко толкует произведения Достоевского сквозь призму его биографии. Он вспоминает, что еще в детстве Достоевский воодушевлялся «Разбойниками» Шиллера, и этот дух протеста и бунта не покидал его и позднее в течение жизни. Однако линией водораздела Шинко считает ссылку писателя в Сибирь, где начался его новый путь, отличный от пути в молодости.

Милош Попович в своей статье, написанной по поводу восьмидесятилетия со дня смерти Достоевского, остановился на

²¹ *Krklec G.* F. M. Dostojevski kao čovek. S. 16.

²² *Ibid.* S. 18.

²³ *Donadini U.* O Dostojevskome // Hrvatska prosvjeta. God. VI. 1919. Br. 1-2. S. 36.

ключевом моменте жизни писателя — несостоявшейся смертной казни на Семеновском плацу. Осуждение на смерть, замена в последний момент императором смертного приговора на ссылку в Омск, а затем в Семипалатинск спровоцировали кардинальные изменения в мировоззрении писателя. Они «перевели Достоевского на рельсы религиозности, вызвали смещение его интересов с общественно-политической жизни на внутренне-личную, этико-психологическую сторону жизни людей»²⁴. Согласно Поповичу, русский писатель всю жизнь нес внутри себя двух антиподов — Бога и дьявола, и поэтому проблема униженных и оскорбленных была для него скорее проблемой психической, внутренней, индивидуальной, чем социальной и экономической. Все это выделяло его среди других современных ему реалистов.

Бадалич также называет писателя художником-психологом, который в силу многих веских причин мог стать революционером и бунтовщиком против Бога и человека²⁵. Подобно многим своим предшественникам, Желько Сенкович интерпретирует произведения Достоевского (истинную «достоевщину») в тесной связи с его жизнью, будучи уверен в особой ценности биографических исследований при изучении творчества писателя²⁶.

Общественно-политический контекст

Помимо биографии Достоевского, хорватские ученые анализировали и более широкий социальный и политический контекст эпохи, в которой творил писатель, или же толковали при помощи такого анализа его произведения. Подобное рассмотрение вписывается в общую канву представлений о русской литературе, и поэтому нет ничего удивительного в утверждении Д. Прохаски, что ни

²⁴ *Popović M.* Idejna preorijentacija Fjodora Mihajloviča Dostojevskoga // *Revija. Časopis za književnost, kulturu i društvena pitanja*. Osijek. God. I. 1961. Br. 2. S. 29.

²⁵ *Bađalić J.* Fjodor M. Dostojevski (1821–1921) // *Suvremenik*. God. XVI. 1921. S. 144.

²⁶ *Senković Ž.* Etički krisis kod Dostojevskog // *Diaconvensia*. God. XVIII. 2010. Br. 1. S. 209.

один из русских писателей не смог достичь мирового значения только посредством эстетики. Известный хорватский германист и литературовед Виктор Жмегач в своей книге «Историческая поэтика романа», сравнивая западноевропейский и русский классический романы, заключает, что в первом из них речь идет о «сублимированном развлечении», а во втором — о «свободной художественной мечте»²⁷. Однако такое суждение о русском романе абсолютно неправомерно. Недаром хорватские литературоведы часто рассматривали данный жанр русской литературы (в том числе и романы Достоевского) вкупе со всеми проявлениями его общественной функции, включающими в себя социальное влияние, пророчества о грядущих событиях и т. п. Илия Миларов еще в 1881 г. опубликовал в журнале «Хрватска» (*Hrvatska*) статью «Взгляд на развитие русского общества и литературы»²⁸. В ней он критиковал политику Германии, которая радовалась беде соседей, не замечая своей собственной. Русскую литературу Миларов считал новой славянской силой, провозглашающей спасение всех славян. Романы Достоевского, Чернышевского, Гончарова и Салтыкова-Щедрина он воспринимал не как художественные произведения, а как глубокие социальные и психологические трактаты. Очень схожее прочтение произведений Достоевского мы находим и у Михайло Михайлова в его эссе «Достоевский сегодня»²⁹.

Эрвин Шинко видел в Достоевском страстного революционера и задавался вопросом о переломном моменте в его жизни, после которого он начал выступать как пропагандист имперской власти и сторонник российского империализма³⁰. Самой большой проблемой России Шинко считал крепостное право, которое Достоевский, по его мнению, не замечал или не желал замечать. Ему лишь хотелось

²⁷ *Žmegač V. Povijesna poetika romana*. Zagreb, 2004. S. 122.

²⁸ *Milarov I. Pogled na razvitak ruskog društva i literature* // *Hrvatska*. Zagreb, 1881. S. 201–237.

²⁹ *Mihajlov M. Dostojevski danas* // *Kolo*. God. II. 1964. Br. 6. S. 222–237.

³⁰ *Šinko E. F. M. Dostojevski* // *Republika*. God. VI. 1950. Knj. 1. Br. 6. S. 377.

показать мир в свете двух вечных истин: религии и монархии. Несмотря на полемический и нередко осуждающий тон по отношению к Достоевскому, Шинко приходил к выводу о схожести писателя с библейским Валаамом, который отправился проклинать народ Божий, но, раскрыв рот, к собственному удивлению, произнес благословение. Таким образом, Достоевский, по словам Шинко, является Валаамом XIX в.³¹

Миссионером и пророком Достоевского называет хорватский энциклопедист и публицист Мате Уевич. Ссылаясь, в основном, на «Дневник писателя», а также на творчество Достоевского, Уевич считает, что оно так и осталось непонятым западными читателями. Понять писателя можно лишь при постижении глубин русской души, а западный человек привык к простоте и воспринимает эту душу как загадку, причем крайне от него далекую³². Милан Грубер в своей статье «Падшие женщины в романах Ф.М. Достоевского» называет писателя пророком, предчувствовавшим и предсказавшим России грядущие «сильные потрясения и бури в политической и социальной жизни»³³. Пророком считает Достоевского и Милан Дурман. Обосновывая свою точку зрения, он пишет, что произведения писателя являются попытками решить практически все проблемы, над которыми билась Россия в XIX в. и которые привели ее затем к революции³⁴. Дурман добавляет, что в XX в., точнее в 1930-е гг., уже бесполезно искать ответы на насущные жизненные вопросы в творчестве таких писателей, как Достоевский, поскольку социальная структура в стране изменилась полностью.

Интерес к философско-религиозным темам

Интерес Достоевского к философско-религиозным темам не был эпизодическим, и многие хорватские и зарубежные исследователи

³¹ Šinko E. F. M. Dostojevski. S. 385.

³² Ujević M. Fjodor Mihajlović Dostojevski // Luč. God. XXVI. 1931. S. 216.

³³ Gruber M. Propale Žene u romanima F. M. Dostojevskoga // Hrvatska prosvjeta. God. XXIII. 1936. Br. 9-10. S. 398.

³⁴ Durman M. Dostojevski. Povodom 50-godišnjice smrti // Književnik. God. IV. 1931. Br. 8. S. 305.

закономерно искали истинную «философию жизни» как в биографии самого писателя, так и в его произведениях. Несмотря на частую декларацию определенных философских и религиозных идей в прозе Достоевского, не стоит забывать, что он как писатель высказывал философские и прочие идеи в литературных произведениях и лишь литературными средствами. Даниэль Мишчин пишет о том, что многие эссе в великих романах так называемого «пятникнижия» Достоевского являются философскими и, видимо, никто из философов не постыдился бы идей, высказанных в романном мире писателя его героями. Однако Достоевский все-таки не философ, а писатель, и его герои выражают свои идеи языком литературным, вследствие чего эти произведения нельзя приравнивать к философским трактатам³⁵. Философские и религиозные темы исследователи обычно рассматривают либо на материале биографии самого писателя, либо посредством анализа его прозы. К примеру, Анте Арманини³⁶, автор книги о последнем романе Достоевского, связывает присутствующую там религиозную тему с жизненным путем самого писателя.

Францисканский священник Веко-Божо Ярак предлагает прочтение произведений Достоевского в свете «человеколюбия Христа», что отражается в названии его исследования — «Достоевский в свете Христова человеколюбия»³⁷. По его мнению, Достоевский всю жизнь искал человека и понял его, полюбив искренне в сибирском остроге. Увидев, как приговоренный к каторге преступник не раскаивается в своих грехах, писатель осознал, что государственное наказание не есть истинный путь к покаянию, а наоборот, может породить ненависть. Таким образом возникает замкнутый круг, из которого нет выхода. Постоянное стремление Достоевского-писателя — это стремление найти человека в человеке, а человек, потерявший веру в Христа, утрачивает в себе и суть

³⁵ *Miščin D.* U potrazi za svetim. S. 189.

³⁶ *Armanini A.* Dostojevski i volja za moć.

³⁷ *Jarak V.-B.* Dostojevski u ožračju Kristova čovjekoljublja.

человеческого³⁸. Любой вид давления, особенно в христианстве, Достоевский считал злоупотреблением христианством, и этому посвящены ключевые мысли центральной части романа «Братья Карамазовы» — Легенды о Великом инквизиторе. Великому инквизитору свою книгу посвятил и Йосип Крибл³⁹, ссылаясь в основном на хорошо известное исследование Н.А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского». К размышлениям Крибла близок и епископ Далмации Фотие, который в своем сборнике напоминает читателю о лице «русского Христа» и указывает на олицетворенную в героях произведений Достоевского красоту, призванную спасти мир⁴⁰.

В теологическом и атеистическом ключе на основе Легенды о Великом инквизиторе поэтику Достоевского толкует и крупный теолог и исследователь Библии Бонавентура Дуда⁴¹. В диалоге с Драганом Калайджичем он ставит многие серьезные вопросы и пытается на них ответить. Самым важным из них является вопрос о лицемерии, т. е. о фарисействе как наиболее тонкой разновидности атеизма. Иисус резко противился подобной извращенной религиозности, что прекрасно показано в произведениях Достоевского.

Особое внимание некоторых хорватских исследователей привлекает православный институт старчества, поскольку такого вида духовного наставничества нет в католичестве. Одним из таких исследователей является Франо Мусич⁴², писавший, что цель института духовного отца (старца) заключается в помощи человеку одеться духом и сердцем Иисуса Христа. Таким светлым и замечательным старцем он видит старца Зосиму из романа «Братья Карамазовы».

³⁸ *Jarek V.-B.* Dostojevski u ozračju Kristova čovjekoljublja. S. 127.

³⁹ *Kribl J.* Veliki inkvizitor F. M. Dostojevskog.

⁴⁰ Fjodor Mihajlovič Dostojevski. S. 5.

⁴¹ *Kalajdžić D., Duda B.* Jesmo li sami na putu. Razgovori. Dragan Kalajdžić i Bonaventura Duda. Zagreb, 1981.

⁴² *Musić F.* Duhovno očinstvo starca Zosime u romanu F. M. Dostojevskog Braća Karamazovi // Kateheza. Časopis za vjeronauk u školi i katehezu. God. 26. 2004. Br. 3. S. 130–144.

Весьма отрицательно к вопросам религии в произведениях Достоевского относились Мирослав Крлежа и Винко Цецич. Первый из них — хорватский писатель, эссеист и энциклопедист — в своих дневниках и заметках назвал Достоевского «фанатиком» и охарактеризовал его творчество как «опасный пример религиозной пропаганды в литературе»⁴³. С таким мнением фактически согласился и Цецич в своей статье «Достоевский о религии и церкви», которая была напечатана в журнале «Коло» (*Kolo*) в 1964 г. В ней он писал о Достоевском как о «писателе-идеологе», который совершил «насилие над художественной истиной»⁴⁴. Роман «Братья Карамазовы», по его определению, есть верх литературной тенденциозности.

С другой стороны, некоторые хорватские исследователи Достоевского при рассмотрении религиозных и философских тем в его творчестве углублялись в композицию самих повестей и романов писателя и в толкование в них понятий зла, лжи и красоты. Они анализировали мучительные поиски писателем истины, теологические и другого рода проблемы не биографического или мировоззренческого, а художественно-поэтического, творческого плана. Эти темы волновали Тину Марушич, Арияну Херцег, Соню Лудвиг, Ядранку Брнчич, Йосипа Ужаревича, Даниэля Мишчина и др.

Центральным произведением при анализе христианско-философских аспектов и идеи христоподобного человека для этих литературоведов является роман «Идиот». Хотя они, разумеется, обращались также к роману «Братья Карамазовы» и некоторым другим произведениям писателя. Тина Марушич⁴⁵, например, пишет о бинарности героев в романе «Идиот» (князь Мышкин — Рогожин; Аглая — Настасья Филипповна), которую невозможно

⁴³ *Krleža M.* Davni dani. Zapisi 1914–1921. Zagreb, 1956. S. 21.

⁴⁴ *Cecić V.* F.M. Dostojevski prema religiji i crkvi I i II // *Kolo*. 1964. Br. 2. S. 215.

⁴⁵ *Marušić T.* Binarizam i protubinarizam među likovima u romanu *Idiot* Fjodora Mihajloviča Dostojevskog // *Dometi*. God. 24. 2014. Br. 1–4. S. 178–197.

преодолеть. Арияна Херцег⁴⁶ анализирует библейские мотивы и в своей статье сравнивает их отражение в романах Толстого и Достоевского. По ее мнению, эти писатели подходят к теме отношений человека с Богом по-разному, причем у Достоевского присутствует значительно больший акцент на религиозной тематике. Кроме этого, она обращает внимание на тот факт, что русская литература в целом гораздо более религиозна по сравнению с западной. Она объясняет это присутствием в первой элементов средневековой литературы и культуры, существенно отличающихся от западноевропейских традиций. Хорошо известно, что в период Ренессанса в западноевропейской литературе происходит разрыв связей со средневековыми литературными традициями. Но, в отличие от западной, в русской культуре в этом плане наблюдается континуитет: не испытав Возрождения, она сохраняла средневековую традицию и в последующие периоды своего развития. Данный феномен объясняет глубокую традиционную религиозность русской литературы XIX в. Тем не менее, западные и хорватские исследователи продолжают возвращаться к сопоставлению разных по своей сути литературных традиций: западных, восточных, средневековых, древнерусских и др.

К спекулятивной проблеме богословия обратилась в своей статье «Демонизм в романе Достоевского "Братья Карамазовы"» Соня Лудвиг⁴⁷. Исходной точкой в ней является противоречие между двумя утверждениями: а) Бог всемогущ, всезнающ и добр; б) несмотря на это, зло существует. Действительно, если зло существует, значит ли это, что Бог не желает его уничтожить (тогда добр ли Он)? Или же Бог не в состоянии это сделать (тогда всемогущ и всезнающ ли Он)? Начиная с Аврелия Августина, подобные

⁴⁶ *Herceg A. Biblijski motivi u romanima L. N. Tolstoja i F. M. Dostojevskog // Književna smotra. God. XXVI. 1994. Br. 92-94. S. 110-120.*

⁴⁷ *Ludvig S. Demonizam u romanu Braća Karamazovi F. M. Dostojevskog // Umjetnost riječi. God. XIII. 2000. Br. 1-2. S. 153-177.*

вопросы развиваются в концепциях Г. Лейбница о сотворении Богом лучшего из всех возможных миров. Конечно, такие концепции вошли в роман «Братья Карамазовы» и неоднократно повторяются в парафразированной цитате Ивана Карамазова: «Если Бога нет, то все дозволено».

Нет сомнений, что данная проблема волнует многих хорватских и зарубежных исследователей, занимающихся творчеством Достоевского. В поисках библейских мотивов в романе «Братья Карамазовы» Ядранка Брнчић⁴⁸, подобно Лудвигу, задается вопросом: правит ли Бог нашим миром справедливо? Подробно анализируя и сравнивая библейский и литературный тексты, она показывает, что не только Алеша, но и все его братья несут в себе христианское послание о спасении.

Особенно интересен анализ образа Алеши, который мы встречаем в книге Даниэля Мишчина «В поисках святости. Свет с Востока и имманентность трансценденции». Алеша был реалистом, что не перечеркивает, а наоборот подтверждает «аутентичность поисков святости»⁴⁹. Его мучает вопрос о тленности тела старца Зосимы, но если бы его тело в романе было нетленным, то старец превратился бы в надуманного героя. Поиски святости утратили бы свою аутентичность, поскольку они, как пишет Мишчин, заключаются не в необыкновенных, магических чудесах, а в обычном. И именно благодаря тленности тела старец Зосима остается в пределах реалистичности.

К вопросам антиномий, причем не только в романе «Братья Карамазовы», обратился профессор кафедры русской литературы философского факультета Загребского университета Йосип Ужаревич в своем недавно опубликованном солидном труде о русской

⁴⁸ *Brnčić J.* Prostor i vrijeme u Zapisima iz podzemlja F. M. Dostojevskog i u Padu A. Camusa // *Književna smotra*. Zagreb. God. XXIV. 1992. Br. 85. S. 39-45.

⁴⁹ *Miščin D.* U potrazi za svetim. S. 82.

литературе XI–XXI вв. Ключевым композиционным моментом романа ученый считает Легенду о Великом инквизиторе, вместе с тем полагая, что она может послужить отправной точкой для «конструктивной христианской самокритики»⁵⁰.

Исследование отдельных тем и мотивов

В 1960–е гг. хорватские исследователи проявляли большой интерес к проблеме развития романа и его кризиса, который, кстати говоря, продолжается. Нередко ими высказывалась мысль о влиянии Достоевского на европейский роман XX в. Несмотря на отличия стиля писателя от реалистического стиля XIX в., он привнес в литературу множество новаций. Достоевский разработал новые повествовательные стратегии, сократил время действия, развил внутренние монологи и вообще зарекомендовал себя как «современный» писатель, улавливающий новые нарождающиеся прозаические тенденции.

Известный хорватский русист Александр Флакер писал о повышении Достоевским интеллектуального уровня литературного героя. Кроме того, по его наблюдению, писатель внес в литературу фабульное «мясо»: показал борьбу психики и интеллекта, ввел диалогическую дискуссию, внутренние монологи, галлюцинаторные состояния и сновидения⁵¹. Все это ныне приписывается специфике литературы XX в.

Ульдерико Донадини⁵² указывает на значение стиля Достоевского, который, по его характеристике, является простым, однако при этом в текстах писателя читатель может споткнуться об определенное слово, сияющее подобно драгоценному камню. И читая дальше, он обнаруживает в них все больше и больше таких сияющих слов. Подобный стиль, по мысли Донадини, приподнимает человека от земли к небесным высям.

⁵⁰ *Užarević J.* Ruska književnost od 11. do 21. stoljeća. S. 398.

⁵¹ *Flaker A.* Ruski klasici 19. stoljeća. S. 137.

⁵² *Donadini U.* O Dostojevskome.

Константин Римарич-Волынский, русский эмигрант, учившийся в Загребе и Белграде, также обратил внимание на стиль Достоевского и на гротеск в его прозе. В своей статье «Противоречия Федора Достоевского»⁵³, опубликованной в журнале «Хрватска просвета» (*Hrvatska prosvjeta*) в 1929 г., он сделал несколько интересных наблюдений. Исследователь пришел к выводу, что в своих произведениях Достоевский представил целый ряд «театральных марионеток» и всю палитру «гротеска человеческих бедствий»: его герои являются прекрасными и смешными, красивыми и порочными. В заключение он констатирует, что Достоевский в русской литературе играет такую же роль, как Франциско Гойя в испанском изобразительном искусстве⁵⁴.

Отметим также исследования профессоров философского факультета загребского университета Горданы Слабинац⁵⁵ о творческих замыслах Достоевского (особенно в его «Записках из Мертвого дома») и Миливоя Солара⁵⁶ о романе модерна. Изучая демонизм в модернистском романе, последний пишет, что, начиная с Достоевского и заканчивая Брохом и Джойсом, писатели выделяли в своих произведениях иррациональный демонический элемент, который нарушает единство человека и мира посредством противопоставления себя всему божественному.

Разнообразный и вдохновляющий анализ метафизики подполья проводит Дражен Катунарич⁵⁷. В литературной традиции, как известно, еще Гомер отправил своего героя Одиссея в Ад, чтобы выведать у теней мертвых тайну жизни. Таким же образом, считает

⁵³ *Rimarić-Volinski K.* Protivuriječja Fedora Dostojevskog // *Hrvatska prosvjeta*. Zagreb. God. XVI. 1929. Br. 3.

⁵⁴ *Ibid.* S. 57.

⁵⁵ *Slabinac G.* Sugovor s literarnim davlom. Eseji o čitateljskoj nesanicici. Zagreb, 2006.

⁵⁶ *Solar M.* Demonizam modernog romana // *Forum*. God. V. 1966. Knj. XII. Br. 11–12.

⁵⁷ *Katunarić V.* Dostojevski i metafizika podzemlja // *Književna smotra*. God. XIII. 1981. Br. 43–44, S. 3–11.

Катунарич, Достоевский ищет истину там, где другие видят тени смерти. Кроме Гомера, о тайнах подполья и темного мира в литературно-философском плане писали Платон, Вергилий, Данте, Сервантес, Гёте, Ницше и Манн. Достоевский, безусловно, вписывается в этот ряд. Неслучайно в центре интереса Катунарича находятся «Записки из подполья» — новый шаг в творческой эволюции Достоевского. Начиная с «Записок» писатель переходит от социального романа к так называемому роману метафизическому. Противоречие является центром поэтики в творчестве Достоевского, и поэтому подполье, символизирующее собой тишину, тьму и смерть, одновременно раскрывает возможность встречи с Богом и служит образом зародыша новой жизни. Поэтому, по мнению Катунарича, «Записки из подполья» являются отправной точкой в поэтическом мире великого писателя. Из подполья, из глубины земли герои ищут воскресения, и это становится центральной темой его поэтики.

Достоевский и другие

Сравнительное изучение Достоевского (или, иначе говоря, Достоевский и другие) — последняя тема нашего краткого обзора. Морана Чале в книге «О душе и теле текста»⁵⁸ пишет о хорватском романе модерна. Выделяя в нем отдельных «больных» героев, она приходит к выводу, что в их жилах течет кровь Достоевского. Мирослав Крлежа, как уже говорилось выше, весьма отрицательно относился к жизнотворчеству Достоевского и считал его идеологом. Несмотря на испытываемое им самим влияние Достоевского, в своих записках 1915 г. он утверждал следующее: «Я никогда не любил Достоевского и не в состоянии признаться даже самому себе, что он мне скучен. О нем говорят как о божестве. У меня в этом смысле есть опыт. Все, кому он нравится, не нравятся мне. Это не мои люди»⁵⁹.

⁵⁸ Čale M. O duši i tijelu teksta: Polić Kamov, Krleža, Marinković. Zagreb, 2016.

⁵⁹ Krleža M. Darni dani. S. 60.

Несмотря на отрицательное, даже презрительное отношение Крлежи к Достоевскому, к его «барбаризму», «религиозности», «тенденциозности» и «идеологии», переключки в творчестве этих двух писателей очевидны. В свой роман «Возвращение Филиппа Латиновича» Крлежа включил части-эссе, и это роднит его с заложенной Достоевским традицией. Во многом близка поэтике Достоевского и его драма «Господа Глембаи», рассказывающая об упадке и внутреннем распаде одноименной семьи. В ней выделяются так называемые семейные «конклавы» — драматичные семейные сборища, заканчивающиеся скандалами. Можно добавить, что порожденное этой драмой выражение «глембаевщина» (хорв. *glembajevština*) очень напоминает понятие «карамазовщина»⁶⁰.

Младен Энгесфельд, сопоставляя поэтики Крлежи и Достоевского, считал обоих писателей лжепророками⁶¹. Крлежа вещал во имя всех хорватов, в то время как Достоевский пророчествовал во имя всех русских. В связи с этим хочется упомянуть одну из статей хорватского писателя-революционера Аугуста Цесарца «Достоевский — Ленин (Два полюса русского антиимпериализма)»⁶². Она была написана в 1924 г. и в свое время произвела большой эффект этим сравнением двух разных миров и двух борцов против империализма. Писателя Достоевского и революционера Ленина Цесарец называл апостолами, при этом давая понять, что перед ним самим стоит не

⁶⁰ *Flaker A.* Krlježa o Dostojevskom // *Zbornik radova posvećen VII Kongresu jugoslavenskih slavista u Beogradu*, 25-30.09.1972. Zagreb, 1972. S. 38.

⁶¹ *Engesfeld M.* Dostojevski i Krlježa: mesijanizam kao kategorija misljenja // *Republika*. Zagreb. God. XLIX. 1993. Br. 11-12.

⁶² *Cesarec A.* Dostojevski — Lenjin (Dva pola ruskog antiimperijalizma) // *Književna republika*. Zagreb. God. II. 1924. Maj. Br. 2-6. S. 195-214.

очень благодарная задача сравнения двух совершенно различных исторических личностей: по его словам, легче было бы сравнивать писателей Толстого и Достоевского или революционеров Бакунина и Ленина. Но при всем несхождении Достоевского и Ленина Цесарец считает их обоих не только апостолами, но и антиимпериалистами. Хотя в итоге, как оказалось, их антиимпериализм породил новый империализм, ученый полагал, что оба деятеля тяготели к гармонии между людьми и желали уничтожения империализма и власти человека над человеком.

Исследователи творчества Достоевского в Хорватии, как мы показали, разделились на два лагеря: первые защищают, а вторые критикуют писателя. Первые называют его «апостолом», «проницательным пророком», «аналитиком» и «философом», писателем, осветившим своим творческим факелом путь в литературу XX в. Вторые — «памфлетистом», «фанатиком», «ложным революционером», «идеологом». В противоречивом мире Достоевского, противоречивым, судя по всему, является и восприятие данного писателя в хорватской среде.

В заключение хочется добавить, что на философском факультете Загребского университета к юбилею Достоевского был подготовлен сборник «200-летие Достоевского»⁶³, который обозначил новые направления в хорватском достоевсковедении. В него вошли 14 статей авторства известных исследователей, являющихся сотрудниками факультета, причем не только русистов. Сборник состоит из нескольких разделов: Введение под названием «200-летие Достоевского», «Исследования: от повести к роману», «Достоевский и другие», «Адаптации (театр и кино)», «Рецепция Достоевского». Издание также включило

⁶³ Dvjesto godina Dostoevskog / Ur. J. Vojvodić. Zagreb, 2021.

в себя перечень книг самого Достоевского и книг о Достоевском, хранящихся в библиотеке философского факультета, хронологию жизни и творчества писателя и географическую карту с обозначением тех мест, где писатель жил и которые посетил. Помимо выхода сборника, юбилею писателя была посвящена проходившая с 1 по 30 ноября 2021 г. виртуальная выставка «Достоевский на Философском».

Ч Е Х И Я

И. Поспишил

К чешской и словацкой рецепции Достоевского в XX и XXI вв.: Франтишек Каутман, Андрей Червенияк и другие

Если взглянуть в целом на грандиозное творчество Ф.М. Достоевского в его академических и прочих изданиях и добавить к этому хотя бы некоторую дополнительную литературу, то выяснится, что охватить весь этот массив текстов и связанную с ними проблематику полностью практически невозможно, пусть даже мы обратимся лишь к его романам и не будем учитывать рассказы, повести, дневниковые записи, эссе, путевые заметки, политическую и культурную публицистику и переписку. Очевидно, что за долгие годы исследований появился целый ряд концепций, связанных с его творчеством, начиная с первых критических работ В.Г. Белинского и заканчивая современными сборниками, издаваемыми Обществами Достоевского по всему миру, работами французских, американских исследователей и пр.¹

¹ См. некоторые наши тексты, посвященные Достоевскому: *Pospíšil I. Jedna česko-ruská literární spirála (Dostojevskij — Čapek — Těndrjakov)* // Československá rusistika. Roč. 35. 1990. Č. 5. S. 257–265; *Pospíšil I. Žánr jako bezprostřední výraz autorovy osobnosti. Deník spisovatele F. Dostojevského a Šlépěje J. Demla* // Slovenská literatúra. Roč. 37. 1990. Č. 4. S. 338–349; *Pospíšil I. F. M. Dostojevskij: návrat k spisovateli (Historicita a žánrovost)* // Dostojevskij a dnešek. Nitra, 2007. S. 66–83; *Поспишил И. Исключительность романа Достоевского: миф, или реальность? // Двойственность у Достоевского. Olomouc, 2011. С. 69–81; Поспишил И. Федор Михайлович Достоевский — проклятые вопросы его наследия // Ф.М. Достоевский: состояние исследования и современное значение. Brno, 2019. С. 115–129. Достоевскому посвящены также главы из моей книги «Феномен сумасшествия в русской литературе 19 и 20 веков» (*Pospíšil I. Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století. Brno, 1995*).*

Известно, как в Чехии отреагировали на внезапную кончину Достоевского, примером чего является статья Яромира Грубого в газете «Народни листы» (*Národní listy*). В это же время Достоевского начинают активно переводить на чешский, а к концу XIX в. — началу XX в. он становится там излюбленным русским автором. Все это происходило на фоне развития модернистской поэтики, чешского декаданса, символизма, политического и культурного анархизма и способствовало многогранному восприятию его творчества, которое по своему методу и по тематическому разнообразию более соответствовало новому времени кризиса рационализма, чем современному самому Достоевскому золотому веку русской классики.

На Достоевском основывал все свое видение России, русской мысли, культуры, политики и литературы чешский (а по образованию немецкий) историк философии и социолог, логик, эстетик, искусствовед, литературовед и, наконец, русист Томаш Гарриг Масарик (1850–1937). Достоевский мотивировал его к созданию труда для лейпцигского и позже йенского издателя Ойгена Дидерихса под названием «Россия и Европа» (*Russland und Europa*, 1913) и сам стал тем центром, вокруг которого вращалось все изложение этого трехтомного opus magnum (немецкое издание 1995, полный чешский перевод 1996).

В фигуре Федора Михайловича Достоевского у Масарика сконцентрирована не только сама проблема России и Европы, но и его собственная внутренняя проблема, беспрестанно мучавшая его всю жизнь: Масарик в гораздо меньшей степени, чем принято утверждать, был объективистским, чопорным социологом и историком философии. Здесь за серьезным обликом зрелого ученого проступает эмоциональность мораванина, который преодолевает или, во всяком случае, пытается преодолеть в себе эту эмоциональность, стараясь связать свои этически несвязанные физиологические

силы прочным философским убеждением, рождающим надличностную этику. Именно на ниве литературы в целом и русской литературы в частности ведет он свой бесконечный бой за характер собственной личности. И как раз Достоевский провоцирует Масарика на вопросы, значимые для него самого, а следовательно, являющиеся его экзистенциальным проявлением: там, где Масарик касается России и русской литературы, он затрагивает общие проблемы человеческого существования и его умозрение имеет экзистенциальный характер. Это, в первую очередь, проблемы нигилизма и анархистского атеизма, жизненного скепсиса, связи религии и нравственности, убийства и самоубийства, гуманности и народности и национального характера. В Достоевском Масарика привлекает его концепция «всечеловека», концепция высшей идеи и объединения народа, гуманности и религии; но одновременно с этим он страшится шовинизма этого «всечеловека», который защищает национальный мессианизм: Масарик видел в народе лишь переходный этап, который ведет к «всечеловечности» и демократии. В превознесении личного он верно усматривал тупиковую и небезопасную линию — причем абсолютно везде, во всех национальных механизмах; в то же время его критика не была негативистской в отношении народа как такового. Хотя Масарик хорошо знал творчество Достоевского в том числе и с художественной точки зрения, здесь оно служит ему исключительно в качестве материала для его философских и социологических размышлений².

В некоторых из рассуждений Масарика о Достоевском прослеживается связь с его критикой русского максимализма в столкновении с протестантским и англосаксонским утилитаризмом,

² *Pospíšil I. T.G. Masaryk a literárnost ruské revoluce // Tomáš Garrigue Masaryk a ruské revoluce. Sborník příspěvků z V. ročníku semináře Masarykova muzea v Hodoníně, 19. listopadu 1997. Hodonín, 1998. S. 5-13; Pospíšil I. T. G. Masaryk jako rusista // Tomáš Garrigue Masaryk a věda. Sborník příspěvků ze VII. ročníku semináře Masarykova muzea v Hodoníně 10. listopadu 1999. Hodonín, 2000. S. 88-99.*

происходящим из английской утилитарной и субъективистской, сенсуалистической философии. Религиозное сознание никак не исключает учета ежедневных практических дел. Утилитаризм можно соединить с религией, ведь Тора и, следовательно, Ветхий завет приказывали евреям и христианам верить в Бога, но одновременно не забывать о еде и правилах питания. Христос проповедует любовь, когда он лечит. А вот у Достоевского доминирует религия, основанная на чудесах — вся его сущность противостоит природному детерминизму. Масарик между прочим отмечает и характерные для Достоевского слова «вдруг» и «внезапно», о которых позже много писали. Он ищет в религии неколебимую веру, ему импонирует русский народ, русский раскол, суеверие, в католицизме и протестантизме он усматривает больший рационализм. У Достоевского Масарик положительно оценивает концепцию «всечеловека», высшей идеи, связь гуманизма и религии, одновременно, однако, он опасается национального мессианизма, когда народ и нация считаются связующим звеном на пути к всечеловечеству и демократии. В национальном мессианизме он видит опасный тупик. С другой стороны, его критика не является негативистской по отношению к категориям народа и нации в целом, но его понимание этих категорий более индивидуалистическое, с акцентом на личную ответственность за индивидуума, а значит, и за народ и человечество.

Хотя Достоевский в основном служит Масарику в качестве материала для философских и социологических рефлексий, в одном его подход, напротив, оказывается скорее филологическим и демонстрирует известное двойственное отношение к русской литературе — отношение притяжения и отталкивания, *odi et amo, Haßliebe*. В третьем разделе третьего тома труда «Россия и Европа», названном «Титанизм или гуманизм — От Пушкина к Горькому» находятся размышления Масарика о Байроне и Мюссе. Удивлен этому факту может быть лишь тот, кто не знаком с русской

культурой того времени, поскольку эти авторы, как известно, сыграли важную роль в российской истории — из них вырастала русская литература периода романтизма и реализма. Упомянутые эссе позволяют читателю более глубоко заглянуть в мастерскую Масарика-русиста. Во вводном разделе «Достоевский в русской и мировой литературе» Масарик впервые отвлекается от Достоевского как философа истории и смотрит на него как на художника. Однако это не анализ художественных процессов или эстетического воздействия артефакта, а скорее анализ совокупности влияний и линий развития: Достоевский обращается к Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Гончарову, Тургеневу, Толстому и, разумеется, к другим русским и европейским писателям, при этом сравнительно реже к Грибоедову, Салтыкову-Щедрину или Некрасову. Масарик пытается увидеть эти рамки, его взгляд стремится к целостности, но, как известно, дьявол скрывается в деталях, и именно упомянутые авторы, так сказать, второго ряда, зачастую играли ключевую роль в развитии поэтики русской литературы, как об этом пишет, к примеру, чешский русист Владимир Кострица³.

В конце этой работы Масарика встречается одно интересное, хотя будто бы второстепенное замечание. В связи с упоминанием общепризнанного факта, что Достоевский был знаком с так называемыми антиинигилистическими произведениями А. Ф. Писемского (1821–1881) и Н. С. Лескова (1831–1895), Масарик обращается к Лескову и его раннему роману «Некуда» (1864), который либералы считали реакционным, даже доносительским произведением, а консерваторам, наоборот, он казался слишком либеральным. По некоторым исследованиям, Лесков автобиографически описал здесь свои взгляды убежденного радикала, которые лишь

³ *Kostřica V. Próza* N.S. Leskova. Olomouc, 1980; *Idem. Literární odkaz*. N.G. Pomjaložského. Olomouc, 1983; *Idem. Studie z ruské klasické literatury*. Praha, 1987.

позднее преобразовались в либеральные и консервативные⁴. Именно тут становится очевидным социологический, психологический и философский подход русиста Масарика к оценке литературы, заключающийся в том, что особую художественную ценность представляют для него те произведения, которые содержат метод познания человека и мира. В то время как художественные приемы, нарративные стратегии, технологии художественного письма для него гораздо менее значимы.

В межвоенный период чехам повезло, ибо тогда в Праге побывал крупнейший знаток Достоевского того времени и основатель Общества Достоевского, киевский немец и русский литературовед Альфред Бем (1886–1945? — после похищения советской разведкой он, по сути, бесследно исчез). Он же — автор книги «Тайна личности Достоевского» (*Tajemství osobnosti Dostojevského*, 1928), которую на чешский перевела подруга Марины Цветаевой Анна Тескова. А. Бем также осуществил авторизованный перевод работы Иржи Горака о Достоевском и Пшибышевском (см. ниже), был редактором памятного сборника о Достоевском (Прага, 1931) и т.п. Он писал по-русски, по-немецки и по-французски и стал важным лицом не только в русском и междunarодном, но и в чешском достоевсковедении⁵.

⁴ См. наши книги, сборники и статьи: *Pospíšil I. Proti proudu. Studie o N.S. Leskoví*. Brno, 1992 (Здесь также приводится обширная литература о Лескове); Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лесковедения / Ed. I. Pospíšil. Brno, 2018; Н.С. Лесков и традиция русского романа в мировом контексте / Ed. I. Pospíšil. Brno, 2020; *Поспишил И.* Лесков и теория романа // Н.С. Лесков и традиция русского романа в мировом контексте. Brno, 2020. С. 149–157; *Поспишил И.* Чешский Лесков и его моравский переводчик // Лесков и вокруг. С. 145–155; *Pospíšil I.* Koncepcie prostoru a času v kronikách N.S. Leskova // SPFF BU. Roč. 25–26. D23–24. Brno, 1977. S. 109–117; *Pospíšil I.* Ruská románová kronika. Brno, 1983.

⁵ См.: Бем А.Л. — Срезневский В.И. Переписка 1911–1936 / Сост., введ., комм. и пр.: М. Бубеникова, А.Н. Горяинов. Brno, 2005. Об этом см.: *Pospíšil I.* Vynikající edice. Alfréd Ljudvigovič Bem: Pisma o literature // SPFF BU. Roč. 46. D44. Brno, 1997. S. 152–154; *Bem A.* Dostojevskij: sborník statí k padesátému výročí jeho smrti. Praha, 1931;

Еще один чешский славист, внесший весомый вклад в изучение Достоевского, — литературовед-компаративист и фольклорист, а также политик и дипломат Иржи Горак (1884–1975). В разные годы он был профессором Университета Масарика и Карлова университета, чехословацким послом в Москве (1945–1948), академиком Чехословацкой академии наук (1956), директором Отделения этнографии и фольклористики ЧСАН (1957–1964) и в целом коренным образом повлиял на формирование гуманитарных наук, в особенности славистики и сравнительного изучения литературы и фольклора. Сама его блестящая академическая карьера демонстрирует широту интересов Горака: в 1919–1922 гг. он работал доцентом сравнительной истории славянских литератур на философском факультете Карлова университета, затем — адъюнкт-профессором в брненском Университете Масарика (1922–1926), с 1927 г. — штатным профессором Карлова университета; и наряду с этим он стал основателем Государственного института народной песни, Чехословацкого этнографического общества, Славянского института и славянских отделений в Праге и Брно, Матицы чешской и прочих учреждений.

Общие черты «славянскости» Горак часто выводил непосредственно из русского материала: это, например, не только способность синтезировать и обогащать европейские импульсы и традиции, но и смелость идти против течения. Так же, как и у Масарика, Достоевский на протяжении долгих лет находится в центре внимания Горака. Его исследования в плане структуры и содержания обладают внутренней логикой и взаимосвязью: «Масарик и

Bem A. Dostojewski, der geniale Leser. Berlin — Leipzig — Prag, 1931. S. 468–476; *Bem A. Tajemství osobnosti Dostojevského: několik kritických kapitol.* Praha, 1928; *Bem A. У истоков творчества Достоевского.* Прага, 1936; *Bem A. Достоевский: психоаналитические этюды.* Прага, 1938; *Pospíšil I. Tři listy o sovětské literatuře Alfreda Ljudevigoviče Bema: ruský fenomén a střední Evropa // Střední Evropa včera a dnes: proměny konceptu* II. Brno, 2018. S. 163–175.

Достоевский» (*Masaryk a Dostojevskij*), «Братья Карамазовы» (*Bratři Karamazovi*) и «*Satans Kinder*» Пишибышевского и Достоевский» (*Przybyszewského Satans Kinder a Dostojevskij*) создают четкое сопряженное целое. Масарик в литературе занимался в первую очередь явлениями глобальными и синтетическими, поэтому его так же, как и Вацлава Черного⁶, очаровывали Байрон, Гёте, Пушкин или Мицкевич. Достоевский является для него не только символом русской литературы, но вообще результатом европейского постромантического литературного развития. Горак же, с одной стороны, указывает на то сильное воздействие, которое оказал русский писатель-мыслитель на Масарика, ищущего в гуще тогдашнего позитивизма, который он не мог принять, соотношение с субъективизмом, чувствительностью (из английской философии) и трансцендентностью, а с другой — рассказывает, как сам Масарик коренным образом формировал чешское и европейское понимание Достоевского, в частности, своей немецкой работой «Россия и Европа»⁷.

Если И. Горак рассматривал значение поэтологического потенциала славянских литератур на польско-русской оси, то его преемник на посту профессора сравнительной истории славянских литератур Франк Вольман (1888–1969), основоположник брненской научной школы славистической литературной компаративистики, в своей монографии «Словесность славян» (*Slovesnost Slovanů*), написанной летом 1928 г. в Братиславе, где он работал в качестве доцента недавно открытого Университета им. Коменского, формировал

⁶ Černý V. Essai sur le titanisme dans la poésie romantique occidentale entre 1815–1850. Praha, 1935; *Pospíšil I. Václav Černý a ruská literatura* // *Slavia*. Roč. 63. 1994. Č. 3. S. 331–337.

⁷ См. наш краткий портрет слависта: *Pospíšil I. Výročí slavisty, folkloristy, literárního vědce: Jiří Horák (1884–1975)* // *Universitas*. Roč. 37. 2004. Č. 4. S. 17–18; *Horák J. Z dějin literatur slovanských. Stati a rozpravy*. Praha, 1948; *Život plný střetů. Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978)*. Praha, 2009. См. Рецензию: *Pospíšil I. Kritické myšlení je často bojem proti všem (Život plný střetů. Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978))*. Praha, 2009) // *Новая русистика*. Roč. 3. 2010. Č. 2. S. 120–123.

другую концепцию. В ее рамках ось «чешская литература – южнославянские литературы» представляется более значимой, хотя он, разумеется, признает мировое значение русской и польской литератур, главным образом отдельных периодов их развития. Толкование Вольмана имеет, по сути своей, два ядра: это устный эпос и романтическая лирика. Как можно заметить, они генетически взаимосвязаны. Здесь Вольман прослеживает основной содержательный и формальный признак южнославянской и восточнославянской эпики и лирики, а также западнославянской лирики, в которой он ищет отражение соотношений человека и действительности. Казалось бы, внимание Вольмана направлено скорее на крупные литературные блоки, проиллюстрированные примерами конкретных авторов и произведений. Однако он точен и динамичен в деталях, в своем видении развития отдельных авторов: Ю. Словацкий, по его мнению, предвосхищает модернизм, Н.К. Батюшков стремится к неоклассицизму, у Н.С. Лескова (чье имя в первом издании отсутствует даже в указателях) он нащупывает способность к типизации и фабуляции, а также знание национальной жизни.

Вольмановская парадигма развития является попыткой сохранить цельность и целостную основу славянских литератур, начиная со следов мистического творчества, церковнославянской грамотности и возникновения западнославянской письменности и заканчивая Реформацией, гуманизмом, католицизмом и барокко, вплоть до подъема народной словесности и ее влияния на романтизм, имевший как автохтонные, так и инонациональные идейные источники (в первую очередь немецкие и английские). На этом едином полотне, тем не менее, можно обнаружить пробелы, царапины и трещины, вызванные неравномерностями и сложной судьбой славянства. Одновременно Вольман заметил, что именно эти «недостатки» славянских литератур и регресс в их развитии могут принести с собой новые образования и новые импульсы к развитию. Так, удивительным образом может случиться, что славянские

литературы в какой-то момент окажутся на переднем плане в процессе развития. Вольман видит это, к примеру, у Петра Великого (его он называет первым европейским просвещенным монархом, появившимся задолго до западноевропейских и центральноевропейских «философов на троне»), далее в русской литературе XIX в., а также, к примеру, у Карела Гинекса Махи, в котором Вольман видит вершину европейского романтизма и которого ставит — еще вопрос, насколько заслуженно — выше Пушкина и польских романтиков⁸.

Хотя «Словесность славян» ценилась и ценится главным образом за содержащиеся в ней теоретические и концептуальные «искры», а также в качестве важного учебного материала, все же особо важна ее историко-литературная роль⁹. Европейские парадигмы кажутся Вольману не особенно подходящими и довольно ограниченными применительно к южнославянским и восточнославянским литературам. Иначе говоря, они полезны лишь в качестве фона действительной, реально существующей типологии. И здесь возможны два варианта: или радикальное решение в виде коренного сдвига в развитии, основанного на так называемой задержке, или более умеренный, поступательно-эволюционный вариант, который и предлагается в данном случае. Именно так, например, построена парадигма развития русской литературы, созданная в 1970-е гг. Вадимом Кожинным¹⁰.

⁸ См.: *Pospíšil I.* Frank Vollman i jeho polemiky o panslavizme // *Panslavizm wczoraj, dziś, jutro*. Siedlce, 2016. S. 147–160; *Поспишил И.* «Словесность славян» Франка Вольмана и русская литература: (Размышления по поводу нового чешского издания известной книги) // *Универсалии русской литературы*. 4. Воронеж, 2012. С. 185–196.

⁹ См.: *Wollman F.* Slovesnost Slovanů. Praha, 1928. Новое исправленное и дополненное издание: *Wollman F.* Slovesnost Slovanů. Brno, 2012. Немецкий перевод и сопровождающие статьи: *Wollman F.* Die Literatur der Slawen. Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Oxford — Wien, 2003; *Pospíšil I., Zelenka M.* Mitteleuropa als Knotenpunkt der Methodologien. Frank Wollmans Slovesnost Slovanů — Traditionen und Zusammenhänge // *Frank Wollman: Die Literatur der Slawen*. S. 7–30; *Pospíšil I.* Sieben Bemerkungen zu Frank Wollmans Slovesnost Slovanů // *Frank Wollman: Die Literatur der Slawen*. S. 355–362.

¹⁰ *Кожин В.* К социологии русской литературы XVIII–XIX веков (К проблеме литературных направлений) // *Литература и социология*. М., 1977. С. 137–177.

Основной тезис Вольмана заключается в том, что славянские литературы возникали на европейских культурных перекрестках как продукт средиземноморского культурного типа. В этом Вольман превосходил похожие концепции Диониза Дюришина и итальянских компаративистов¹¹. Русская литература, в понимании Вольмана, не может не занимать ключевого положения, причем не только в количественном смысле. Это определяется ее международным значением, которое, начиная с XVIII в., постепенно увеличивалось, но полностью было завоевано в последующем столетии. Тем не менее, необходимо осознавать тот факт, что Вольман, как чешский ученик Матиаша Мурко (1861–1952)¹², должен был склоняться к южнославянскому фольклору (позднее он вместе со своими словацкими учениками занимался собиранием словацких сказок), а будучи чехом, близким к польской культуре, он не мог недооценивать чешскую и польскую национальные литературы. Это особенно заметно в тех местах, где он выделяет чешскую готическую литературу XIV в., польский Ренессанс и гуманизм, романтизм и поэму К. Г. Махи «Май».

Проблема заключается в том, что Вольман не слишком задумывался над тем, почему в XIX в. русские достигли таких успехов в литературе, шокировав мир романами Л. Толстого, Ф. Достоевского, а позднее неудавшимися драматическими романами

¹¹ Il Mediterraneo: una rete interletteraria. A cura di Dionýz Ďurišin e Armando Gnisci. Roma, 2000.

¹² См.: Matija Murko v myšlenkovém kontextu evropské slavistiky. Brno, 2005; *Pospíšil I.* Matija Murko a vybrané problémy literární vědy // Matija Murko v myšlenkovém kontextu evropské slavistiky. S. 46–53; *Pospíšil I.* Poznámky k žánrovým a narativním aspektům Murkových Pamětí // Murkova epocha slovanské filologie. Praha, 2003. S. 80–84; *Pospíšil I.* Ještě k metodologii Murkovy literárněvědné práce (Problém německého vlivu na český romantismus a první kroky ruského románu) // Sto let slovenistiky na Univerzitě Karlově v Praze. Pedagogové ve stínu dějin. Praha, 2014; *Pospíšil I.* Nekaj razmišljanj o filoloških konceptih Matije Murka: trajnost in minljivost // Primerjalna književnost. Let. 35. Št. 3. Ljubljana, 2012. S. 179–191. См. также работу Ф. Вольмана о южнославянской драме (словенской, хорватской и сербской), вошедшую затем в его книгу «Драматургия славянского юга» (*Dramatika slovanského jihu*, 1930).

и романскими хрониками Н. Лескова и, наоборот, поразив его новеллистическим мастерством И. Тургенева. Таким образом, Достоевский в его концепции не достигает желаемой аксиологической позиции.

В последние два десятилетия прошлого века в чешском и словацком достоевсковедении доминирует творчество двух ведущих литературоведов: Франтишека Каутмана и Андрея Червеняка. В их работах представлены зачастую противоположные, но в то же время взаимно дополняющие, комплементарные подходы к произведениям русского классика.

Даже после того, как о Достоевском высказывались многие корифеи, русские и зарубежные¹³, не перестало быть аксиомой то, что изучение творчества Достоевского разделилось на два этапа — до Михаила Бахтина и после него, хотя бахтинские концепции тоже уже стали предметом критики, и их всеобщий характер заметно редуцировался. Ныне на Бахтина смотрят как на историческое явление, именно так он и истолковывается¹⁴. И все же несомненно то, что ему удалось проникнуть в сущность Достоевского. Тем не менее, ни один из авторов и ни одна из концепций, критикуемых М. Бахтиным во введении ко второму изданию его книги «Проблемы поэтики Достоевского» (1963, первоначально «Проблемы творчества Достоевского», 1929, 2-е изд. — Киев, 1994), не были незначительными. Каждый из упомянутых им авторов своими исследованиями внес вклад в «большое время воскресения».

¹³ См., например: *Бердяев Н.* Мировоззрение Достоевского. Прага, 1923; *Calteau J.* La Création littéraire chez Dostoïevski. Paris, 1978; *Terras V.* The Young Dostoevsky (1846-1849). A Critical Study. Hague, 1969; *Belknap R.L.* The Structure of the Brothers Karamazov. Paris, 1967 (в переводе на русский: *Бэллэп Р.Л.* Структура братьев Карамазовых. СПб, 1997); *Ветловская В.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977; *Ветловская В.* Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2008.

¹⁴ *Tihanov G.* The Master and the Slave. Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford, 2000. См. наше размышление: *Pospíšil I.* Teoretická konstrukce a naplněnost kontextu (In margine «nové západní literárněvědné rusistiky») // Opera Slavica. Roč. 16. 2006. Č. 3. S. 31-36.

То, что Достоевский имеет прямое отношение к развитию литературы вообще и жанра романа в частности, очевидно. Ранее мы уже продемонстрировали его связь с предшествующей русской литературой, с английским и французским романом, с «готической» традицией, циклизацией, натуральной школой и т.п.¹⁵ Поиск творческих взаимосвязей в наследии Достоевского, появляющийся время от времени в научной литературе, может, тем не менее, до известной степени заслонить собственную оригинальность Достоевского и некоторые автохтонные корни его творчества. Хотя нельзя отрицать, что Достоевский принадлежал к русским гофманистам, однако некоторые темы и группы мотивов в его творчестве, пожалуй, неверно было бы однозначно истолковывать лишь как влияние романтизма и непосредственно Э.Т.А. Гофмана. В этом заключается и проблема тайны всей так называемой «русской классики», иначе говоря, русской литературы «золотого века»: с одной стороны, как позднее писал Д.С. Мережковский, она утилитарна — служит обществу, политике, революции, контрреволюции, консерватизму или радикализму; с другой стороны, произведения ряда лучших ее представителей высоко художественны. Думается, что именно русская классика — в отличие от ее европейской сестры — знала тайный эликсир алхимической перестановки этической и эстетической функции искусства: Достоевский, безусловно, публицист, актуальный для общества, злободневный, но одновременно с этим создающий почти модернистские словесные структуры. От его внука Андрея Федоровича Достоевского и опосредованно от писателя Даниила Гранина¹⁶ нам известно, каким реалистом был Достоевский, чуть ли не фотографом. Свои сюжеты он часто основывал на известных криминальных событиях тех лет («Бесы») точно так же, как и Н. С. Лесков, создававший

¹⁵ См.: *Pospíšil I.* Rosyjskie i czesko-niemieckie inspiracje gotyczne. Porównanie aspektów rozwoju // *Wokół gotycyzmów. Wyobraźnia, groza, okrucieństwo*. Kraków, 2002. S. 243–250; *Pospíšil I.* Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti. Brno, 2005.

¹⁶ См. эссе Д. Гранина «Тринадцать ступенек». — *прим. ред.*

«Леди Макбет Мценского уезда», опираясь на материалы орловского суда. Фиктивное действие своих произведений (например, романа «Преступление и наказание») Достоевский связывал с конкретным топосом: в Санкт-Петербурге ему были досконально известны места, связанные с преступлением Раскольникова, и он подробно описывал каждую деталь (камни, лестницы и т. д.).

Связь Достоевского с сюрреализмом уже была неоднократно прокомментирована. Известно, что А. Бретон в «Манифесте сюрреализма» (1924) обращается к Достоевскому, но несколько амбивалентно: он одновременно и чужд, и близок ему. Впрочем, это именно то, чего добивался сам Достоевский: быть «реалистом в высшем смысле», то есть быть за реализмом, как А. Крученых был «за умом», но в то же время не быть ничем иным. Только тогда, когда стали глубоко изучаться взаимосвязи Достоевского с автохтонной русской культурой, оказалось, что среди значимых для него ориентиров есть, к примеру, Гоголь, которого тот хотя и пародировал (см. известную статью Тынянова о теории пародии¹⁷), но одновременно доказывал свою близость к нему. То, с помощью чего Достоевский преодолел связи с традициями и что давало ему право называть самого себя «реалистом в высшем смысле», заключалось в чем-то очень специфическом. Достоевский парадоксальным образом использовал потенциал романа и этим ошеломлял читателей и специалистов. Он близок сюрреалистам именно этим соединением формально несоединимого.

Франтишек Каутман (1927–2016) — журналист, редактор, литературовед и критик, переводчик, издатель, поэт и прозаик, культурный деятель, подписавший Хартию-77, член Международного Общества Достоевского (International Dostoyevsky Society), член Общества Ф. К. Шальды, один из основателей и секретарь Клуба освобожденного самиздата — посвятил Достоевскому значительную

¹⁷ Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Петроград, 1921. — прим. ред.

часть своего творчества. Он рассматривал его прежде всего как автора экзистенциального и истолковывал, в первую очередь, на основании его поэтики («Борьба за Достоевского», *Boje o Dostojevského*, 1966; «Литература и философия», *Literatura a filosofie*, 1968, «Ф.К. Шальда и Ф.М. Достоевский», *F. X. Šalda a F. M. Dostojevskij*, 1968; «Достоевский — вечная проблема человека», *Dostojevskij — věčný problém člověka*, 1976, изд. 1992). Еще один достоевсковед — словацкий ученый Андрей Червеняк (1932–2012) — написал книгу «Загадка Достоевского. Достоевский в рецепции» (*Tajomstvo Dostojevského: Dostojevskij v recepcii*, 1991) и был инициатором дискуссии на тему «Легенды о Великом инквизиторе» (*Rozjímanie o Veľkom Inkvizítorovi. F. M. Dostojevskij*, 2005).

Чешскому достоевсковеду Ф. Каутману всегда были свойственны оригинальность, чувствительность и скепсис: он обнаруживает неожиданные аспекты творчества самых разных авторов, например, С.К. Нейманна, своеобразно анализирует творчество Достоевского, Ф. Кафки, Э. Гостовского, Т. Масарика, Ф. Шальды, Я. Паточки, демонстрируя чехам импульсы литературной критики русских революционных демократов и применяемую в литературоведении герменевтику (в статье «Герменевтика и интерпретация», 1969, изд. 1996). Роман Каутмана «Мертвое плечо» (*Mrtvé rameno*, 1977, изд. 1992) отличается исповедальной формой повествования: это горькая исповедь убежденного марксиста, блестяще демонстрирующая анатомию и физиологию человека эпохи чехословацкого коммунизма вплоть до начала 1970-х гг., сквозь которую слышны тонкие отголоски конкретной политической ситуации. Каутман — мастер глубинного восприятия меняющейся общественной атмосферы, сдвигов значений, конфликтов и контрастов идей и быта, идеологии и темной болезненной эротики. Герой, напоминающий некоторыми своими чертами и историей жизни антигероя «Записок из подполья» Достоевского, чувствует вину по отношению к бывшей любовнице Маркетке, которую из-за него исключили из

вуза. Позже он возвращается к размышлениям о жизни и мировоззрении своего отца, поклонника Т. Масарика, с которым в юности, будучи молодым радикалом, остро полемизировал. Наиболее тонко, однако, Каутман описывает изменения в быту героя к концу 50-х гг. XX в.¹⁸ Роман является основой для других, более метатекстовых конструкций с более сложной структурой повествования.

Самым устойчивым слоем каутмановского романа является, пожалуй, его полускрытая русская аллюзивность — редкое явление в новой чешской литературе, за исключением, может быть, традиции стерновской дигрессии, кафковского абсурда и отчуждения или — иногда иронизируемой — чапековской стилизации в его ранних «чеховских» или позже детективных рассказах, а также в романной трилогии 1930-х гг. Это проявляется, например, на лексическом уровне: *чеш.* “oživeně” (*рус.* «оживленно») вместо “živě”; “sledy písmen” (*рус.* «следы букв») вместо “stopu písmen”, “medvědí úsluha” (*рус.* «медвежья услуга») вместо “medvědí služba”. На уровне метароманности здесь обнаруживаются разного рода намеки на Достоевского, Пастернака и др. Наиболее глубоки русские аллюзии на уровне поэтики: трагическое предзнаменование — сон о сыне, исчезнувшем в грязи; антиципационные элементы; конкретно о связи с поэтикой Достоевского свидетельствуют исповедальность, сам жанр идеологической беседы, детектива, наличие эпилога. Очень русскими кажутся также размышления о сожжении рукописей (аллюзии на Гоголя, на булгаковское «Рукописи не горят»), а также ирония и самоирония.

Если Каутман воспринимает Достоевского в своем собственном романном творчестве и в своих теоретических и исторических трудах как экзистенциального автора, то словак русинского происхождения Андрей Червеньяк (1932–2012) смотрит на его наследие как на яркое проявление антропологического принципа в

¹⁸ *Kautman F. Mrtvé rameno. Praha, 1992. S. 113–116.*

литературе. С Каутманом я последние пятнадцать лет его жизни регулярно встречался в Праге в кафе «Славия», где мы вели беседы о литературе и состоянии современного мира. С Червенияком же меня связывали дружеские отношения и совместное участие в исследовательских проектах словацких университетов в городах Нитра и Банска-Быстрица, в рамках которых мы рассматривали романтизм с антропологической точки зрения¹⁹. Относительно его творчества, связанного в том числе с Достоевским, ссылаюсь на наши статьи и рецензии²⁰.

В книге «Сны Достоевского. Эссе и статьи о снах и Достоевском» (*Dostojevského sny. Eseje a štúdie o snoch a Dostojevskom*, 1999) Червенияк пишет, что с ранней молодости прикосновение к Достоевскому действовало на него магически. Его концепция сна отличается

¹⁹ См.: *Pospíšil I. Romantismus slovanský, evropský a světový: šíře a hloubka // Slovanský romantismus v európskych súvislostiach*. Banská Bystrica, 2006. S. 8–21.

²⁰ Личности и творчеству А. Червенияка я уделял внимание с статьях и рецензиях, начиная с 1990-х гг., например: *Pospíšil I. Dostojevskij pro čtenáře (A. Červeňák: Tajomstvo Dostojevského, F.M. Dostojevskij v recepcii*. Nitra, 1991) // Opera Slavica. Roč. 3. 1993. Č. 1. S. 51–53; *Pospíšil I. Andrej Červeňák: Zázračno literatúry I*. Nitra, 1994 // Slavia. Roč. 64. 1995. Č. 3. S. 319–321; *Pospíšil I. Sny a literatura [Andrej Červeňák: Dostojevského sny (Eseje a štúdie o snoch a Dostojevskom)*. Pezinok, 1999] // HOST. Roč. 15. 1999. Č. 8. S. XIII–XIV; *Pospíšil I. Koryfej československé rusistiky a slavistiky (K 70. narodeninám Andreje Červeňáka)* // Slavia Litteraria. Roč. 5. 2002. Č. X. 5. S. 105–106; *Pospíšil I. Slovenský přítel Brňanů má sedmdesát (A. Červeňák)* // KAM-příloha. Roč. 8. 2002. Č. 6. S. XV–XVI; *Pospíšil I. Přítel brněnské univerzitní slavistiky jubluje: k sedmdesátinám prof. PhDr. Andreje Červeňáka, DrSc.* // Univerzitní noviny. Roč. 9. 2002. Č. 4. S. 73; *Pospíšil I. Sedmdesátník Andrej Červeňák: jubileum vědecké osobnosti československé rusistiky a slavistiky* // Opera Slavica. Roč. 12. 2002. Č. 1. S. 41–42; *Pospíšil I. Dva rusistické sborníky z Nitry ve znamení kreativity Andreje Červeňáka (Andrej Červeňák: Človek a text*. Nitra, 2001; Vladimír Solovjov po sto rokoch. Nitra, 2001) // Opera Slavica. Roč. 12. 2002. Č. 1. S. 50–53; *Pospíšil I. Andrej Červeňák: Pohled z druhé strany // Život a dielo Andreja Červeňáka*. Nitra, 2002. S. 188–210; *Pospíšil I. Literární věda v česko-slovenském kontextu // Česko-slovenské vztahy v slovanských a středoevropských souvislostech (Mezilitérnost a areál)*. Brněnské texty k slovastice IV. Brno, 2003. S. 195–210; *Pospíšil I. Literatura, člověk a přesahy (Andrej Červeňák: Začiatky a konce*. Bratislava, 2002) // Slavia Litteraria. Roč. 6. 2003. Č. 6. S. 204; *Pospíšil I. Úvahy teoretika (Červeňák, A.: Literárno-teoretické reflexie o slovanskom romantizme a problémoch translatológie*. Banská Bystrica, 2003) // Opera Slavica. Roč. 13. 2003. Č. 3. S. 58–59; *Pospíšil I. Andrej Červeňák, Miloš Ferko, Dalimír Hajko, Ján Tužinský*. Bratislava, 2005.

от концепций рационалистских критиков: он считает сны самым таинственным проявлением человеческой души, связывающим человека с глубинными силами космоса. Таким образом он анализирует, например, три сна Родиона Раскольникова, сон Алеши Карамазова, сон «смешного человека», в котором он исследует сон как катарсис и символ. Он в совершенстве играет с текстом и с внетекстуальными контекстами у Достоевского, конкурируя с Каутманом при помощи методологии современной антропологии и семиотики. Во введении к статье «Человек и текст» (*Človek a text*, 2001)²¹ Червенияк задумывается над катастрофическими представлениями будущего человечества в связи с предвосхищениями Достоевского.

В самом конце нам остается ответить, пользуясь словами самого Достоевского, на «проклятый вопрос» о роли Достоевского в истории литературы и культуры. Есть авторы, которые одновременно явились и инициаторами, и завершителями — это Ломоносов, Пушкин, Достоевский, с творчеством каждого из них что-то прежнее кончается, а что-то новое начинается. Ломоносов — завершитель одного этапа русской культуры и науки в широком смысле и открыватель следующего. Пушкин — завершитель классицизма и зрелого романтизма, постромантик и в то же время инициатор русской прозы нового времени, с ее лаконичностью, краткостью. Одну из своих книг, изданную в честь двухсотой годовщины со дня рождения великого русского поэта, я назвал «На форпостах Европы»²², а одну из глав в ней — «Мост, протянутый сквозь время и пространство». В Достоевском же, кроме антиципации модернизма из самого центра реализма, мы еще видим важнейшее свойство не только зачинателя новой поэтики мирового романа, но и автора нового литературного кода.

²¹ Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta, katedra rusistiky, Nitra 2001.

²² *Pospíšil I.* Na výspě Evropy. Skici a meditace k 200. výročí narození A.S. Puškina. Brno, 1999.

Восприятие творчества Ф.М. Достоевского в чешской культуре и обществе

Уже более столетия в мировой гуманитарной науке продолжают исследования о Достоевском и о его роли и влиянии в мировой культуре. Связи русского классика с Чехией многогранны, и несмотря на, казалось бы, всестороннюю разработанность, нам продолжают открываться все новые, неожиданные стороны этой темы. Интерес к ней и у нас, и в Чехии, судя по количеству все новых работ, в том числе дипломных, за последние годы, не угасает, а у молодежи лишь растет.

Ю.И. Щербина из Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога (факультет гуманитарных наук Высшей школы экономики) в 2019 г. защитила диссертацию «Интерпретация произведений Ф.М. Достоевского в чешской философии XX века», где основная часть посвящена Достоевскому как социальному философу в размышлениях Т.Г. Масарика о судьбах Чехословакии. В Санкт-Петербурге темы, связанные с Достоевским в Чехии, активно разрабатывает С.С. Сивак¹.

Российские богемисты старшего поколения, главным образом, из Петербурга (О.М. Малевич, И.М. Порочкина), активно занимались русско-чешскими литературными связями, в которых Достоевский всегда занимал большое место. Он, наряду с Чеховым и Гоголем, принадлежит к тем русским писателям, с чьими героями чехи встречались чаще всего — в книгах, кино, театре.

¹ Сивак С.С. Достоевский в чешских переводах (к проблеме перевода ключевых слов) // Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 3. СПб., 2006. С. 222-231; Она же. Творчество Ф.М. Достоевского в чешской русистике // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. № 130. СПб., 2011. С. 160-165.

Достоевский, в отличие от многих других писателей, при жизни популярностью в Чехии не пользовался. Начиная с 1862 г. он несколько раз выезжал за границу, в общей сложности прожил там около пяти с половиной лет, но лишь однажды, в 1869 г., заехал в Прагу и пробыл там всего три дня. Настоящий путь его книг к чешской публике и чешскому читателю начался уже после смерти автора, хотя и до этого здесь публиковались отрывки из его произведений и статьи о нем.

Интерес чешской критики к Достоевскому начался с журнальных публикаций о его творчестве в России. Первым стало сообщение В. Стоянова о выходе романа «Преступление и наказание», напечатанное в литературном приложении к газете «Пражские новости» (*Pražské noviny*) — журнале «Ческа вчела» (*Česká včela*), чьим главным редактором в 1846 г. стал К. Гавличек-Боровский². С изданием в Чехии 18-томного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 1891–1922 гг. в издательстве «Отто» творчество писателя стало естественной составной частью чешской культуры. Его восприятие явилось важной составляющей традиции своеобразного оценивания чехами русской культуры, характер которого с 90-х гг. XIX в. определяли В. Мрштик, Ф. К. Шальда и, конечно, Т.Г. Масарик. Франтишек Каутман (1927–2016), философ, литературный критик и историк, переводчик и писатель, автор огромного числа статей, нескольких монографий и романов, является, вероятно, самым известным чешским исследователем Достоевского и одним из тех, кто возродил Общество Достоевского в Праге³. Полная библиография работ Ф. Каутмана и исследований о нем самом представлена в материалах симпозиума к его 85-летию в 2012 г.⁴ А библиографию книг и статей о Ф.М. Достоевском, изданных в Чехии / Чехословакии до

² *Stojanov V.* Česká včela. Roč. 2. 1867. Č. 8. S. 29.

³ *Каутман Ф.* Моя жизнь с Достоевским (1957–1997) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 24. СПб., 2008. С. 223–253.

⁴ Na trnitých cestách života a tvorby. Sborník příspěvků ze symposia pořádaného u příležitosti jubilea Františka Kautmana. Praha, 2015.

2005 г. на русском и чешском языках, подготовила Милуша Бубеникова⁵. Ею же собрана информация о постановках Достоевского на чешских драматических сценах в период с 1900 до 2003 гг.

О Достоевском пишут очень многие чешские критики, и не только русисты. В 2008 г. вышла книга самого известного гашековеда Радко Пытлика (1928–2022)⁶, и в том же году вышел «Словарь русско-чешских литературных связей», которую подготовил коллектив авторов под руководством Мирослава Заградки⁷, где Достоевскому отведено важнейшее место. В течение многих лет активно писали о русском классике Иво Поспишил⁸, подготовивший коллективную монографию на русском языке «Ф.М. Достоевский: состояние и современное значение» (Брно, Масариков Университет, 2019), Кветуше Лепилова (1933–2020), Владимир Сватонь, Дануше Кшицова⁹ и многие другие. Ноябрь 2021 г. в связи с 200-летним юбилеем русского писателя стал в Чехии воистину месяцем Достоевского. Его вспоминали самыми разнообразными мероприятиями. В частности, Общество Достоевского и его руководство в лице Радки Гржибковой и Милуши Бубениковой, а также директор Славянской библиотеки Лукаш Бабка организовали семинар, названный «Федор Достоевский 1821–1881–2021», проходивший в Клементинуме — комплексе старейших исторических зданий Праги, где сейчас располагается Национальная библиотека Чешской Республики и где Достоевский лично побывал в августе 1869 г.¹⁰

⁵ Бубеникова М. Достоевский в Чехии // Достоевский и XX век. Т. 2. М., 2007. С. 396–412.

⁶ Pytlík R. F.M. Dostojevskij — život a dílo. Praha, 2008.

⁷ Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ústí nad Orlicí, 2008.

⁸ Pospíšil I. Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti. Brno, 2005; Pospíšil I. Ruská literatura: setkání a konfrontace. Brno, 2020.

⁹ Лепилова К. Ф.М. Достоевский в глубине души в Чехии // Динамика řečové a literární komunikace («Multimediální čtenář»). Ostrava, 2002; Лепилова К. Ф.М. Достоевский в Чехии // Вестник Московского университета. Сер. 19. 2002. № 1. С. 130–137; Kšicová D. Svatební cesta F.M. Dostojevského. Brno, 2011.

¹⁰ Dostojevskij v Klementinu [Электронный ресурс] // Česko-ruská společnost z.s. URL: <https://www.sprn.cz/?id=609062&action=detail> (дата обращения: 27.05.2022).

Чешская традиция, открытая восприятию русской культуры, позволила в 1930 г. основать в Чехословакии Общество Ф.М. Достоевского. Для освоения творчества писателя в чешском обществе были благоприятные условия, и в эти годы Прага стала настоящим международным центром научного изучения трудов Достоевского. Еще в 1925 г. в Русском свободном университете был организован семинар по изучению его творчества, который существовал до середины 1930-х гг. и душой которого был А.Л. Бём (1886—1945?), чья точная дата смерти неизвестна, и никаких достоверных документов, свидетельствующих о его гибели, до сих пор не обнаружено. Это был выдающийся специалист по творчеству Достоевского, профессор Карлова университета, организатор литературной жизни в среде русской молодежи¹¹. Кроме Общества Достоевского, существовало также просветительское Чешско-русское объединение (*Česko-ruská jednota*), которое проводило еженедельные культурные вечера и чтение лекций. В создании и деятельности Общества принимали участие и русские эмигранты, и чешские литературоведы, и представители других гуманитарных дисциплин, люди, различным образом соприкасавшиеся с творчеством Достоевского и с русской культурой. Общество, как и семинар Достоевского, просуществовало до 1939 г., когда после прихода нацистов к власти было принято решение о его закрытии. Спустя много десятилетий, в апреле 2004 г., пражское Общество Достоевского было воссоздано. Члены его собираются дважды в год и активно занимаются изучением Достоевского. Так, на заседании Общества в апреле 2005 г. была представлена книга Ф. Каутмана «Ф.М. Достоевский: вечная проблема человека». В июне того же года состоялась презентация книги «А. Бём / В.И. Срезневский. Переписка 1911–1936» (сост. М. Бубеникова и А.Н. Горяинов).

¹¹ Малевич О. К вопросу о роли А.Л. Бёма в русской культуре первой половины XX века (А.Л. Бём в пражском «Ските»)// Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн. 1. СПб., 2000. С. 308–314.

В богатом на юбилеи 2006 г. в Чехии прошли конференции, симпозиумы, семинары, выставки. Так, 27 ноября 2006 г. в Праге в Национальной библиотеке прошел симпозиум под названием «Достоевский сегодня», посвященный 500-летию рода Достоевских. Состоялся он благодаря тесному сотрудничеству Общества Достоевского, кафедры русистики педагогического факультета Карлова университета, Славянской библиотеки и Чешской ассоциации русистов. Общество Достоевского было соорганизатором и вышеупомянутого симпозиума в Клементинуме, проходившего 11 ноября 2021 г., на котором выступали многие выдающиеся чешские слависты¹².

Влияние Достоевского мы можем обнаружить в творчестве большого числа чешских авторов XX в., среди которых Ю. Зейер, Й. Гора, В. Ванчура, Э. Гостовский, И. Волькер, В. Незвал и еще около тридцати авторов. К Достоевскому постоянно обращаются и сегодня, о нем думают, в его произведениях ищут образы для сравнений и примеров, им восторгаются и, напротив, отторгают, в нем пытаются найти ответы на вопросы о русском характере. Как писал Франтишек Кубка (1894–1969), чешский поэт, прозаик и мемуарист, «Достоевский был настолько великим творцом, что не только убедил мир в реальном существовании своих невероятно деформированных созданий: Карамазовых, Раскольниковых, Ставрогиных, но и превратил их в типы, на которые до сих пор нами делится русская душа»¹³. Для чехов Достоевский, вероятно, был и остается главным источником познания этой самой русской души, характера, судьбы, символом духовной жизни России. Либор Дворжак¹⁴,

¹²Program odborného semináře [Электронный ресурс] // Národní knihovna ČR. URL: <https://text.nkp.cz/aktuality/slovanska-knihovna/dostojevskij-2021-program> (дата обращения: 01.06.2022).

¹³ *Kubka F.* Nelze mlčet o Dostojevském. Proslov k zahájení Výstavy "Dostojevskij a česká literatura" v Praze // *Nový Život*. 1956. Č. 12. S. 254–257.

¹⁴ *Герчикова И.* Русская литература в чешских переводах (Либор Дворжак) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы*. М., 2017. С. 434–442.

русист, переводчик русской классической и современной литературы, в частности «Братьев Карамазовых», которого часто называют главным специалистом по России в Чехии, в своем недавнем интервью отметил: «Достоевский — сложная гениальная личность, в своих произведениях он сумел выявить самые скрытые глубины русской души. В «Братьях Карамазовых» находится ключ к ее постижению. Так было во времена Достоевского, так остается и сегодня»¹⁵. В этом интервью Дворжак говорит о тонкой грани между любовью и ненавистью, о тяге русских к авторитаризму, о покорности и даже мазохизме. В целом, считает он, в России воспринимают Достоевского иначе, нежели в Чехии: для русских важен патриотизм Достоевского, его недоверие к Западу, мессианская концепция, тогда как чехов волнуют скорее психологические и личностные аспекты. Эта разница восприятия наглядно проявляется в чешском театре, на сцену которого Достоевский попал уже в начале XX в.

Первая чешская постановка по роману «Преступление и наказание» состоялась в Праге в Театре имени Шванды (*Švandovo divadlo*) в 1900 г. Это произведение за более чем столетнюю историю всех постановок произведений Достоевского в Чехии оказалось самым инсценируемым. Бум на сценические воплощения Достоевского в Чехии пришелся на 1920–30-е гг., когда спектакли по его романам ставят лучшие чешские режиссеры межвоенного периода: Я. Бор, К. Достал, Ф. Гётц. В 1922 г. пражане увидели «Идиота» в Театре имени Шванды, в 1928 г. — «Преступление и наказание» в Национальном театре в Праге. В том же театре в 1930 г. состоялась постановка «Бесов», а в 1931 г. в Театре на Виноградах чешской публике был представлен спектакль по «Братьям Карамазовым». Все эти инсценировки становились важными культурными событиями, а работа над текстами Достоевского для многих участников

¹⁵ Hron L. Ruský mazochismus, temné hlubiny duše a běsi. Rozhovor s L. Dvořákem. 11. listopadu 2021 [Электронный ресурс]// CNN Prima news. URL: <https://cnn.iprima.cz/temne-hlubiny-duse-besi-rusky-masochismus-pred-200-lety-se-narodil-dostojevskij-50806> (дата обращения: 27.05.2022).

творческого процесса была, по их словам, самым значительным периодом в их творческой жизни. Например, для актера Зденека Штепанека (1896-1968), выступавшего в ролях Раскольников, Ставрогина, Мышкина, Мити Карамазова, или режиссера-постановщика Яна Бора (1886-1943), показавшего на сцене романы «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Идиот». Ф. Каутман писал, что в 1930-е гг. в Чехии не было такой творческой области, в которой не проявилось бы мощное влияние Ф.М. Достоевского. Согласно с ним и М. Бубеникова, добавляя, что «это касалось не только 1930-х гг., а уже и второй половины 1920-х гг., и некоторой вершиной восприятия Достоевского в чешской культуре и обществе стала 50-я годовщина смерти писателя в 1931 г.»¹⁶

Из постановок послевоенного периода прежде всего следует отметить работы выдающегося режиссера Э. Ф. Буриана, который еще раньше, в 1940 г., перенес на театральную сцену «Село Степанчиково», а уже после войны — «Белые ночи» (1946) и «Дядюшкин сон» (1947). Эти постановки запомнились смелыми и яркими режиссерскими решениями, оригинальной работой сценографов Й. Свободы, Я. Малины, М. Розкопфовой. Большое значение Буриан придавал «музыкальности» представления, под которой он понимал подчинение жестов, движений актёров определённому музыкальному ритму. Такой индивидуальный режиссёрский стиль в сочетании с принципом «ироничной условности» способствовали отходу от реализма как в актёрском исполнении, так и в постановочных замыслах. В инсценировках по Достоевскому Буриан применял новаторские методы (работа с метафорой, символикой) и изобретения (театральный граф, голосовая полоса). В целом нужно отметить, что чешский театр 2-й половины XX в. практически отказался от привычных штампов старой инсценировки, сосредоточившись не на концепции Достоевского и его глубинной философии, а на выразительной стороне спектакля: картинке, символике, декорациях, пластике.

¹⁶ Бубеникова М. Достоевский в Чехии // Достоевский и XX век. Т. 2. М., 2007. С. 366.

За пятьдесят лет с 1960 г. до 2010 г. всего в Чехии было осуществлено 105 постановок по произведениям Достоевского, которые шли по всей стране: в Праге, Брно, Остраве и многих других городах. При этом самым плодотворным периодом стали 2000–2004 гг., когда чешские театры показали 24 постановки по Достоевскому. (Для сравнения: за период с 2004 по 2009 гг. их было всего 6). За все эти годы чаще всего чешские режиссеры обращались к романам «Идиот» (20 раз), «Преступление и наказание» (17) и «Братья Карамазовы» (15)¹⁷.

Среди наиболее интересных и значительных спектаклей этого периода выделяют «Преступление и наказание» (1966) в пражском «Чиногерним клубе» (*Činoherní klub*) в инсценировке А. и Я. Вострых и постановке режиссера Эвальда Шорма (1931–1988), заслужившего репутацию «совести новой волны» и «Великого Моралиста». В этом спектакле драматургов больше интересовали отношения Раскольникова с другими персонажами, нежели сама история преступления и его поиски социальных связей. Заканчивался спектакль не признанием Раскольникова, а его осознанием и принятием ответственности за совершенное.

Вторая важная чешская постановка по Достоевскому — «Братья Карамазовы» (1979) того же Э. Шорма в пражском театре «На забрадли» (*Na zábradlí*). В этом спектакле был важен самоанализ персонажей, ставших определенными психотипами: Федор символизировал чувственность, Дмитрий — страсть, Иван — разум, Алеша — благочестие, Смердяков — лесть. Великий инквизитор в инсценировке отсутствовал: Бог молчит, а персонажи сами становятся судьями.

Также особого внимания заслуживает спектакль «Бесы» (2002, режиссеры — Г. Бурешова, Ш. Отченашек, драматизация Альбера Камю) в пражском театре «Дивадло в Длоуге» (*Divadlo*

¹⁷ *Grebeníčková R.* Dilo F. M. Dostojevského jako zdroj divadelní inspirace. České inscenace z let 1900–1981. Praha, 1982; *Janoušek P.* Rozměry dramatu (kapitola "Karamazovci" // *Rozrazil*. Roč. 2. 2007. Č. 9–10. S. 59–62.

v Dlouhé). Режиссеры остановились на сокращенном варианте драмы Камю, который, по их мнению, ценен тем, что обогатил текст Достоевского коннотациями, связанными с трагическим опытом XX в. Авторы исходили из того, что Ставрогин — персонаж, который до конца не понятен даже самому Достоевскому. В чешской интерпретации он показан как человек, не знающий, что такое любовь, и живущий по принципу равнозначности поступков. Ставрогин сам по себе не зол, просто живет согласно тем теоретическим идеалам, которые поставил перед собой. Благодаря произошедшей трагедии он видит и принимает на себя часть ответственности за нее и оттого умирает духовно возрожденным и примиренным. В своей интерпретации текста Достоевского режиссер Бурешова ссылается на исследование выдающегося чешского философа Вацлава Черного¹⁸, чей текст был напечатан в программе постановки, согласно которому в романе существует три воплощения зла: Ставрогин, Кириллов и Петр Верховенский.

Это понимание идеологически отличается от концепции Владимира Моравека (род. в 1965), который видит центрального персонажа романа в Ставrogине. В. Моравек, известный своим авторским проектом «Чехов — чехам» и тремя постановками чеховских пьес, в начале XXI в. обратился и к прозе Достоевского. Его сценическая тетралогия — четыре спектакля, поставленные в 2003–2006 гг. в брненском театре «Гуса на провазку» (*Husa na provázku*, досл. Гусь на веревочке), — заслуживает самостоятельного исследования. Проект Моравека включил в себя следующие постановки: «Раскольников — его преступление и его наказание» (шел на сцене в 2003–2009 гг.), «Князь Мышкин — идиот» (2004, обновленная версия 2017 г. идет до сих пор), «Бесы. Ставрогин — дьявол» (2004–2008) и «Братья Карамазовы: Воскрешение» (2006–2008). Все они привлекли значительное внимание профессионалов

¹⁸ О В. Черном см. нашу статью: *Герчикова И.* Вацлав Черны (К столетию со дня рождения) // Славянский альманах. 2005. М., 2006. С. 340–345.

и широкой общественности, вызвали противоречивые оценки и ожесточенные споры. Говорили о том, что своими постановками Моравек «воскресил» медленно умирающий театр в Брно. Каждая его инсценировка уводила от оригинала, иногда намеренно противореча духу произведений русского писателя. Режиссер следовал принципам «трагического театра», подчеркивая особую катастрофичность, дух мрачной трагедийности русской литературы, берущий начало у Достоевского и продолжающийся в текстах Булгакова и затем Солженицына, и показал устрашающую картину низости, предательства, неверия, проклятий. В рецензии на один из спектаклей Моравека, которая называлась «Достоевский Моравек вырывает душу и сердце из тела», говорилось следующее: «Это инсценировка на грани безумия. Да где здесь Достоевский? Это исключительно Моравек»¹⁹.

Особо следует упомянуть о постановке по роману «Идиот», которую осуществил русский режиссер С. Федотов в Театре им. П. Безруча. (*Divadelní společnost P. Bezruč*) в г. Острава в 2004 г. На счету Федотова, художественного руководителя пермского театра «У Моста», — восемь спектаклей, поставленных в различных театрах Чехии, в основном классические пьесы. В одном из радиointервью режиссер говорил: «Я думаю, что их привлекает русская психологическая школа. В Чехии больше театра развлекательного, глубоких классических вещей меньше. И я решил, что моя задача — показать, как я вижу нашу классическую литературу»²⁰. По словам Федотова, в Чехии у него была «особая ниша, которую никто не занимал — ниша психологического театра с элементами мистического реализма». Современный чешский театр стремится к

¹⁹ *Vondráček L.* Morávkův Dostojevskij rve duši i srdce z těla // *Hospodářské noviny*. Roč. 49. 20.01.2005. Č. 14. S. 10.

²⁰ *Калинина О.* Лучший «чешский» режиссер Сергей Федотов [Электронный ресурс] // Czech Radio. 31.03.2004. URL: <https://ruski.radio.cz/luchshiy-cheshskiy-rezhisser-sergey-fedotov-8084984> (дата обращения: 27.05.2022).

авангардному и весьма вольному прочтению классики, Федотов же показал Достоевского, по его определению, «без примесей», определив жанр спектакля «Идиот» как «наваждение», и такая интерпретация классики была воспринята в Чехии весьма положительно.

Если Федотов создавал на сцене спектакли в духе классического театра, то целый ряд других спектаклей по прозе Достоевского оказались совершенно нетрадиционны и далеко ушли от первоисточника, тем не менее, обратив на себя внимание и критиков, и зрителей. Среди них спектакль «Ночной кошмар» (*Míra*) Театра «Коловрат» (*Kolovrat*), который игрался на камерной сцене пражского Национального театра, — театральная адаптация «Преступления и наказания» (премьера 21.05.1999, последний показ — 8 сентября 2001 г.). Вся эта постановка полностью посвящена судьбе лишь одного персонажа романа — Катерины Ивановны. Она сама со сцены описывает, что пережила со своим мужем, как любила и ненавидела его. У Достоевского она всего лишь эпизодический персонаж, а здесь становится главной героиней.

Еще одна постановка, в основе которой лежит роман «Преступление и наказание», — спектакль «Ночь нежна» (*Něžná je noc*, 2002, 2-я пост. 2011) пражского театра «Дивадло в Целетне» (*Divadlo v Celetně*). По своей сути это два моноспектакля: первая часть представляет собой одноименный монолог Мармеладова, вторая — рассказ Достоевского «Кроткая» (*Něžná*). В «Преступлении и наказании» Достоевского Мармеладов впервые встречает Раскольникова в пивной, когда тот садится рядом с ним и начинает пить, а в этой постановке всё повествование сосредоточено вокруг Мармеладова. В центре его рассказа — судьба его семьи, дошедшей до крайней бедности из-за его алкоголизма. Главный лейтмотив спектакля — алкоголь, а ключевая идея состоит в том, что одним людям приходится чем-то жертвовать ради благополучия

других. Об убийстве ростовщицы Алены Ивановны и ее сестры Лизаветы со сцены не упоминается вовсе, как нет здесь и главного героя романа Достоевского — Раскольникова.

Одна из недавних громких постановок «Преступления и наказания» — адаптация спектакля Анджея Вайды режиссером Я. Шмидом на сцене театра «Дивадло Д21» (*Divadlo D21*) в Праге (премьера 05.02.2020). Здесь эта известная инсценировка романа Достоевского претерпела значительные изменения, отклонившись от основной идеи польского режиссера. По Вайде, Достоевский предвидел ту идеологию, свидетелем которой ему довелось быть всю его долгую жизнь: везде и всегда, во все времена государство стремилось навязывать нам свое понимание нашего счастья для всех. «Меня интересовало в Достоевском не это, — признавался Вайда. — Меня привлекла фраза, которую произнес, обращаясь к Раскольникову, Порфирий Петрович: “У кого есть совесть, тот будет в этой совести видеть свое наказание”. Именно совесть — самое главное, что я вижу и ощущаю в великом Достоевском»²¹. В чешской постановке действие разворачивается в наши дни в некоем новом городском районе, где, по задумке режиссера, протекает жизнь «социально незащищенных слоев населения». По сравнению с романом Раскольников здесь менее зрелый и скорее напоминает сегодняшних беспечных молодых людей, не задумывающихся о своих действиях и о будущем вообще. Значительно отличается и общая тональность спектакля: созданные художниками по замыслу автора эффектные картинки, воссоздающие атмосферу эпохи, по-видимому, должны были помочь молодым зрителям легче приобщиться к классике.

²¹ Вайда А. «Совесть — главное, что я ощущаю в Достоевском» [Электронный ресурс] // Belcanto.ru. 26.04.2009. URL: <https://www.belcanto.ru/09042603.html> (дата обращения: 28.05.2022).

Несколькими годами раньше, в 2012 г., еще одну вайдовскую интерпретацию Достоевского (кинофильм «Настасья», 1994) использовал для своей постановки под названием «Настасья Филипповна» (*Nastasja Filippovna*) режиссер брненского театра «У столу» (*U stolu*) Ф. Дерфлер. В спектакле, который он назвал «сценическим исследованием», Дерфлер, следуя за Вайдой, применил нестандартные решения в стилистике японского театра кабуки. Очевидно, что чешские режиссеры последнего времени в своих постановках пытаются соответствовать запросам современного зрителя на экспериментальную эстетику. Очередным примером этого была постановка «Идиота», представленная московским «Электротeatром Станиславский» во время гастролей в Праге в конце 2021 г. Режиссер-дебютант К. Козинский прочитал «Идиота» Достоевского через «Монадологию» Г. Лейбница — философский трактат о душе (монаде), которая стремится к абсолюту при помощи разума. Но в самом спектакле нет ни слова из Лейбница — концепция реализует себя изнутри и весьма причудливым образом. Вместо Библии в руках у Аглаи — телефонный справочник, а декорации спектакля созданы в духе бельгийского сюрреалиста Рене Магритта. Авторы постановки ставили перед собой задачу уйти от литературно-центрической системы, попытаться не сращивать театр и литературу, а, напротив, разделить их и при помощи этого умножить. В результате спектакль под названием «Идиотология» был очень хорошо принят в Праге и абсолютно соответствовал ожиданиям чешской публики.

Если обратиться к афише театров Праги и Брно, то в их репертуаре можно увидеть большое количество спектаклей по Чехову («Чайка» и «Вишневый сад»), Гоголю («Ревизор») и, конечно, Достоевскому. В Пражских театрах «Чиногерни клуб» и «ДИСК» (*DISK*) идут «Братья Карамазовы», в театре «Рококо» (*Rokoko*) поставили «Идиота». 3 марта 2022 г. состоялась премьера «Идиота» в

Сословном театре (*Stavovské divadlo*), на одной из сцен прославленного Национального театра (*Národní divadlo*). Режиссер Даниэла Шпинар, решив подарить постановке «вторую жизнь», пересняла этот спектакль в жанре игрового фильма, кинопремьера которого прошла 01.04.2022 г.²²

Творчество Достоевского весьма привлекало и чешских музыкантов, что нашло воплощение в различных музыкальных жанрах. В конце 1920-х гг. в Чехии состоялись премьеры сразу двух опер по его произведениям. Это уже были не первые оперы по Достоевскому, но среди иностранных композиторов чехи, несомненно, стали первопроходцами. Как известно, самой ранней оперной интерпретацией произведений Достоевского можно считать оперу «Елка» композитора В.И. Ребикова (1866–1920), созданную по мотивам произведений Х.К. Андерсена, Г. Гауптмана и рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (либретто С. Плаксина, издана в 1903 г. и поставлена в Москве и Харькове). В 1916 г. в Петербурге в Мариинском театре была представлена четырехтактная лирико-психологическая опера С.С. Прокофьева «Игрок». Из новейших российских музыкальных произведений отметим оперу композитора А.П. Смелкова «Братья Карамазовы» по одноименному роману, которая была написана в 2008 г. по заказу Мариинского театра. Автором либретто к ней выступил известный петербургский писатель Ю.Г. Димитрин. В ноябре месяце юбилейного 2021-го года на Малой сцене Музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко прошли премьерные показы одноактных опер по произведениям Достоевского «Н. Ф. Б.» и «Кроткая» (режиссёр Л. Налётова, музыкальный руководитель и дирижёр А. Дадашев). Примечательно, что в Чехии оперы по этим произведениям возникли почти на сто лет раньше.

²² Idiot. Fjodor Michajlovič Dostojevskij [Электронный ресурс] // Národní divadlo. URL: <https://www.narodni-divadlo.cz/cs/predstaveni/idiot-1964837> (дата обращения: 28.05.2022).

Отакар Еремиаш (1892–1962) в 1922–1927 гг. работал над оперой «Братья Карамазовы», которая впервые была поставлена в 1928 г. в пражском Национальном театре с подзаголовком «Опера в трех действиях о двух преобразованиях по роману Ф.М. Достоевского». Автором либретто выступил Я. Мариа, режиссером — Ф. Пуйман, сценографическим оформлением занимался художник В. Гофман, дирижировал спектаклем О. Острчил.

На основе сюжета «Записок из Мертвого дома» была написана опера Леоша Яначека (1854–1928) «Мертвый дом», премьера которой состоялась в Городском театре Брно в 1930 г.

Чешско-немецкий композитор Ганс Краса (1899–1944) стал автором двухактной оперы «Обручение во сне» (*Verlobung im Traum*, 1928–1930), написанной на немецком языке по повести Достоевского «Дядюшкин сон». Опера имела драматичную судьбу: после успешной премьеры в мае 1933 г. в пражском Новом немецком театре (*Neues deutsches Theater*) и получения престижной Чехословацкой государственной премии за литературу и искусство по секции немецких деятелей культуры в Чехословакии, спустя несколько лет партитура оперы была утрачена, казалось, навсегда. Сам композитор во время Второй мировой войны погиб в Освенциме. Лишь в 1990-е гг. партитуру удалось разыскать израильскому дирижеру Израэлю Инону, и в 1994 г. Государственная опера в Праге представила вновь обретенную оперу на своей сцене.

Среди чешских музыкальных сочинений по произведениям Достоевского упомянем также сюиту для фортепиано «Братья Карамазовы» (1949) Йозефа Берга (1927–1971), композитора, музыковеда, либреттиста, писателя, человека многогранных талантов²³, и балет Карела Купки (1927–1985) «Идиот» (1962).

²³ *Štědrý M. Josef Berg: skladatel mezi hudbou, literaturou a divadlem. Brno, 1992. S. 7–33.*

Не обходило своим вниманием произведения русских авторов, включая, конечно, Достоевского, и чешское радио. В послевоенное время в Чехословакии стали очень популярны такие радиожанры, как «драматизированное чтение» и передачи о жизни писателя, основанные на документальных материалах и переписке. В то время на радио работала целая плеяда замечательных режиссеров (Й. Ролл, Й. Генке, Й. Горчичка, М. Бурианек, Р. Липус и др.), переводчиков (В. Менгер, В. Горачек, Т. Гашкова, Н. Слабигоудова, З. Бергрова, Л. Душкова, П. Восковец, А. Моравкова) и литературных исполнителей (В. Бродский, Й. Сомр и др.). На основе художественных произведений и различных документальных материалов разворачивался своеобразный диалог писателя со слушателями радио. Самыми популярными и часто транслируемыми были и остаются чешские радиопостановки романа «Братья Карамазовы» и чтение рассказа «Крокодил», который был представлен в четырех разных переводах. Даже сегодня, несмотря на господство интернета, классическое радио пользуется в Чехии большой популярностью, и создание новых радиопостановок уже в наши дни можно объяснить не иначе как их востребованностью у слушателей. На радиостанции «Влтава» в юбилейные дни осени 2021 г. звучали не только десятки архивных записей 1940–50-х гг. по произведениям Достоевского, но и была представлена премьерная радиопостановка Павла Молека «Воскресение» (*Vzkříšení*) — драма из жизни 27-летнего Достоевского, когда он был взят под стражу и приговорен к расстрелу, а впоследствии смертный приговор был заменен на четырехлетнюю каторгу. Еще одну премьеру в популярном радиожанре «чтение с продолжением» или же «многосерийные литературные чтения» к юбилею писателя подготовила режиссер Гана Рогулич: в исполнении актера Петера Лненички был записан роман «Бесы» в 20 частях²⁴.

²⁴ Měsíc s Dostojevským na Vltavě. 200 let od narození velikána připomenou premiérové

Произведения Достоевского были представлены и в чешском кинематографе последних десятилетий. По мотивам романа «Идиот» в 1999 г. Саша Геден снял фильм «Возвращение идиота» (*Návrat idiota*), а в апреле 2008 г. на экраны вышел фильм режиссера Петра Зеленки «Карамазовы».

Как и в своем успешном авторском дебюте «Бабье лето» (*Indiánské léto*, 1995), в «Возвращении идиота» талантливый сценарист и режиссер С. Геден (род. в 1970) сфокусировался на трагикомическом эмоциональном хаосе в сознании молодых людей. Вдохновленный образом князя Мышкина, не способного из-за своей неопытности ориентироваться в сложных межличностных отношениях, Геден создает камерную историю своего героя — грустного, но «позитивного» молодого человека по имени Франтишек, происходящую в маленьком чешском городке в наши дни. После многих лет, проведенных в сумасшедшем доме, Франтишек оказывается в мире, о котором ничего не знает, и неожиданно становится важным звеном в целой цепи событий, определяющих будущее многих людей, включая его самого. Все персонажи фильма по своему несчастны, страдают от душевной боли, но не могут задуматься о своем состоянии, а всегда ведут себя одинаково и повторяют одни и те же ошибки. Геден, вдохновленный Достоевским, в этом фильме продолжил развивать свою самобытную поэтику, основанную на традициях кинематографа чешской «новой волны».

Кинокартина «Карамазовы» (*Karamazov*) П. Зеленки снята по инсценировке романа Достоевского Э. Шорма. За основу фильма был положен спектакль, поставленный в 2000 г. режиссером Л. Главицей на сцене Дейвицкого театра. По сюжету пражская театральная труппа репетирует в Кракове спектакль по произведению

Достоевского. Репетиции происходят не на театральной сцене, а на территории заброшенного завода. Параллельно с эпизодами из романа на сцене разворачиваются житейские истории взаимоотношений актёров, в которых тоже можно увидеть черты персонажей Достоевского. «Россия и Запад никогда не поймут друг друга», — утверждает актер, исполняющий роль Алеши Карамазова, развлекая соседа в салоне автобуса по пути к «месту действия». Он пересказывает документальный фильм о праправнучке Достоевского, водителе троллейбуса из Петербурга, которого немцы пригласили на конференцию как потомка русского писателя, однако выяснилось, что водитель ничего не знает о своем предке и не говорит ни на одном иностранном языке. Зато по недоразумению решил, что получит за участие в конференции «Мерседес». Рассказ об отпрыске Достоевского звучит в прологе фильма Зеленки, а в финале мы узнаем окончание этой истории: «Мерседес» праправнуком писателя все-таки был куплен на гонорар, полученный за участие в конференции, но до России так и не доехал — старая развалюха рассыпалась по дороге. Фильм оканчивается «документальным» эпилогом, в котором кончает самоубийством рабочий завода. Как пишет российский кинокритик Т. Дондурей, «в фильме “Карамазовы” инверсия, взаимообратимость безумия и обыкновенности или “поэзии и правды” достигают буквальной наглядности; классический роман, превращенный в поставангардный спектакль»²⁵.

Итак, Ф.М. Достоевский живет в чешском театре, кино, на радио. Его не всегда принимали однозначно. Известно суждение М. Кундеры о Достоевском: «Мир преувеличенных жестов, темных глубин и агрессивной сентиментальности меня отталкивал. Отчего

²⁵ *Дондурей Т.* Трудности перевода. «Карамазовы». Режиссер Петр Зеленка [Электронный ресурс]// Искусство кино. 2009. №1, январь. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2009/01/n1-article6> (дата обращения: 30.05.2022).

эта внезапная неприязнь к Достоевскому? Антирусская рефлексия чеха, травмированного оккупацией своей земли? Не думаю, поскольку я никогда не переставал любить Чехова. Сомнение в эстетической ценности его произведений?»²⁶ В дни 200-летнего юбилея Достоевского в Чехии также имели место дискуссии о нем и высказывались весьма жесткие суждения, даже неприязнь. Например, Мартин Путна (род. 1968), чешский историк литературы, критик, публицист, преподаватель факультета гуманитарных исследований Карлова университета, в очередной раз выступил с обвинительным вердиктом в адрес Достоевского, назвав его «токсичным автором, полным ненависти, великорусского мессианства, антисемитизма и презрения, из-за чего и читать его не следует»²⁷. При этом он признает, что Достоевским были созданы некоторые потрясающие произведения. Понимания и поддержки М. Путна в Чехии не получил, даже напротив: его призыв не терять времени на чтение русского классика встретил ответную реакцию, например, историка А. Котоучовой, провозгласившей: «Красота спасет мир! Жизнь слишком коротка, чтобы не читать Достоевского»²⁸.

Сегодня чешская культура по-прежнему, как и ранее, активно осваивает русского классика. Многие чешские авторы ориентируются на Достоевского. Литература, театр, кино, музыка. С ним спорят, пытаются по-своему «дописать», переделать, представить собственные интерпретации сюжетов, включить его

²⁶ *Kundera M.* Uvod k jedné variaci // Jakub a jeho pán: Pocta Denisu Diderotovi. Brno, 1992. S. 7.

²⁷ *Putna M.C.* Lidský život je příliš krátký na to, abychom jej marnili s Dostojevským. Dvě století s toxickým spisovatelem [Электронный ресурс] // Deník N. 10.11.2021. URL: <https://denikn.cz/744910/lidsky-zivot-je-prilis-kratky-na-to-abychom-jej-marnili-s-dostojevskym-dve-stoleti-s-toxickým-spisovatelem/> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁸ *Kotoučová A.* Život je krátký na ignorování Dostojevského // Deník N. Roč. 3. 16-17.11.2021. Č. 221. S. 23.

персонажей в новый контекст времени. Но совершенно однозначно, что для чехов он стал одним из тех мыслителей, кто определил их понимание и восприятие России, кто высказался о сложности человеческой души и трагедии бытия. Процесс восприятия Достоевского многогранен, значение его для чешской культуры непреходяще. Интерес к нему всегда был и не теряется по сей день.

Ф.М. Достоевский в чешской литературной культуре

Введение

О выдающемся русском писателе Ф.М. Достоевском, о его творчестве и жизни написано огромное количество исследований по всему миру. И чешская наука и общество не являются здесь исключением¹. В настоящей работе анализируется совокупность данных по теме рецепции Достоевского в чешской литературной культуре, представленных прежде всего в двух крупных трудах по истории чешской литературы и культуры: «Лексиконе чешской литературы до 1945 года» и «Словаре чешских писателей после 1945 года»².

«Лексикон чешской литературы до 1945 года» был задуман и разработан главным специализированным научным учреждением, занимающимся изучением чешской литературы, сегодня носящим название Институт чешской литературы Академии наук. С 1980-х до 2010-х гг. было опубликовано четыре тома из семи, а в 2020-х гг. он стал доступен в электронном виде. Лексикон содержит более 3500 статей о личностях, произведениях, журналах и учреждениях. Правда, до сих пор не было предпринято попыток превратить его в обновляемую электронную базу данных.

Это было, в свою очередь, сделано для «Словаря чешских писателей после 1945 года», над которым академический институт работал в 1990-х гг. и в первом десятилетии XXI в. Словарь был первоначально издан в двух томах, а затем был преобразован в базу данных вместе со «Словарем чешских литературных журналов, литературной периодики и альманахов 1945-2000»³. База данных, названная Словарем чешской

¹ Из последних работ: *Paučová L.* Recepce tvorby F. M. Dostojevského v českém a slovenskom prostredí. // *Střední Evropa včera a dnes*. Brno, 2015. S. 329-336.

² *Forst V., Opelík J., Merhaut L. a kol.* Lexikon české literatury do roku 1945. Praha, 1985-2008; *Janoušek P. a kol.* Slovník českých spisovatelů po roce 1945. Praha, 1995, 1998.

³ *Dokoupil B. a kol.* Slovník českých literárních časopisů, periodických literárních sborníků a almanachů 1945-2000. Brno — Olomouc, 2002.

литературы, в которую, как предполагается, со временем войдет и Лексикон, охватывает период до 2000 г. и насчитывает на данный момент более 1500 статей⁴.

Собранные материалы явились для нас основой для исследования, включающей в себя информацию разного уровня ценности, которая хотя и не исчерпывает тему рецепции Достоевского в чешской литературной культуре, однако становится важным руководством к действию. Информацию можно разделить на блоки: а) о влиянии отдельных личностей на творчество Достоевского; б) об участии отдельных личностей в переводе его произведений; в) о распространении его произведений соответствующими периодическими изданиями и издательствами; г) об участии различных деятелей культуры в театральных постановках его произведений; д) об участии отдельных деятелей в переводе произведений о Достоевском и его творчестве; е) исследования его творчества и созданная в результате этого научная и художественная литература; ж) рецензирование переводов и оригинальных произведений; з) вторичная литература.

Переводчики и издательства

Если бы мы представили эти данные в виде графика, то получили бы наглядную картину понятных и предсказуемых тенденций. Можно было бы четко проследить хронологию с момента появления Достоевского в чешской национальной культуре через переводы его произведений. Эти переводы публиковались в журналах и в виде книжной продукции с 1880-х гг. Среди первых переводчиков Достоевского были Йозеф Пенижек, Гинек Й. Мейснар, Вилем Мрштик, Яромир Грубый, Карел Штепанек, Ян Вагнер, Войтех Прах, Бронислава Гербенова, Карел Фрипес, Игнац Гошек, Гелена Ружичкова-Ванёва, Станислав Минаржик, Йозеф Пелишек и др. После Первой мировой войны были опубликованы переводы

⁴ См. <https://www.slovníkeskeliteratury.cz>

Анны Тесковой, Винценца Червинки, Клары Шпецингровой, Йозефа Бечки, Вацлава Кёнига, Йозефа Фольпрехта, Богумила Мужика, Бржетислава Гулы, Йозефа Менцеля и Богумила Матезиуса. Тогда уже дошла очередь и до перевода не самых известных произведений писателя, а с 1930-х гг. в связи с появлением новых подходов в транслатологии и с развитием чешского языка начинают издаваться и новые переводы его основных произведений. Словарь чешской литературы не фиксирует информацию о переводчиках Достоевского периода после Второй мировой войны, за исключением тех, кто, как Эмануэль Фринта и Франтишек Каутман, активно занимался и другой творческой деятельностью.

Согласно каталогу Национальной библиотеки в Праге⁵, первыми чешскими издателями Достоевского были Пешль в Таборе, Гинек в Праге и Шимачек в Праге. Первое же собрание сочинений писателя на чешском было опубликовано одним из ведущих издательств Я. Отто в Праге в серии «Русская библиотека», редактором которой являлся Я. Грубый. Первый том включал в себя «Записки из Мертвого дома», последующие тома — романы «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы». Это собрание сочинений Достоевского было опубликовано в период с 1891 по 1922 гг. и состояло из 18 томов. Второе собрание сочинений в переводе Минаржика выходило в издательстве Кваснички и Гампла в период с 1923 по 1929 гг., причем на этот раз оно включало уже 38 томов. В результате такой активной переводческой и издательской работы в 1923 г. было возможно приобрести одновременно два издания «Братьев Карамазовых»: одно в переводе Грубого, второе — Минаржика. Позже интерес к русскому писателю проявило издательство «Мелантрих», являвшееся частью одноименного прогрессивного медиаконцерна, которое подготовило издание под названием «Избранные произведения Ф.М. Достоевского» в 11 томах

⁵ См. <https://aleph.nkp.cz/>

(1936–1938). После 1948 г. собрания сочинений Достоевского на чешском языке публиковались в 1959–1985 гг. Государственным издательством художественной литературы, музыки и искусств, а также издательством «Одеон» в серии «Библиотека классики», и каждое состояло из 14 томов. В Лексиконе также представлена статья о редакторе этих изданий Вацлаве Бегоунеке. Следует добавить, что отдельные произведения Достоевского выходили на чешском языке и позже, в условиях либерализации после 1989 г., в том числе в виде аудиокниг.

Матезиус — «Мелантрих»

Для издательства «Мелантрих» произведения Достоевского переводил Богумил Матезиус (1888–1952), писатель, драматург, публицист и историк литературы⁶. В 1930-е гг. под руководством Бедржиха Фучика издательство зарекомендовало себя как ведущее культурное учреждение⁷. Эта миссия возлагалась на издательство в рамках деятельности коммерческого медиахолдинга, но для Фучика финансовая выгода не была единственным критерием, он помог издательству установить высокую литературную планку. Отдельные серии этого издательства соответствовали самым высоким художественным стандартам. Здесь также выходили такие периодические издания, как «Журнал об искусстве и критике» (*Listy pro umění a kritiku*) и «Слово и словесность» (*Slovo a slovesnost*). Объем производства составлял около ста наименований книг в год. Однако Фучику приходилось сталкиваться и с обычными издательскими трудностями, такими как несоблюдение сроков его сотрудниками.

⁶ См.: *Forst V.* Bohumil Mathesius // *Lexikon české literatury*. Díl 3. Sv. I. Praha, 2000. S. 158–162; *Fránek J.* Bohumil Mathesius. Praha, 1963. Источники: Литературный архив Памятники национальной письменности в Праге (Literární archiv Památníku národního písemnictví, LA PNP), фонд Богумил Матезиус (f. Bohumil Mathesius); *Wagner J.* Pozůstalost Bohumila Mathesia: (1888–1952). Praha, 1958.

⁷ См.: *Homola O. — Zach A.* Melantrich // *Lexikon české literatury*. Díl 3. Sv. I. Praha, 2000. S. 203–212; *Sak R.* “Život na vidroholci”: (příběh Bedřicha Fučíka). Praha, 2004. Источники: LA PNP, фонд Мелантрих — архив издательства (f. Melantrich — nakladatelský archiv, 1922–1965), inventář LA PNP. Praha, 2015.

Матезиус сотрудничал с издательским отделом «Мелантриха» начиная с 1927 г. Осенью того года компания приняла его предложение о начале серии «Новая русская библиотека» (*NRK*), которая затем издавалась с 1928 по 1935 гг.⁸ Матезиус как приверженец «левых» взглядов, хорошо знакомый с Советской Россией, стал редактором «Библиотеки», корректировал, по согласованию с «Мелантрихом» определял ее программу, контролировал выход книг и рекламу, сам делал переводы классиков и современных авторов для этой серии. Однако спустя почти десять лет, аннулируя договор и саму «Библиотеку», издательство обвинило Матезиуса в том, что в последние два года он был «совершенно не заинтересован в редакторской работе»⁹. Фучик почувствовал, что он «вынужден ликвидировать серию, дабы это не сказалось на их лояльных отношениях, если он доверит редактирование NRK кому-то другому». Матезиус отвечал: «Скорее я как редактор имею право жаловаться на отсутствие интереса к NRK со стороны издательства»¹⁰. Перевод «Теории прозы» В. Шкловского, выполненный Матезиусом, был опубликован здесь в 1933 г. Также его переводы были опубликованы в другой престижной книжной серии «Мелантриха», которой руководил критик Франтишек Ксаверий Шальда. После этого кризиса в отношениях между издательством и Матезиусом их дальнейшее сотрудничество было налажено уже новым сотрудником организации в 1937 г. При изучении наследственных дел Матезиуса выяснилось, что на счет издательства поступило более 200 000 чешских крон¹¹. Это свидетельствует о многих успешных проектах, которые стали результатом взаимодействия этих двух участников.

⁸ LA PNP, f. Bohumil Mathesius, переписка Мелантрих — Матезиусу (Korespondence, Melantrich Mathesiovi), 14.09.1927.

⁹ LA PNP, f. Bohumil Mathesius, Korespondence, Melantrich Mathesiovi, 14.12.1935.

¹⁰ LA PNP, f. Melantrich — nakladatelský archiv, переписка Матезиус — Мелантриху, 20.12.1935. Там же ответ издательства: Мелантрих — Матезиусу, копия письма от 16.01.1936.

¹¹ LA PNP, f. Melantrich — nakladatelský archiv, korespondence, Mathesius, Melantrich — nakladatelství Melantrichu — právnímu oddělení (переписка Матезиус — Мелантриху — юридический отдел), копия письма от 17.06.1952.

Сотрудничество между Матезиусом и «Мелантрихом» продолжалось на протяжении 1930-х гг. в режиме договоров, отчетов, споров, дискуссий о книгах, предлагаемых к публикации, написания рецензий, сокращения переводов, снабжения их предисловиями, написания статей и обсуждения финансов. Что касается издания произведений Достоевского, то в 1929 г. стороны заключили соглашение о переводе «Униженных и оскорбленных». Перевод, включая корректуру, оплачивался из расчета 11,25 кроны за страницу, автор обязывался предоставить рукопись в указанный срок «разборчиво и в печатном виде» и выполнять другие обычные обязательства, а издатель бесплатно предоставлял ему 10 печатных экземпляров¹². На тех же условиях был заключен договор от 30 января 1930 г. на перевод «Бесов». Это сотрудничество также сопровождалось редакционной перепиской следующего содержания: «Большая просьба к Вам предоставить нам в течение недели Ваш перевод “Бесов” Достоевского, который нам уже необходимо сдавать в печать»¹³. В апреле 1930 г. редакция дважды упоминает о рекламе изданий Достоевского, дававшейся в газете «Чешское слово» (*České slovo*), главной газете этого издательского дома.

По прошествии нескольких месяцев «типография постоянно требует новых рукописей “Бесов”, а также корректуру. Так как уже практически понятно, что если мы будем продолжать в том же темпе, то не сможем издать в срок, и тогда мы должны будем обратиться к нашему договору, согласно которому I том “Бесов”, т. е. около 550 страниц Вашей рукописи, должен быть представлен 15 апреля, а II том — 15 мая. Мы просим Вас предоставить нам рукопись I части немедленно, а рукопись II части — к 20-му числу этого месяца»¹⁴. После этого редакция сообщила, что «за набор

¹² LA PNP, f. Bohumil Mathesius, документы, Melantrich, договор от 21.09.1929.

¹³ LA PNP, Praha, f. Melantrich — nakladatelský archiv, korespondence, Melantrich Mathesiovi, копия письма от 20.01.1930.

¹⁴ LA PNP, Praha, f. Melantrich — nakladatelský archiv, korespondence, Melantrich Mathesiovi, копия письма от 12.05.1930.

“Бесов” типография выставила счет за 81 час авторской корректуры по 10 крон/час, то есть 810 чешских крон». Типография доказывает, что корректура на самом деле была сделана не по ее вине, поэтому «мы вынуждены признать эту сумму и записать ее на ваш счет в соответствии с формулировкой договора, еще 190 крон возникли в результате корректуры, которую Матезиус не сделал»¹⁵. «Бесы» были опубликованы в 1930 г. с девяностостраничным предисловием переводчика под названием «О хороводе “Бесов”» и с иллюстрациями Г. Мусатова в трех томах объемом 289, 335 и 350 страниц (в библиотечной серии «Мелантриха» этот трехтомник значится под номерами 24+26).

Затем последовала публикация «Идиота». И снова «мы просим Вас любезно прислать нам как можно скорее еще одну рукопись [...]. Первая часть уже отправлена, и через несколько дней Вы получите гранки. Мы бы не хотели получить рукопись в последний момент, чтобы избежать ненужной спешки»¹⁶. Кульминацией в их напряженных отношениях стало длинное письмо Б. Фучика, отправленное в июне 1931 г., содержавшее следующие строки: «Я хотел бы отметить, что так было со всеми переведенными Вами книгами: во-первых, мы поздно получили рукописи, во-вторых, мы получили их по частям, против чего справедливо протестует типография. [...] Однако Вы не единственный, кто сдает рукописи частями, многие переводчики взяли это за правило, и мы горько за это расплачиваемся. [...] Это привело меня к решению, как бы больно и неприятно мне это ни было, отказаться от всех тех переводчиков, кто не укладывается ни в сроки сдачи, ни в сроки исправлений и корректуры»¹⁷.

¹⁵ LA PNP, Praha, f. Melantrich — nakladatelský archiv, korespondence, Melantrich Mathesiovi, копия письма от 25.09.1930.

¹⁶ LA PNP, Praha, f. Melantrich — nakladatelský archiv, korespondence, Melantrich Mathesiovi, копия письма от 03.02.1931.

¹⁷ LA PNP, Praha, f. Melantrich — nakladatelský archiv, korespondence, Melantrich Mathesiovi, копия письма от 10.06.1931.

В ответ Матезиус направил письмо следующего содержания: «Я хорошо знаю Ваше положение и полностью признаю необходимость наведения порядка даже более суровыми средствами, и с готовностью подтверждаю, что подобные инциденты не имеют ни малейшего влияния на мое личное отношение к Вам. Если я чувствую свою вину, как это было в случае с “Бесами”, я никогда не выскажу ни единого слова в знак протеста»¹⁸.

Из Достоевского для «Мелантриха» Матезиус перевел в 1930 г. «Униженных и оскорбленных» (465 страниц, в серии «Мелантриха» в 19 томе) и «Бесов», а в 1931 г. — «Идиота» (369 и 330 страниц, в серии «Мелантриха» в двух томах под номерами 37–38). Эти издания вышли тиражом 16000, 15000 и 14 000 экземпляров соответственно.

Таким образом, изучение архивных источников позволило нам получить представление о непростом, но обширном и плодотворном сотрудничестве переводчика Матезиуса и издательства «Мелантрих» в связи с изданием произведений Ф.М. Достоевского.

Театральные постановки и оригинальные произведения о Достоевском и о его творчестве и дополнительная литература

Благодаря тому факту, что в чешской культуре театр традиционно играл важную роль, сценические адаптации произведений Достоевского появляются с 1920-х гг. Их создавали драматурги и театральные художники Бедржих Врбский, Ян Бор, Франтишек Гётц, Эмиль Франтишек Буриан (в начале нацистской оккупации он также занимался инсценировкой произведений дискриминируемого писателя Карела Полачека). Популярность этого жанра как проявления творческой активности подтверждается и «Словарем чешских писателей после 1945 года», где треть всех данных по теме о рецепции Достоевского в Чехии касается именно инсценировок

¹⁸ LA PNP, Praha, f. Melantrich — nakladatelský archiv, korespondence, Mathesius Melantrichu, письмо от 13.06.1931.

его произведений. В 1960-х гг. театральные постановки осуществлял режиссер Ярослав Вострый, в 1970-х — Ладислав Смочек и Ян Шмид, в 1980-х — Арношт Голдфлам, Ян А. Питинский, Йозеф Бучек и Йозеф Сохоуп, в 1990-х — Павел Когоут, Зденек Калоч и Йозеф Ковальчук, а после 2000 г. — Ян Новак. Произведения писателя и сегодня представлены на чешских сценах. Для более детального изложения и изучения этого явления (включая жанр оперы) можно воспользоваться базой данных пражского Театрального института.

Широкое распространение произведений Достоевского в Чехии сопровождалось усилением интереса к нему, что нашло отражение также в переводе трудов о его жизни и творчестве, авторами которых были, например, А.Л. Бем, Л.Ф. Достоевская, Л.П. Гроссман, А.И. Кирпичников, Д.С. Мережковский, Вл.С. Соловьев, В.Е. Чехихин-Ветринский, А.Е. Врангель, С. Цвейг. Наряду с этим, необходимо упомянуть и о вкладе собственно чешской науки и культуры — об оригинальных биографических, аналитических и исследовательских работах. Среди их авторов, к примеру, были Йозеф Микш («Биография Ф.М. Достоевского», *Životopis F.M. Dostojevského*, 1884) и В. Штепанек («Ф.М. Достоевский в чешской литературе», *F.M. Dostojevskij v české literatuře*, 1909). Драматург и театральный критик Ян Бартош добавил свой очерк под названием «Ф.М. Достоевский» (*F.M. Dostojevskij*, 1917) к серии из тридцати рисунков одного из выдающихся художников В. Гофмана, переиздававшихся и в более поздние годы. Еще одним автором статей о Достоевском был историк Йозеф Гостовский, автор книги «Трагика в жизни и творчестве русских писателей и другие статьи о русской литературе» (*Tragika v životě a díle ruských spisovatelů a jiné články o ruské literatuře*, 1925). Многие авторы участвовали в создании коллективного труда «Достоевский: сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти» (*Dostojevskij: sborník statí k padesátému výročí jeho*

smrti, 1881-1931), опубликованного в 1931 г. все в том же издательстве «Мелантрих» и включившего в себя статьи В. Червинки, А.Л. Бёма, Д. Чижевского, Й. Фольпрехта, П. Фраэнкла, Г. Геземан, Е.А. Ляцкого, Я. Махала, Д. Прохазки, П. Рубичека, Э. Свободы, А. Тесковой, В. Тилле, В. Тукалевского, Н. ван Вийка)¹⁹. Наконец, выделим работы выдающихся деятелей межвоенной Чехословакии — литературного критика Ф.К. Шальды «Творчество Достоевского и его место в Европе», «Записная книжка Шальды» (*Dílo Dostojevského a jeho položení evropské, Šaldův zápisník*, 1931) и политика и ученого Т. Г. Масарика «Исследования о Ф. М. Достоевском» (*Studie o F.M. Dostojevském*, 1932).

В «Словаре чешских писателей после 1945 года» также обращается внимание на историко-литературные работы Франтишека Каутмана (в том числе на его статью «Борьба за Достоевского», *Boje o Dostojevského*, 1966) и исследования Ружены Гребеничковой. Добавим сюда данные о самых последних материалах по состоявшимся конференциям, которые были опубликованы в 2007 г. («Достоевский сегодня: материалы конференции с международным участием», *Dostojevskij dnes: sborník příspěvků z konference s mezinárodní účastí*) и в 2019 г. («Ф.М. Достоевский: Состояние исследования и современное значение»). Последние из опубликованных чешских монографий о писателе и его творчестве написаны литературоведом Радко Пыгликом («Ф.М. Достоевский», *F.M. Dostojevskij*, 2008) и писателем, литературоведом и эстетиком Миланом Экснером («Аффект, мечта и реальность в творчестве Ф.М. Достоевского: личность и онтологическая ценность вымысла», *Afekt, sen a skutečnost v díle F.M. Dostojevského: osobnost a ontologická hodnota fikce*, 2013).

Наконец, мы обратили внимание и на так называемую вторичную литературу по данной теме — работы, которые в основном

¹⁹ Ср.: *Магидова М.* Достоевский в трудах пражских ученых-эмигрантов (А. Бем, Д. Чижевский, Н. Осипов) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Ч. 1. Praha, 1995. С. 197-213.

издавались в сборниках или в журналах, а иногда и отдельными изданиями и касались деятелей чешской культуры, связанных с Достоевским. Среди таких важных личностей были поэт И. Волькер (о нем см. работу Б. Новака в «Люмире»: *Lumir*, 1929/30), писатель В. Мршттик (о нем Р. Паролек в «Чехословацкой русистике»: *Československá rusistika*, 1956), критик Ф.КС. Шальда (о нем Ф. Каутман, 1968), ученые О. Гостинский и З. Неедлы (о них Й. Ганзал, 1981).

Среди указанных материалов можно также выделить особую подгруппу работ, связанных с личностью Т. Г. Масарика и с осмыслением его работ о Достоевском. Среди них, например, «Масарик и Достоевский» (*Masaryk a Dostojevskij*, 1925) Й.Л. Громадки, «Достоевский и Масарик» (*Dostojevskij a Masaryk*, 1931) Ф. Гётца, «Масарик и Достоевский» (*Masaryk a Dostojevskij*, 1931) И. Горака, «Масарик и Достоевский» (*Masaryk a Dostojevskij*, 1968) Л. Радимского, «Вокруг философии религии Масарика, Три исследования о Масарике» (*Kolem Masarykovy filozofie náboženství, Tři studie o Masarykovi*, 1991) Я. Паточки с подробной интерпретацией вопроса нравственности у Ф.М. Достоевского, «Диагноз религиозности Ф.М. Достоевского у Масарика» (*Masarykova diagnóza religiozity F.M. Dostojevského*, 1992) Й. Э. Каролы и «Проблема самоубийства у Ф.М. Достоевского и Т.Г. Масарика» (*Problém sebevraždy u F.M. Dostojevského a T. G. Masaryka*, 1994) Ф. Каутмана²⁰.

Остается упомянуть об авторах, постоянно апеллирующих к творчеству Достоевского, как это зафиксировано в «Лексиконе» и «Словаре». Помимо многих упомянутых выше, это были, в частности, писатели и публицисты Альфред Фукс, Эвжен Росицкий и Антал

²⁰ См. также: TGM, Rusko a Evropa: sborník příspěvků z mezinárodní konference pořádáné ve dnech 12.-14. září 1997 v Praze. Praha, 2002; Абрамов М.А., Малевич О. М., Задорожнюк Э.Г. Т.Г. Масарик: Ф.М. Достоевский, Россия, Европа; «...а под ногами лежат прошедшие дни...» // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2000. № 11. С. 68-96 (на С. 76-96 см. перевод части труда Масарика «Россия и Европа»).

Сташек. В межвоенной Праге было основано Общество Достоевского, которое возглавил Й. Махал²¹. Относительно недавно было исследовано влияние творчества Достоевского на личность ведущего чешского журналиста межвоенного периода Фердинанда Пероутки²².

Заключение

В настоящей работе представлена тема Ф.М. Достоевского в чешской литературной культуре на основе данных по двум основным трудам чешской литературной лексикографии. Исследуемый материал включал в себя более чем 100 статей из Лексикона и 40 статей из Словаря. В обоих источниках это составляет около трех процентов от общего количества текстов, что можно рассматривать как подтверждение довольно существенного влияния русского писателя Ф.М. Достоевского на чешскую среду в целом²³.

Перевод И.А. Герчиковой.

²¹ *Об этом см.: Магидова М.* Общество Достоевского в Праге: идея и реализация // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 2011. №. 2-3. С. 249-255.

²² *Билек Я.* Фердинанд Пероутка и его восприятие русской литературы // *Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований*. М., 2021. С. 110-132.

²³ См также: *Будагова Л.Н.* Чешская литература // *История литератур западных и южных славян*. Т. 3. М., 2001. С. 77-129, 427-478, 648-800; *Lehár J., Stích A., Janáčková J., Holý J.* Česká literatura od počátků k dnešku. Praha, 1998.

Ф.М. Достоевский в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла

В 1920-е гг. в Чехии после обретения независимости возникли новые общественные и художественные течения. Причем литературные пристрастия как читателей, так и авторов часто были тесно связаны с их политическими взглядами, а иногда ими и определялись. Такая политизированность явилась яркой чертой эпохи. Периодика в 1920-е гг. оперативно ориентировала читателей в новой русской литературе и делала для них первые переводы на чешский язык, вместе с тем и русская классика в обновленной плюралистической культуре подвергалась переосмыслению, а Достоевский, в данном случае — в печатных изданиях левой ориентации — пережил интересные метаморфозы.

Главной в периодике левого политического крыла была, безусловно, ежедневная газета «Руде право» (*Rudé právo*, окт. 1920–1995), ставшая впоследствии официальным печатным органом коммунистической партии Чехословакии, с ее воскресным литературным приложением «Делница бесидка» (*Dělnická besídka*), в которой в роли литературных критиков чаще всего выступали Иржи Вайль, Йозеф Гора, Мария Майерова.

Кроме того, следует назвать еженедельное издание «Пролеткульт» (*Proletkult*, 1922–1924). Этот журнал продолжал разрабатывать повестку газеты «Руде право», выполняя культурно-просветительскую и организационную функцию. Его издавал Антонин Запотоцкий, будущий премьер и президент Чехословакии, писатель, а ее главным редактором был крупнейший чешский поэт Станислав Костка Нейманн. Здесь публиковалась поэзия, проза, статьи по вопросам марксизма и коммунизма, проблемам воспитания и литературная критика. В 1924 г. «Пролеткульт» объединился с еще одним журналом А. Запотоцкого по теории коммунизма —

«Комунизмус» (*Komunismus*, 1921–1924). Новое издание стало называться «Комунистичка ревью» (*Komunistická revue*, 1924–1933), и оно также официально считалось печатным органом компартии.

Помимо этого необходимо указать газету «Социални демократ» (*Sociální demokrat*, 1919–1920), впоследствии называвшуюся «Комуниста» (*Komunista*, 1921), которая служила рупором Социально-демократической рабочей партии, где статьи и заметки по культуре пишет А. Немы (наст. имя — Алоис Немец), а также журнал «Вар» (*Var*, 1921–1930) литературного критика, музыковеда, создателя и председателя Общества культурного и экономического сближения с Новой Россией Зденека Неедлы. Кроме того, упомянем «Кмен» (*Kmen*, 1926–1929), журнал Юлиуса Фучика. Во всех этих изданиях встречались материалы о Достоевском. Кроме перечисленной периодики нами были также рассмотрены журналы «Рефлектор» (*Reflektor*, 1925–1929), «Делничка освета» (*Dělnická osvěta*, 1907–1948), «Маяк» (*Maják*, 1924–1939), «Червен» (*Červen*, 1918–1921) С.К. Нейманна, где такие публикации отсутствовали.

Исследователь чешско-русских литературных связей Мирослав Заградка отмечал¹, что в первой половине этого десятилетия среди литературных переводов с русского на чешский превалирует поэзия (Блок, Маяковский, Есенин), а в прозе, в основном, Горький. Недостаток переводов современных прозаиков восполнялся за счет русских классиков, прежде всего Толстого и Достоевского, в то время как во второй половине 1920-х гг. доля переводов современной прозы значительно увеличивается. Таким образом, в начале декады Достоевский играет важную роль в создании образа русской литературы. Значимость Достоевского в это время признают многие левые критики. Например, в газете «Социални

¹ См. его работы по теме: *Zahradka M. Přehled československo-sovětských politických a kulturních styků v období 1918–1938 (téže 1. kapitoly dějin)* // *Materiály k československo-sovětským literárním vztahům*. Sv. 1. Olomouc, 1989. S. 43–59; *Zahradka M. Rudé právo a sovětská literatura* // *Idem. Sovětská literatura a my: o československo-sovětských literárních vztazích let 1918–1978*. Praha, 1981. S. 116–152.

демократ» в статье «Мережковский или Маркс?»² от 28.11.1919 автор говорит, что понять большевиков можно, только усвоив идеи Маркса и прочтя Тургенева, Толстого и Достоевского.

В печатных органах компартии отношение к Достоевскому на протяжении всего десятилетия кардинально менялось и значительно разнилось в зависимости от радикальности того или иного литературного критика. В числе первых публикаций о писателе были статьи, представляющие его сквозь призму взглядов авторитетных в кругах коммунистов фигур. 28.12.1921 в газете «Руде право» в связи со столетним юбилеем Достоевского выходит материал³ о том, как годовщина праздновалась в России и как творчество писателя воспринимает А. Луначарский. Тот в своей речи, произнесенной в Политехническом музее 15.11.1921 говорил, что вера Достоевского — не вера в личного бога, а вера в широком смысле слова, вера в людей, что он глубокий лирик, а не психолог и не аналитик, что такой писатель был необходим России, чтобы понять, какие силы и мечты таятся в ее недрах, и что сила рождается из пролитой крови. Очевидно, что и сам Луначарский, и его речь импонировали автору заметки. 12–13.01.1922 в «Руде право» печатается перевод статьи Р. Люксембург «Достоевский»⁴, где автор ожидаемо называет русского писателя противником социалистов и революционеров. Это, безусловно, указывает на некий поворот в восприятии Достоевского редакцией газеты в сторону его оценки как противника грядущей революции. Тем не менее, Люксембург находит в творчестве писателя и положительные черты и заключает, что романы Достоевского являются по сути своей обличением мещанского общества, убивающего человеческую душу.

В «Руде право» о Достоевском много писала М. Майерова, чаще всего в связи с театральными постановками. Ее рецензии

² *Kopecký V. Měřížkovský či Marx? // Sociální demokrat. Roč. 1. 28.11.1919. Č. 40. S. 7–8.*

³ *Dostojevský // Rudé právo. Roč. 2. 28.12.1921. Č. 303. S. 8.*

⁴ *Luxemburgová R. Dostojevský // Rudé právo. Večerník. Roč. 3. 12.01.1922. Č. 9. S. 2; 13.01.1922. Č. 10. S. 2.*

никогда не бывали однозначно категоричными, однако часто демонстрировали тенденциозность в попытке найти в творчестве писателя опору для своих собственных идей. Так, во время гастролей так называемой «Качаловской группы» Московского художественного театра в пражском Театре на Виноградах в «Руде право» печатаются рецензии на их спектакли, в частности, 15.05.1921⁵ — Майеровой на представление «Братья Карамазовы». Она расценивает спектакль как дань гению, которого в современном мире обычному человеку недосуг перечитывать, однако инсценировка русских гостей, по ее мнению, особенно поразила публику тем, что их воспоминания о когда-то прочитанных страницах совпали с воспоминаниями самих мхатовцев, а образ Ивана Карамазова оказался очень близок чехам, так же разрывающимся между западом и востоком.

В выпуске газеты от 06.05.1922 публикуется заметка⁶ Майеровой о праздновании юбилея Достоевского в пражском Национальном театре, в которой она утверждает, что, несмотря на более глубокое влияние русского писателя на чешскую культуру, чем, к примеру, Мольера, торжества в его честь прошли более скромно, объясняя этот факт политической ситуацией, поскольку «Россия — сосед неприятный». Критик полагает, что постановка «Идиота» в пражском Театре имени Шванды была осуществлена по образцу русского спектакля, а постановку «Братьев Карамазовых» в Национальном театре в инсценировке основоположника современной французской режиссуры Жака Копо она разгромила, поскольку, по ее мнению, от глубокого романа о русской душе там остался лишь один сюжетный костяк.

8.12.1923 «Руде право» печатает положительную рецензию⁷ Майеровой на постановку режиссера Яна Бора юморески Достоевского

⁵ М.М. [Majerová M.] Bratři Karamazovi // Rudé právo. Roč. 2. 15.05.1921. Č. 113. S. 4.

⁶ М.М. [Majerová M.] Oslava Dostojevského na Nar. Divadle // Rudé právo. Roč. 3. 06.05.1922. Č. 105. S. 6.

⁷ М.М. [Majerová M.] Z divadel // Rudé právo. Roč. 4. 08.12.1923. Č. 288. S. 6.

«Дядюшкин сон» в Театре имени Шванды. Здесь критик не касается ни художественных свойств произведения, ни самого писателя, описывая лишь особенности сценического воплощения.

Однако не все публикации о Достоевском в газете «Руде право» первой половины 1920-х гг. были такими нейтральными по отношению к нему, как у Майеровой. В выпуске от 01.11.1921 публикуется заметка⁸ И. Вайля к столетнему юбилею со дня рождения писателя, который называет русского писателя учеником Руссо и исследователем сознания мещанства и городской «надреальности». По мнению автора, мир Достоевского — это мир проституток, униженных и одиноких людей, поэтому он дорог читателю и сейчас, когда исполнилась мечта русского писателя об освобождении человека. Таким образом, публицист искусно подстраивает творчество Достоевского под свою идеологию, приписывая ему свои взгляды.

Далее ситуация начинает накаляться. 01.04.1922 в газете сообщается⁹ о найденной в Москве ранее неизвестной рукописи Достоевского — «Исповеди Ставрогина», где он признается, что изнасиловал девочку, которая вскоре после этого повесилась. Безымянный чешский критик утверждает, что, по слухам, этот неизданный отрывок является автобиографическим. Тем самым публикация, по-видимому, была призвана изменить отношение не только к герою романа «Бесы», но и к самому писателю.

Апогеем гонений на писателя стала обширная статья Карела Горовского (настоящая фамилия — Гольят) «Ф.М. Достоевский» (*F.M. Dostojevský*) в «Пролеткульте», анонс¹⁰ которой появился в воскресном приложении «Делница бесидка» к газете «Руде право» 08.12.1923. Она публиковалась в журнале 21 ноября, 5 декабря и

⁸ *Weil J.* Fjodor Michajlovič Dostojevskij. K stému výročí jeho narození // *Rudé právo*. Roč. 2. 01.11.1921. Č. 255. S. 9.

⁹ *Rukopisy Dostojevského* // *Rudé právo*. Roč. 3. 01.04.1922. Č. 77. S. 6.

¹⁰ *F.M. Dostojevský* // *Rudé právo*. Roč. 4. 08.12.1923. Číslo 288. *Dělnická besídka*. S. 4.

19 декабря 1923 г. и представляла собой на редкость объемный критический материал¹¹ о писателе, до этого нечасто появлявшемся на страницах левых изданий. Первая, значительная, часть труда была посвящена теоретическому обоснованию нового подхода к творчеству Достоевского посредством литературной социологии, затем Горовский переходит непосредственно к анализу. По мнению автора, форму выразительности Достоевского определяет специфика аграрного общества, он говорит «монотонной серостью деревенского аскетизма», его слог прост, как феодальная экономика, наполнен гордым спокойствием, игнорирующим муравейник крестьянского населения, и медлителен, как и сам уклад аграрного общества. Достоевский, продолжает критик, является не только идеологом аграризма, он еще и фигура переходная, выплетающая в феодальную метафизику методы буржуазной науки, идол современной буржуазии; он не просто спокойный повествователь, но и гладиатор на поле боя классовой борьбы («Бесы»), использующий религию для удержания стабильности феодального уклада, который исключает технический прогресс и тем самым ломает революционную волю борца за свободу. Его антисемитизм, заключает Горовский, — показатель ханжества, а спиритуализм — модернизированное шаманство, его психологизм — это психология властвующего класса, не имеющий отношения к жизни рязанского мужика. В завершение автор статьи однозначно отрицает идеологию Достоевского, поскольку, как он утверждает, никакая любовь не поможет устроить быт в реальном мире. Таким образом, в отличие от Вайля, который стремился встроить творчество Достоевского в левую идеологию, данный критик писателя полностью отвергает.

Позже журнал «Коммунистка ревью» напечатал на эту статью Горовского ответ¹², которым стал перевод с русского статьи

¹¹ *Gorovský K. F.M. Dostojevský // Proletkult. Roč. 2. 21.11.1923. Č. 35. S. 553–555; 05.12.1923. Č. 36. S. 570–572; 19.12.1923. Č. 37. S. 585–587.*

¹² *Bystroletov D. O Dostojevském // Komunistická revue. Roč. 1. 1924. S. 138–146.*

советского разведчика, в то время проживавшего в Праге, Дмитрия Александровича Быстролётова (предположительно, внебрачного сына графа А.Н. Толстого) «О Достоевском» (*O Dostojevském*). Публикации в «Пролеткульте» автор находит своевременными и предупреждает читателя, чтобы тот не вдохновлялся идеями писателя, однако, соглашаясь с выводами чешского публициста, Быстролётов считает неверными их предпосылки. Автор также разделяет теорию социологии художественного творчества и идею того, что мещанство порождает писателей, зацикленных на себе и на своем «я», но не думает, что стиль Достоевского монотонно серый и дышит деревенским аскетизмом, в отличие от Толстого и Чехова. По его мнению, Гончаров, Тургенев и Толстой — три главных писателя-помещика, а Достоевский был нищим страдальцем, его стиль скорее обусловлен хаотичным капиталистическим миром. Далее Быстролётов разбирает «увлеченность» писателя униженными и оскорбленными и утверждает, что писатель был лицемерным подлецом, проливая слезы над нищими, поскольку, попав на каторгу, понял, что своя шкура дороже; после этого идеологию мещан в своем творчестве он заменил на деклассированного контрреволюционного люмпен пролетария; в его последующих произведениях зло всегда одерживает победу над добром, зло красиво и привлекательно, но прямо это высказать он не мог, поскольку зависел от авторских гонораров. По мнению критика, стиль Достоевского меняется в зависимости от того, что изображается: зло описывается красивым гениальным языком, а добро — примитивными штампами. В заключение Быстролётов пишет: «Достоевский — бывший каторжник, задыхающийся от дикой ненависти к добру, [...] больной, истеричный, типичный и жуткий представитель идеологии “последнего человека” — т. е. вора, убийцы и поджигателя!»¹³ В связи с этим автор находит логичным, что Достоевским интересовался Ницше, почувствовав «вонь родной гнили»¹⁴.

¹³ *Bystroletov D. O Dostojevském*. S. 145.

¹⁴ *Ibidem*.

Во второй половине десятилетия на фоне налаживания связей с СССР и появления большого количества переводной современной русской прозы классические авторы становятся редакции «Руде право» менее интересными. Исключением стал 1925-й год, когда Достоевскому в газете было уделено много внимания. Культурным отделом торгового представительства СССР в Праге под протекторатом Общества культурного и экономического сближения с Новой Россией 5 мая того года была открыта выставка книг СССР, на которой присутствовали и издания Достоевского. В связи с этим публиковалось много заметок и о самой выставке, и о писателе. Так, например, в рамках новой постоянной рубрики газеты «Обзор культурной жизни в СССР» уже в конце апреля печатается заметка¹⁵ о книге «Миф о Бакуanine», где опровергается утверждение известного исследователя Достоевского Л.П. Гроссмана, что прототипом Ставрогина в «Бесах» был Бакунин. 05.05.1925 в той же рубрике¹⁶ анонсируется открытие книжной выставки и сообщается о представленных на ней книгах. В небольшой заметке Достоевский упоминается неоднократно: говорится об издании мемуаров вдовы писателя А.Г. Достоевской, «Воспоминаний» Л.П. Гроссмана, упоминается труд В.Л. Комаровича «Достоевский».

19.05.1925 в «Руде право» публикуется отчет о выставке И. Вайля, призванный, в частности, в форме полемики с идейными противниками доказать признание Достоевского советским правительством: «Г-н Штепан Еж в газете “Ческословенска република” выставкой недоволен. Не потому, что она была недостаточно представительной, и не потому, что его не устраивает художественный уровень. Выставка, по его мнению, является орудием агитации советского правительства. Выставкой, по его мнению, советское правительство сыпет песок в глаза, скрывая бедственное

¹⁵ Přehled kulturního života v SSSR // Rudé právo. Roč. 6. 19.04.1925. Č. 92. Dělnická besídka. S. 3.

¹⁶ Přehled kulturního života v SSSR // Rudé právo. Roč. 6. 05.05.1925. Č. 104. S. 7.

положение культурной жизни в России. Мы не считаем, что выставкой кто-то намеревался сыпать в глаза песок тому, у кого они им и так полны. Если кто-то хочет верить, вместе с Крамаржем, что в России сжигают труды Толстого и запрещают читать Достоевского, его не убедят в обратном даже сто выставок, на которых представлены Достоевский и Толстой, изданные Государственным издательством»¹⁷. Учитывая отношение к писателю в официальных изданиях компартии в последние годы, коммунисты в этом споре выглядят, безусловно, лицемерами.

Чуть позже в том же году имя Достоевского в «Руде право» встретилось еще раз — в заметке¹⁸ от 19.11.1925 о культурной жизни в СССР, где упоминается издание переписки Достоевского с Тургеневым. После этого к нему больше не обращаются вплоть до 1928 г., когда вышло собрание сочинений писателя на чешском языке в 24 тт., о чем в газете были сделаны соответствующие рекламные объявления, в том числе 13.03.1928 в большом формате, практически на полстраницы¹⁹.

Кроме того, в 1928 г. были напечатано еще несколько рецензий на чешские постановки по Достоевскому, среди которых одна, написанная Майеровой, касалась спектакля Яна Бора «Преступление и наказание» в Театре на Виноградах (25.01.1925). По мнению критика, режиссеры в поисках новых мыслей и образов обращаются к классическим недраматическим произведениям, что и привело их к Достоевскому, который в своей защите униженных и оскорбленных был болезненным фанатиком, «у него для социальных явлений — словарь старой России, его справедливость новая Россия называет революцией»²⁰. В целом, в отклике много внимания уделено режиссуре, а постановка оценена очень высоко. Позже в газете анонсировали²¹ премьеру этого представления и на плзеньской сцене.

¹⁷ *Weil J.* Poznámky k výstavě knih SSSR // *Rudé právo*. Roč. 6. 19.05.1925. Č. 116. S. 2.

¹⁸ Jak se v SSSR kulturně žije // *Rudé právo*. Roč. 6. 19.11.1925. Č. 270. S. 5.

¹⁹ *Zdarma Spisy Dostojevského* // *Rudé právo*. Večerník. Roč. 9. 13.03.1928. Č. 61. S. 6.

²⁰ *M.M.* [Majerová M.] "Zločin a trest" na jevišti // *Rudé právo*. Roč. 9. 25.01.1928. Č. 21. S. 6.

²¹ Kulturní aktuality // *Rudé právo*. Roč. 9. 30.09.1928. Č. 233. S. 5.

14.10.1928 в «Руде право» вышла хвалебная рецензия²² З. Неедлы на оперу Национального театра «Карамазовы» авторства Отакара Еремиаша, который, по мнению критика, как композитор блестяще справился с задачей переработки произведения Достоевского в оперу, а кроме того, показал здесь новый, немецкий взгляд на жизнь. Пусть он и не изобразил рабочий класс (от него был далек и сам писатель), зато он бьет не по человеческим порокам, а по обществу, которое делает людей плохими, хотя изначально они таковыми не являются. Неедлы считает, что Еремиашу удалось представить роман Достоевского оптимистично, показав новый мир, пусть и в старых формах, и что эта опера является образцом современного жанра.

13.12.1928 в «Руде право» вышла рецензия²³ Майеровой на постановку «Идиота» в Национальном театре. Этот спектакль, по мнению критика, продолжил «ренессанс» Достоевского на чешской сцене, начавшийся с «Преступления и наказания» в Театре на Виноградах, и приблизил писателя к человеку XX в.

Интересно встраивает идеи Достоевского в свое мировоззрение редакция журнала «Вар». 01.12.1921 его основатель З. Неедлы опубликовал пространную заметку под названием «Достоевский»²⁴. По его мнению, писатель показал важное социальное значение сочувствия: поскольку сам был беден и много страдал, он научился видеть свет в каждом человеке, научился не ненавидеть — поэтому его нужно читать как лекарство во времена, полные ненависти к ближнему из-за несогласия с чужими мнениями. Если у Достоевского и есть пессимизм, продолжает критик, то лишь от печали по поводу многочисленных человеческих страданий, в особенности страданий целого русского поработанного народа, которого травил в том числе душевным

²² *Nejedlý Z. Jeremiášovi "Bratři Karamazovi" // Rudé právo. Roč. 9. 14.10.1928. Č. 245. Dělnická besídka. S. 2.*

²³ *M.M. [Majerová M.] Dostojevského "Idiot" // Rudé právo. Roč. 9. 13.12.1928. Č. 268. S. 5.*

²⁴ *Nejedlý Z. Dostojevský // Var. Roč. 1. 01.12.1921. Č. 1. S. 30-31.*

ядом. Поэтому, считает Неедлы, Достоевский и боится того, что придет, и оттого, например, в «Бесах» призывает Христа спасти русский народ от беды. Но Христос не пришел, и разразилась буря, призванная очистить русский народ от скверны и приблизить его к закону любви Достоевского, заключает публицист.

01.01.1926 в «Варе» выходит материал Йозефа Панека «Достоевский и современная Россия»²⁵, где приводятся цитаты из политических статей Достоевского 1876–77 гг. об отношении Европы к России, которые накануне были изданы на чешском языке. Критик подчеркивает идеи писателя о стремлении к единству русского народа, о его роли опоры для других славян, об особом значении русских в объединении человечества под знаком учения Христа, о России как о самом сильном государстве Европы будущего. Подводя итог, публицист заключает, что написанное Достоевским 50 лет назад является доказательством русской воли и осознания русским народом своей исторической миссии в связи со всем происходящим в России.

15.02.1927 в «Варе» публикуется статья Честмира Длоутого «Достоевский о русском и европейском вопросе»²⁶, где автор, с одной стороны, признал, что Достоевский ошибался в своей вере в царя — «что ни слово то ошибка», однако, с другой стороны, он высоко оценил его заслуги в определении негативной роли мещанства в обществе. По мнению критика, писатель отрицал самолечение и саморазрешение экономического вопроса без решения вопроса нравственного, а вместе с тем и марксистов как «целителей», излечивающих болезни общества, но если бы он знал экономические проблемы индустриализованного общества по аутопсии, как довелось Марксу в Англии, то при его аналитических способностях он бы был ближе марксистам. Благодаря Достоевскому, заключает публицист, мы понимаем, почему революция стала

²⁵ Pánek J. Dostojevský a dnešní Rusko // Var. Roč. 4. 01.01.1926. Č. 5. S. 142–145.

²⁶ Dlouhý Č. F.M. Dostojevskij o ruské a evropské otázce // Var. Roč. 5. 15.02.1927. Č. 1. S. 14–18.

логическим развитием русского духа и почему Масарик не воспринимал Ленина как нечто чуждое русскому — не как еврейско-немецкое явление, а как типичное проявление русского. В Достоевском автор видит ключ к русской революции.

Кроме указанных выше изданий, о Достоевском писали еще в журнале «Кмен». В начале 1928 г. там вышла заметка²⁷ о его публицистике, где рассказано о «Дневнике писателя» (в связи с выходом переводов на чешский язык) и его роли в культурной жизни эпохи. Помимо признания гения Достоевского, других оценочных суждений статья не содержала.

Таким образом, в первой половине десятилетия мы наблюдаем, с одной стороны, «развенчание» Достоевского в газете «Руде праве» и журналах «Пролеткульт» и «Комунистичка ревию», что, очевидно, связано с аффилированностью чешской компартии и ее печатных изданий с Коминтерном и финансовой зависимостью от него, однако вместе с реабилитацией писателя в России отношение к нему изменилось в середине декады и в Чехии. С другой стороны, такого перелома не наблюдается, например, в журнале «Вар», где подход к Достоевскому никогда не был таким категоричным, несмотря на очевидную верность его издателя идеалам коммунизма и симпатию по отношению к Советской России. В любом случае литературные критики левой ориентации стремились указать на ценность писателя для понимания русской революции, а также более или менее успешно и с разной степенью нарочитости пытались подстроить его творчество под свои идеи, обращаясь к художественным его особенностям лишь в исключительных случаях.

²⁷ Publicista Dostojevskij // Kmen. Roč. 2. 02.1928. Č. 2, S. 46.

Осмысление наследия Ф.М. Достоевского в переписке Т.Г. Масарика и в труде «Россия и Европа»

1990 — 2000-е гг. прошли для автора этой работы под знаком активного погружения в творческое наследие чешского мыслителя Т.Г. Масарика (1850–1937). Это нашло отражение в появлении книг и статей автора на русском, французском, чешском и английском языках¹.

Углублению разработки рассматриваемой проблематики способствовали следующие основные моменты. В первую очередь, это были архивные разыскания в России и Чехии, приведшие к выявлению неизвестной ранее переписки Т.Г. Масарика с русскими

¹ *Firsov E.F.* Myslitel a doba: T.G. Masaryk a E. Radlov v přátelské korespondenci z let 1884–1926 // T.G. Masaryk, idea demokracie a současné evropanství. Díl I. Sborník mezinárodní vědecké konference konané v Praze 2.–4. března 2000. Praha, 2001. S. 123–149; *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. Томаш Масарик и Эрнест Радлов в научной и дружеской переписке. М., 2005; *Firsov E.* T.G. Masaryk et La Russie et l'Europe // T.G. Masaryk — un intellectuel européen en politique (1850–1937). Paris, 2007. S. 185–196; *Фирсов Е.Ф.* Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М., 1997; *Масарик Т.Г.* Философия — социология — политика. Избранные тексты. М., 2003. (Отв. редактор, редактор перевода с чешского на русский яз., источниковедческий и историографический научный аппарат и именной указатель — Фирсов Е.Ф.); *Firsov E.* Changes in the estimation of T.G. Masaryk in Russia on the eve of World War I and the struggle for the Russian edition of “Russia and Europe” // TGM a Slované. Praha, 2013. С целью лучшей ориентации в профиле моей научной и педагогической деятельности в качестве доцента кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова отсылаю к редкому изданию «Летопись Московского университета. Исторический факультет», Издательство МГУ, 2014 (указатель на с. 214). О библиографии научных трудов доцента Е.Ф. Фирсова см. также: *Scholars of Bohemian, Czech and Czechoslovak history studies*. 1 (A–I). Praha, 2005. S. 262–268; Фирсов Евгений Федорович [Электронный ресурс] // Истина. URL: <https://istina.msu.ru/profile/FirsovEvGF/> (дата обращения: 03.09.2023); Фирсов Евгений Федорович [Электронный ресурс] // Энциклопедия. Всемирная история. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/firsov_ievghienii_fedorovich (дата обращения: 03.09.2023) — библиографические данные до настоящего времени.

учеными и прежде всего его переписки с русским философом Эрнестом Радловым. Так, например, в 1990-е гг. в Институте русской литературы — Пушкинском Доме РАН автором были обнаружены письма Т.Г. Масарика философу Э. Радлову, в которых содержался вопросник на нескольких страницах, касающийся творчества Достоевского.

Во-вторых, отметим, что ко второй половине 1990-х гг. относится активизация чешско-русских научных связей, начало которой положила международная научная конференция «Т.Г. Масарик и Россия», проводившаяся в Санкт-Петербурге осенью 1997 г. В ней приняли участие видные чешские ученые — литературоведы и историки — из Праги и Брно, такие как Франтишек Каутман (1927–2016), Иво Поспишил, Дануше Кшицова, Вратислав Доубек и др. Были установлены тесные научные контакты, продолжавшиеся долгие годы, особенно с В. Доубеком и Ф. Каутманом. С благодарностью вспоминаю внимание к моей научной работе Ф. Каутмана, который одним из первых в Чехии откликнулся на мою монографию о парламентской демократии при Масарике², вышедшую в 1997 г. в престижном пражском издании «Литерарни новины» (*Literární noviny*)³.

И в-третьих, на углублении интереса к исследуемой проблематике сказалось оживление подготовительной деятельности Института Т.Г. Масарика в Праге по изданию рукописи тома труда «Россия и Европа» (III), опубликованного на чешском языке в Праге в 1996 г. и подаренного мне в Москве в 1997 г. Вратиславом Доубеком (на русском языке этот том появился лишь в 2003 г.).

Вернемся, однако, к российским уникальным архивным находкам переписки Т.Г. Масарика. Под влиянием революционных

² Фирсов Е.Ф. Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм. М., 1997.

³ Kautman F. T.G.M. ruskýma očima // Literární noviny. Roč. 9. Č. 13. S. 6. Несколько позже вышла рецензия на ту же мою книгу В. Доубека. См.: Doubek V. Masarykův sborník X. Praha, 2000. S. 410–413.

событий его внимание к российской проблематике всё более усилилось. Это подтверждает обнаруженный мною в ГАРФ редкий и дотоле никому не известный документ, относящийся к весне 1905 г. Речь идет о письме (вернее почтовой открытке) на английском языке, датированном 10 апреля 1905 г. и адресованном в Лондон некоему Грину (J.F. Green)⁴, являвшемуся, по всей видимости, сотрудником Фонда Вольной русской прессы. Письмо было передано возглавлявшему тогда этот Фонд Н.В. Чайковскому (1850–1926). В материалах архивного фонда этого деятеля и было выявлено мною это письмо Масарика.

Поскольку английский текст письма уже был опубликован ранее⁵, здесь приведу собственный перевод его на русский язык. Профессор Масарик писал Грину: «Поскольку я занимаюсь *изучением отношения Достоевского к вопросу о русском нигилизме* (выделено мною — *Е.Ф.*), я бы хотел ознакомиться с работой Степняка “Путь нигилиста”? и, возможно, также с некоторыми другими его памфлетами, относящимися к данной теме: поскольку раздобыть работы Степняка здесь невозможно, беру на себя смелость просить не отказать мне в любезности — послать мне подборку указанных работ Степняка. Я полагаю, что вас не слишком затруднит моя просьба. Я был бы очень рад послать вам свою работу и готов вернуть книги, если это необходимо. Искренне ваш профессор Т.Г. Масарик. Прага, Австрия, III. Ул. Тунова»⁶.

Сам Масарик подчеркнул, что занимается «изучением отношения Достоевского к вопросу о русском нигилизме». Это нашло отражение в последующей структуре всего его труда «Россия и Европа» (1913). Заслугой ученого стало основательное рассмотрение направления русского нигилизма и борьбы Достоевского за бога, причём в контексте европейской литературы. Из текста труда очевидно,

⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 2. Ед. хр. 247. Т.Г. Масарик Грину (J.F. Green). 10.IV.1905.

⁵ *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. С. 22–23.

⁶ Там же. С. 23.

что им проанализированы все основные публицистические работы революционера-народника С.М. Степняка-Кравчинского (1851–1895). Внимательное осмысление привлекаемых ученым литературных источников характерно для творческой мастерской Т.Г. Масарика.

Наиболее ценной для осмысления темы «Масарик и Достоевский» и понимания общего генезиса труда Масарика «Россия и Европа» является переписка 1884–1926 гг. Масарика и Радлова, выявленная мною в Санкт-Петербурге в ИРЛИ — Пушкинском Доме РАН в 1997 г., а также в Праге и введенная на рубеже 1990–2000-х гг. в научный оборот в Чехии и в России.

Наряду с Э. Радловым масштабы и значение фигуры Т.Г. Масарика смогли по достоинству оценить профессор Н. Ястребов и его окружение. В 1906 г. петроградцы издали брошюру с русским переводом части труда Масарика «Социальный вопрос». В предисловии к брошюре Масарик был охарактеризован как крупный европейский ученый, как по духу близкий России человек и крупнейший представитель европейской научной и общественной мысли. В подготовленном для предисловия брошюры письме петроградцам Масарик сформулировал свои взгляды на коренные проблемы современного развития, которые можно расценивать как заветы современной демократии, в том числе и российской. Петроградские последователи Масарика еще более утвердились в своей высокой оценке этого ученого и мыслителя после выхода в свет первых двух томов его главного труда «Россия и Европа» в 1913 г. Еще в упомянутой брошюре 1906 г. профессор Н. Ястребов подчеркнул, что Масарик теперь особенно занят «русским вопросом» и пишет книгу «Этюды по русскому вопросу. Борьба Ф.М. Достоевского с нигилизмом»⁷.

Вслед за появлением первых двух томов «России и Европы» Масарик продолжил напряженную работу над следующим томом,

⁷ Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. С. 128.

посвященным как раз Достоевскому, и в 1914 г. осуществлял его сверку. О том, что работа шла полным ходом, свидетельствует очередное письмо Масарика другу Радлову в Санкт-Петербург от 11 февраля 1914 г.⁸ Из письма следует, что благодаря дружескому участию Радлова Масарик узнаёт о том, что его книга попала в России под цензурный запрет. Критика царизма обернулась против Масарика. Планы о переводе на русский язык «России и Европы» рухнули. Под впечатлением от нерадостной вести Масарик под горячую руку сформулировал своё наболевшее сокровенное кредо убежденного демократа — всё, что он думает об абсолютистском строе. Следует воспроизвести эту своего рода эпохальную формулировку из его письма: «Уверен, что мой труд очень хороший и я сожалею, что он будет запрещен в России. Разумеется, я ненавижу абсолютизм, и не только российский, но и европейский, против которого направлена моя книга», — писал Масарик Радлову⁹.

К письму прилагался объемный вопросник на трех страницах (21 вопрос) в расчёте на профессиональную помощь и консультацию Э. Радлова. В своем письме Масарик писал: «*Сейчас я делаю корректуру тома о Достоевском* [выделено мною — *Е.Ф.*], и я опять должен многое уточнить. О Достоевском! Работа о Достоевском [имелась в виду рукопись следующего, третьего по счету тома «Россия и Европа» — *Е.Ф.*] вне всякой критики. Я, само собой разумеется, стремился раскрыть его, исходя из его работ, соответственно разгадать; дело бы облегчилось, если бы его супруга смогла дать информацию. Не могли бы вы ей задать прилагаемые вопросы и получить на них ответ? Или Вы могли бы их послать третьему лицу? Некоторые вопросы, разумеется, весьма щекотливы, и на них можно дать лишь косвенную информацию»¹⁰.

⁸ ИРЛИ — Пушкинский Дом РАН. СПб. Ф. 252. Оп. 1. Ед. хр. 997. Письмо Т.Г. Масарика Э. Радлову 11-го февраля 1914 г.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Подчеркнем, что сам Масарик весьма высоко оценивал находившийся еще в рукописи III том «России и Европы» («работа о Достоевском вне всякой критики»). Имевшие место изменения, сделанные по настоянию немецкого издателя, перестановка очередности издания отдельных структурных частей труда и последующее замедление темпа издательской деятельности, а также начавшаяся Первая мировая война на долгие годы перечеркнули планы относительно печати главной части труда о Достоевском (вплоть до 1996 г.).

Теперь вновь обратимся к упомянутому вопроснику Масарика о Достоевском. Данный вопросник является приложением к его письму (на немецком языке) Э. Радлову от 11.II.1914. Поскольку его немецкий оригинал уже был мною опубликован¹¹, в данной статье привожу лишь собственный перевод этого вопросника с немецкого на русский язык:

- «1. Был ли Достоевский знаком с Герценом до катастрофы?
2. Что было результатом встречи с Герценом в Лондоне в 1862 г.? Когда он посетил Герцена?
3. Знал ли он Бакунина лично? Когда они встречались? Может быть, в Европе?
4. Как долго он находился в аристократическом обществе? Еще до 1849? После Сибири?
5. С кем он ездил в Тверь в 1859? С кем первое время в Петербурге (с 1859)?
6. Что он читал в Европе в 1867–71? Каких европейских писателей?
7. Что стало с его библиотекой? Есть ли об этом заметки? Существуют ли книги с его пометками и какими?
8. Интересовался ли он в Твери предположительно какими-либо философскими сочинениями? Что это были за названия и содержание?

¹¹ Фирсов Е. Ф. Т. Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. С. 104–108.

9. Были ли у него теологи и кто именно? Православные? Католики? Протестанты?

10. Читал ли он де Мэстра?

11. Читал ли он правоведов? Каких? Что? Уголовное право?

12. Точно ли он был знаком с И. Киреевским? Издание 1861 (2 тома)? Точно ли он читал Хомякова и других славянофилов?

13. Когда он познакомился с Победоносцевым и Леонтьевым? Нет ли об этом заметок? Их писем?

14. Переписка с Соловьевым, и вообще как обстоят дела с его корреспонденцией?

15. Читал ли он Юркевича?

16. Что с его Записной Книжкой? Есть ли еще заметки, подобно Биографии Страхова?

17. Что к настоящему времени появилось по поводу опубликованных Страховым писем Толстому? (Современный Мир, Октябрь)

18. Не знаете ли Вы что-нибудь о Достоевском от Страхова и других?

19. Каково было отношение Достоевского к 1-й жене? Вопрос о сексуальной нормальности, соответственно отклонениях?

20. Никаких заметок о Белинском? Что-нибудь о статье Белинского 1867?

21. Какие достойные внимания дополнения в свободных изданиях его сочинений? Существует ли текст до вмешательства цензуры?»

Начало рукописи III тома открывал заголовок «Борьба за Бога. Достоевский — философ истории русского вопроса». Ему предшествовало ёмкое авторское предисловие, в котором Масарик подчеркнул: «Никто другой не пытался так, как Достоевский, понять исторические и социальные факты как проявления русской души и психологически объяснить основные движущие силы русской государственной и национальной жизни. По его произведениям мы лучше всего можем познать Россию»¹².

¹² См.: *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. Т. III. СПб., 2003. С. 5.

По всей видимости, анализируемый уникальный документ — вопросник Масарика Радлову о Достоевском — возник в тот период, когда Масарик был занят доработкой начального раздела тома «Достоевский. Биография». Большинство вопросов, возникавших перед автором труда, касалось как раз биографической части, которая, кстати, на мой взгляд, не лишена определенной тезисности в изложении и отличается чрезмерной краткостью.

Вместе с тем бросается в глаза, что на дружеской ноте Масарик позволил себе задавать не только, как он сам подметил, «щекотливые» вопросы, но я бы сказал, даже слишком щекотливые (до неприличия) и каверзные вопросы. К ним, например, можно отнести вопрос об отношении к первой жене, о сексуальной нормальности и отклонениях (под № 19).

В ходе публикации писем Масарика Радлову и вопросника о Достоевском я не переставал надеяться, что впоследствии найдется кто-нибудь из литературных знатоков Достоевского, кто смог бы выявить, опираясь на опубликованный ныне на русском языке III том «России и Европы», удалось ли в итоге Масарику найти ответы на волновавшие его вопросы и включить уточнения в текст своего труда. К сожалению, стоит заметить, что до сих пор этот аспект не привлёк внимание современных литературоведов. Но кто знает, может быть, это всё же произойдет в будущем.

Весной 1917 г., как известно, Масарик приехал на длительное время в Россию и в Санкт-Петербурге часто встречался с другом своей молодости Э. Радловым. У Масарика была возможность вновь вернуться к вопроснику о Достоевском и разговорить Радлова на эту тему. Однако трудно судить, дошло ли в итоге дело до обсуждения проблем, касающихся Достоевского. Ведь перед Масариком на повестке дня стояли тогда более важные и неотложные задачи текущей национально-освободительной борьбы чехов и словаков за независимость, чему он посвятил годы Первой мировой

войны. В период между двумя мировыми войнами, уже будучи на посту президента Чехословацкой республики, Масарик ни шатко ни валко, при поддержке известного литературоведа и дипломата Иржи Горака (1884–1975) пытался взяться за доработку рукописи III тома «России и Европы» и, несомненно, частично произвел отдельные уточнения и исправления в тексте труда. Однако теперь главным делом и детищем всей его жизни стала Республика, и он был занят её строительством, упрочнением и отстаиванием в политической борьбе главных её основ.

Масарику удалось всесторонне рассмотреть основные сочинения Ф.М. Достоевского. Не обошёл он и проблему религиозных сомнений, внутренней раздвоенности. По Достоевскому, каждый человек от природы раздвоен, но он учитывает степень раздвоенности. Вместе с тем, Достоевский считает высшим даром умение мучиться вопросами вечности. В целом труд Масарика выдержан в филопротестантской тональности, и здесь, видимо, сказался его недавний переход из католичества в протестантскую веру, чтобы быть ближе к вероисповеданию его супруги. Можно также подметить и отдельные проявления его филоправославия, особенно в том разделе завершающего тома, в котором Масарик оценивает так называемую «формулу Достоевского».

Жизненный опыт Масарика и борьба за национальную независимость с гуситских позиций привел его в стан критиков католицизма, и филокатолическое направление в Чехословацкой Республике не могло не заметить предубеждений Масарика в отношении католицизма. Даже отдельные представители русской эмиграции (жившие в Моравии и ценившие кирилло-мефодиевские традиции — так называемый Велеградский религиозный центр в Моравии) проявляли критическое отношение к Масарику и к его стремлению возвысить православное наследие Достоевского. Так, например, историк, религиовед, литературовед и публицист, автор

романа «Прага» (на чешском языке) Валерий Вилинский (1903–1955) отвергал философию Достоевского¹³. Он считал, что через образ Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых» Достоевский односторонне искажил картину католической церкви в России, а предубеждения русских к католицизму зиждутся на изложении Достоевским данного сюжета. На православии Достоевского, по Вилинскому, отразились его собственные литературные творения, которые Вилинский считал «болезненными», что позволило последователям Достоевского «раздуть православие» и возвеличить его. По Вилинскому, самоанализ Достоевского ни к чему не приводит, а лишь усиливает «застылость» православия, не влияя на реалии жизни русских. Будучи одним из сторонников филокатолицизма, В. Вилинский считал даже, что не только в России, но и в Европе влияние Достоевского было устойчиво роковым¹⁴.

Несмотря на подобную критику Достоевского (а опосредованно и самого Масарика), всё же более убедительными представляются взгляды и анализ творчества Достоевского, которые мы встречаем в труде Т.Г. Масарика. И можно лишь сожалеть, что его главный том о Достоевском так и не вышел в межвоенный период и не смог тогда повлиять на такие экстремальные взгляды, как например, взгляды В. Вилинского. К заслугам Масарика стоит также отнести то, что он в своем эпохальном труде о Достоевском не стремится к сенсациям (что в какой-то мере отражается в составленном им вопроснике). Этого нельзя сказать о послесловии

¹³ Фирсов Е.Ф. Пражские архивные материалы о слависте С.Г. Вилинском // Вестник Московского университета. Серия 9. 2002. № 6. С. 129–140; Фирсов Е.Ф. Историки отец и сын Вилинские (Прага — Брно) // Он же. Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012. С. 240–266.

¹⁴ См.: Hultsch A. Ein Russe in der Tschechoslowakei. Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1901–1955). Böhlau Verlag Köln Weimar. Wien, 2011. S. 222. Деятельности Вилинских в ЧСР касался также чешский литературовед Иво Поспишил. См. об этом, например: Костицкова Я., Поспишил И. Основы литературоведения. Hradec Kralové, 2021. С. 237–244.

переводчиков в издании «России и Европы» на русском языке, которое посвящено Масарику и Достоевскому, но помещено почему-то не в III, а во II том публикации. Как ни странно, авторы данного послесловия, во-первых, довольно прямолинейно приписывают Масарику «гипотезу о тайном неверии»¹⁵ Достоевского. А во-вторых (как говорится, коль рубить, так уж с плеча), следуя своему прежнему духу «реального социализма», переводчики утверждают (вслед за наркомом Луначарским!?), что Достоевскому присуще социалистическое сознание¹⁶.

Даже изданная с большим запозданием «Россия и Европа» и особенно III том о Достоевском воспринимаются весьма актуальными в изменившемся современном мире. Такие разделы завершающего тома труда Масарика, как «Формула Достоевского» (XI), «Россия и Европа» (XV), «Русский характер» (XIV) и другие настолько до сих пор созвучны современникам, что тянет перечитывать труд вновь и вновь. Особенно привлекательны кажутся данные Достоевским характеристики национальных отношений, менталитета различных европейских народов (в том числе и чехов), соотношения нигилизма и анархизма, русских и европейцев и т.д., переданные Масариком.

Будь III том (о Достоевском) издан в 1914 г., он смог бы, по всей видимости, стать для русских своего рода предупреждением от безбрежного нигилизма в ту переломную эпоху. Досконально рассмотренные Масариком главные литературные шедевры Достоевского, без сомнения, могут стать замечательным подспорьем в подготовке современных литературоведов и представителей всех гуманитарных наук.

Масарика можно считать основательным летописцем уходящей тогда России и её прежней интеллектуальной и

¹⁵ См.: *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. Т. 2. СПб., 2004. С. 641.

¹⁶ Там же.

духовной жизни, включенной автором в исторический и литературный контекст.

И в завершение следует остановиться на весьма основательном отклике на труд «Россия и Европа» и на восприятие Масариком Достоевского, которым является книга русского философа-позитивиста Бориса Яковенко (1884–1949) по истории русской философии¹⁷. Она была издана в 1938 г. на чешском языке стараниями Славянского института в Праге вскоре после кончины Масарика (1937). Книга была сдана в печать в 1937 г., т. е. еще при жизни Масарика, и можно лишь сожалеть, что — то ли по незнанию (что мало вероятно), то ли умышленно — солидная книга Яковенко, как правило, не замечалась ни отечественными, ни зарубежными исследователями. Мною выявлена чуть ли не единственная ссылка на него, да и то на его небольшую статью на русском языке. А ведь уже издан русский перевод книги (2003). В главе VII (в продолжение темы «Самоутверждение русской философской мысли») содержится раздел «Противоречивость мировоззрения Достоевского»¹⁸. Яковенко отмечает, что мировоззрение Достоевского имеет две стороны и может быть названо как позитивным, так и негативным. К позитивным чертам он относит сближающие Достоевского со славянофильским миром идеи. Среди этих черт Яковенко подчеркивает роль православия, объединяющую миссию русского народа на основе православной веры, благотворность страдания, идею всеобщего спасения во Христе, идею всечеловеческой миссии русского народа.

Согласно Яковенко, наряду с этим четко высказанным позитивным мирозерцанием у Достоевского наблюдается другое (скрытое в уголках его души), которое он время от времени извлекает на свет, и то лишь в художественных произведениях. Оно

¹⁷ *Jakovenko B. Dějiny ruské filosofie. Praha, 1938.*

¹⁸ *Яковенко Б.В. История русской философии. М., 2003. С. 307–309.*

противоположно первому: это мировоззрение зла, ненависти, отчаяния, святотатства, бессмысленности и т.д. Достоевский признавался в натиске отрицательного, который он пережил. Яковенко считал, что негативное мировоззрение окончательно не было преодолено и что в «Великом инквизиторе» оно обретает выражение бунта против Бога как противоположное позитивному созерцанию старца Зосимы. В своей глубине, считает Яковенко, мировоззрение Достоевского было двойственным, это словно «идеология двойничества»¹⁹.

По договоренности с чешскими издателями и Славянским институтом в Праге Яковенко в конце каждой главы давал комментарии к взглядам Масарика в «России и Европе» (речь шла, разумеется, о первых двух томах труда — Е.Ф.). По мнению Яковенко, взгляды Достоевского играют основополагающую роль в глазах Масарика, ибо он поставил перед собой задачу раскрыть русский идейный мир и представить развитие русского духовного мира в связи с идеями и творчеством Достоевского. Яковенко был отчасти прав, отмечая, что «работа Масарика не завершена, в ней нет содержательного изложения мировоззрения Достоевского, обоснования значения, *которое Масарик приписывает ему в жизни русского духа и которое по некоторым важным причинам кажется сомнительным*, особенно учитывая последний опыт и попытку Великой русской революции, несмотря на объективные и значительные проявления русского духа до Достоевского и после него»²⁰.

Замечания Яковенко представляются в какой-то мере оправданными. Но они были бы, по всей видимости, сняты, будь в руках у Яковенко завершающий III том «России и Европы», изданный намного позже, в котором Масарику удалось во всей полноте вникнуть в мировоззрение Достоевского, охарактеризовать его

¹⁹ Яковенко Б.В. История русской философии. С. 307–309.

²⁰ Там же. С. 309.

главные литературные шедевры и учесть как позитивные, так и подспудные двойственные черты его сознания.

И всё же считать основным источником познания социально-политического положения России и русской ментальности лишь произведения ведущих русских писателей, пусть и талантливые, как это сделал Масарик в «России и Европе», вряд ли было исчерпывающе.

Вспоминаются строки русского писателя И.Л. Солоневича (1891–1953), жившего в эмиграции в Европе, о том, что среди научно-философских зарослей общепринятых характеристик продолжает блуждать мнение мира о дореволюционной России как об отсталой стране и о таинственной славянской душе, без которой трудно было бы обойтись голливудским режиссерам. И. Солоневич, кроме того, справедливо критиковал типичный литературоведческий метод постижения реалий России, когда слависты, как правило, обращались к великой русской литературе, поскольку из нее и высовываются «чахоточные и безвольные интеллектуалы». Книжно-литературную психологию он считал противоречащей и несовместимой с российскими историческими реалиями. Солоневич особо подчеркивал, что и каратаевское непротивление злу, и чеховское безволие, и Достоевская любовь к страданию чужды русской разумной психологии²¹.

²¹ Солоневич И. Дух народа // Русская идея. Т. 2. М., 1999. С. 338.

Именной указатель

Абрамов Михаил Александрович 267

Августин Аврелий 211

Айтматов Чингиз 178

Аксаков Иван Сергеевич 59, 60–62, 65

Акунин Борис (наст. имя Чхартишвили Григорий Шалвович) 138

Александр I Карагеоргиевич 145

Александр II 58, 61, 62, 65

Александр Баттенберг 25

Андерсен Ханс Кристиан 250

Андреев Леонид Николаевич 73, 155, 166

Андреев-Бурлак Василий Николаевич 172

Андрич Иво 142

Антропов Лука Николаевич 171

Аполлонио Кэрл 20

Аракчеев Алексей Андреевич 78

Арманини Анте 202, 208 (см. также Armanini A.)

Афиногенов Александр Николаевич 175

Бабка Лукаш 239

Бадалич Йосип 200, 201 (см. также Badalić J.)

Баева Искра 50, 51, 52

Байрон Джордж Гордон 222, 226

Бакунин Михаил Александрович 75, 217, 276, 286

Бартош Ян 265

Батюшков Константин Николаевич 227

Бахтин Михаил Михайлович 16, 18, 140, 161, 230 (см. также Bachtin M.M.)

Бегоунек Вацлав 260

Безруч Петр 246

Белинский Виссарион Григорьевич 219, 287

Белкин Абрам Александрович 16

Белнеп Роберт 230 (см. также Belknap R.)

Бельмонт Лео 76

Бем Альфред Людвигович 224, 225, 240, 265, 266 (см. также Bem A.L.)

Бенкендорф Александр Христофорович 78

Берг Йозеф 251 (см. также Berg J.)

Бергрова Зузана 252

Бердяев Николай Александрович 16, 89, 209, 230

Берия Лаврентий Павлович 160

Бестужев-Марлинский Александр Александрович 108

Бечка Йозеф 259

Бжозовский Станислав Леопольд 99 (см. также Brzozowski S.L.)

- Билек** Ян 268
Билевески Владимир 176
Бисмарк Отто фон 26
Блажкова Ярослава 188
Блок Александр Александрович 270
Богун Михал 84
Богуславский Юзеф 96, 97, 100
Бор Ян 242, 243, 264, 272, 277
Борис III 29
Бородач Янко 175 (см. также Borodáč J.)
Бош Ян Виллем ван ден 180
Бретон Андре 232
Брехт Бертольт 177
Брнчич Ядранка 210, 212 (см. также Brnčić J.)
Брода Мариан 84
Бродский Властимил 252
Брох Герман 214
Бубеникова Милуша 224, 239, 240, 243
Будагова Людмила Нораировна 10, 11, 13–22, 268
Булатович Миодраг 141–143, 145, 148–152 (см. также Bulatović M.)
Булгаков Михаил Афанасьевич 166, 167, 246
Бурешова Гана 244, 245
Буриан Эмиль Франтишек 243, 264
Бурианек Мирослав 252
Бурмистрова Алина Валентиновна 172
Бучек Йозеф 265
Быстролётов Дмитрий Александрович 275 (см. также Bystroletov D.)
Бэкон Фрэнсис 82
Бютор Мишель 188
Вагнер Ян 258 (см. также Wagner J.)
Вазов Иван 25, 65
Вайда Анджей 68, 248, 249 (см. также Wajda A.)
Вайль Иржи 269, 273, 274, 276 (см. также Weil J.)
Валентова Соня 177 (см. также Valentová S.)
Валицкий Анджей 84
Валлерстайн Иммануил Морис 54
Ванчура Владислав 241
Варминьский Януш 68
Ваянский Святозар Гурбан 154, 174
Ведеманн Марек 96
Вергилий 215
Вересаев Викентий Викентьевич 16
Ветловская Валентина Евгеньевна 230
Вийк Николас ван 266
Виликовский Павел 188
Вилинский Валерий Сергеевич 290 (см. также Vilinskij V.S.)
Волгин Игорь Леонидович 17, 20
Волькер Иржи 241, 267

Вольман Франк 226, 227+230 (см. также Wollman F.)

Восковец Прокон 252

Вострая Алена 244

Вострый Ярослав 265, 244

Врангель Александр Егорович 265

Врбский Бедржих 264

Гавличек-Боровский Карел 238

Гайко Далимир 163

Гамальяр Ян Игор 155

Гампл Ярослав 259

Ганзал Йозеф 267

Ганус Ладислав 157 (см. также Hanus L.)

Гаспра Павол 176, 177, 178

Гауптман Герхарт 250

Гафрик Роберт 163 (см. также Gáfrík R.)

Гашкова Татьяна 252

Гесеманн Герхард 266

Гегерова Вера 167, 184

Геден Саша 253

Гейшберг Марек 185

Генке Йозеф 252

Гербенова Бронислава 258

Германов Георги 47

Герцен Александр Иванович 74, 75, 80, 237, 286

Герчикова Ирина Александровна 241, 245

Гёте Иоанн Вольфганг фон 173, 215, 226

Гётц Франтишек 242, 264, 267

Гишиш Антон 188

Гинек Алоис 259

Гинк Даниил 179

Главица Лукаш 253

Гоголь Николай Васильевич 13, 173, 175, 196, 223, 232, 234, 237, 249

Гойа Франциско 214

Голдфлам Арношт 265

Гомбар Додо 165, 184

Гомбрович Витольд Мариан 104, 105 (см. также Gombrowicz W.M.)

Гомер 214, 215

Гомза Мартин 163

Гончаров Иван Александрович 139, 206, 223, 275

Гора Йозеф 241, 269

Горак Иржи 224+226, 289, 267 (см. также Horák J.)

Горачек Владимир 252

Горовский Карел (наст. фам. Гольят) 273, 274 (см. также Gorovský K.)

Горчичка Иржи 252

Горький Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков) 175, 176, 222, 270

Горяинов Андрей Николаевич 224, 240

Гостинский Отакар 267
Гостовский Йозеф 265
Гостовский Эгон 15, 233, 241
Гофман Владимир Ростиславович 251
Гофман Властимил 265
Гофман Эрнст Теодор Амадеус 231
Гошек Игнац 258
Гранин Даниил 231
Гребеничкова Ружена 266
Гржибкова Радка 239
Грибоедов Александр Сергеевич 196, 223
Григоров Константин Михайлович 31
Григоров Никита Константинович 31, 32
Грин Дж.Ф. 283 (см. также Green J.F.)
Громадка Йозеф Лукл 267
Гроссман Леонид Петрович 16, 168, 265, 276 (см. также Grossman L.)
Грубер Милан 207 (см. также Gruber M.)
Грубый Яромир 220, 258, 259
Губа Мартин 180, 182
Гула Бржетислав 259
Гулманова Мария 168
Гус Ян 158

Да
Дашев Ариф 250

Дамьянов Сава 143
Дамянов Симеон 47
Данилевский Николай Яковлевич 36
Данте Алигьери 215
Дворжак Либор 241, 242 (см. также Dvořák L.)
Дедиер Владислав 151
Дерфлер Франтишек 249
Джойс Джеймс 214
Дидерихс Ойген 220
Димитрин Юрий Георгиевич 250
Димитров Эмил (Емил) 55, 65, 66
Димов Ангел 48, 49
Дичев Ивайло 52
Длоуги Честмир 279 (см. также Dlouhý Č.)
Добешевский Януш 84
Додин Лев Абрамович 178
Донадини Ульдерико 204, 213 (см. также Donadini U.)
Дондурей Тамара Даниловна 254
Достал Карел 242
Достоевская Анна Григорьевна (ур. Сниткина) 168, 204, 276 (см. также Dostojevská A.G.)
Достоевская Любовь Федоровна 265
Достоевская Мария Дмитриевна (ур. Констант) 204
Достоевский Андрей Федорович 231
Достоевский Федор Михайлович 11, 13-21, 23, 32-41, 43-48, 50, 55-57, 60, 61, 63-69, 72, 76,

81-84, 86-142, 144, 148-217, 219-226, 229-262, 264-280, 282-293
(см. также Dostojevskij F.M.)

Добук Вратислав 282 (см. также Doubek V.)

Дубравова Ружена 167

Дуда Бонавентура 209

Дуйчев Иван 47

Дурман Милан 207 (см. также Durman M.)

Душкова Людмила 252

Дюришин Диониз 229 (см. также Đurišin D.)

Еж Штепан 276

Еремиаш Отакар 251, 278

Еремич Драган 150

Есенин Сергей Александрович 14, 270

Есенска Зора 156, 161, 176

Жемберова Вера 168, 169 (см. также Žemberová V.)

Жеромский Стефан 72, 73, 94, 103 (см. также Žeromski S.)

Жиаранова-Дворжакова Ружена 167

Жид Андре 16

Жмегач Виктор 206 (см. также Žmegač V.)

Жоховский Юзеф 97, 100

Заградка Мирослав 239, 270
(см. также Zahradka M.)

Задорожник Элла Григорьевна 267

Закутянская Михаела 180

Замшев Максим Адольфович 20

Замятин Евгений Иванович 166

Запотоцкий Антонин 269

Захаров Владимир Николаевич 19

Здзеховский Мариан Урсин 94
(см. также Zdziechowski M.U.)

Зегерс Анна 16

Зейер Юлиус 241

Зеленка Петр 253, 254

Зеньковский Василий Васильевич 83, 84

Золотусский Игорь Петрович 14

Иван III 195

Илич Александр 150, 151 (см. также Ilić A.)

Инон Израэль 251

Йоганидес Ян 187-198 (см. также Johanides J.)

Йосипович Иво 143

Кабыш Инна Александровна 20

Калайджич Драган 209 (см. также Kalajdžić D.)

Калезич-Джуричковиц Светлана 144, 147 (см. также Kalezić-Đurisković S.)

- Калинина** Ольга 246
Калоч Зденек 265
Камю Альбер 16, 67, 184, 188, 244
Каравелов Любен 24, 25
Карамзин Николай Михайлович 21, 55
Карола Йозеф Э. 267
Катаев Валентин Петрович 175
Катков Михаил Никифорович 80
Катунарич Дражен 202, 214, 215 (см. также Katunarić D.)
Каутман Франтишек 230, 232–236, 238, 240, 243, 259, 266, 267, 282 (см. также Kautman F.)
Кафка Франц 233
Квасничка Арношт 259
Кёниг Вацлав 259
Киреевский Иван Васильевич 287
Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси 20
Кирилл, святой 60
Кирпичников Александр Иванович 265
Киш Данило 242
Клачко Рудолф 156, 176
Клюшников Виктор Петрович 75
Ковалчикова Петра 180
Ковальчук Йозеф 265
Ковач Мирко 141–148, 152 (см. также Kovač M.)
Когоут Павел 265
Кожин Вадим Валерианович 228
Козинский Клим Александрович 249
Коллар Ян 153
Комарович Василий Леонидович 276
Константинович Радомир 142
Копаничак Юрай 162 (см. также Kopaňičák J.)
Копо Жак 272
Коренчи Антон 165, 166, 185
Короленько Владимир Галактионович 80, 81
Корш Федор Адамович 172
Костинцова Яна 290
Костолянска Гана 162, 167
Костолянский Феликс 167
Костришица Владимир 223
Котова Славея 34, 47, 48
Котоуцова Анежка 255 (см. также Kotoúřcová A.)
Кошечко Анастасия Николаевна 144
Крамарж Карел 277
Краса Ганс 251
Крестовский Всеволод Владимирович 75
Крибл Йосип 202, 209 (см. также Kribl J.)
Крклец Густав 201, 203, 204 (см. также Krklec G.)
Крлежа Мирослав 210, 215, 216 (см. также Krleža M.)
Кробот Мирослав 180–182 (см. также Krobot M.)
Крученых Алексей Елисеевич 232
Кубка Франтишек 241 (см. также Kubka F.)

Кудлач Эдуард 179, 180, 183
Кузмич Александра 145, 146
Кукучин Мартин 174
Кундера Милан 254 (см. также Kundera M.)
Купка Карел 251
Купко Валерий 168
Купкова Ивана 168
Куса Мария 5, 153-170, 317 (см. также Kusá M.)
Кусы Иван 154 (см. также Kusý I.)
Кшицова Дануше 239, 282 (см. также Kšicová D.)

Лаговский Бронислав 93 (см. также Łagowski B.)
Лазари Анджей Дымитр де 81, 84, 86, 106
Лалич Михаило 142
Ламанский Владимир Иванович 50, 51
Ланге Антоний 94 (см. также Lange A.)
Леерсен Йозеп 92 (см. также Leersen J.)
Лейбниц Готфрид Вильгельм 212, 249
Ленин Владимир Ильич (наст. фам. Ульянов) 216, 217, 280
Леонтьев Иван Николаевич 73
Леонтьев Константин Николаевич 287
Леонтьева Елизавета Карловна 73

Лепилова Кветуше 239
Лермонтов Михаил Юрьевич 13, 14, 72, 223
Лесков Николай Семенович 75, 223, 224, 227, 230, 231 (см. также Leskov N.S.)
Лесна Марта 166
Липатов Александр Владимирович 68, 82 (см. также Lipatow A.)
Липус Радован 252
Личкова Марта 167
Лненичка Петер 252
Ломоносов Михаил Васильевич 236
Лончаревич Юрай 202
Лосский Николай Онуфриевич 144, 157
Лудвиг Соня 210, 211, 212 (см. также Ludvig S.)
Лужный Рышард 68 (см. также Łužny R.)
Луначарский Анатолий Васильевич 16, 161, 271, 291
Лунин Михаил Сергеевич 74
Люксембург Роза (наст. имя Розалия) 271 (см. также Luxemburgová R.)
Ляцкий Евгений Александрович 266
Магидова Мария 266, 268
Магритт Рене 249
Мазух Бранё 165, 184
Майерова Мария 269, 271-273, 277, 278 (см. также Majerová M.)

- Майков** Аполлон Николаевич 75
Майлинг Даниэл 179, 182, 183
Малевич Олег Михайлович 237, 240, 267
Малина Ярослав 243
Малипи Эва 161 (см. также Maliti E.)
Малышев Вячеслав Александрович 30
Малышев Игорь Александрович 14
Мальцев Леонид Алексеевич 84
Малявина Валентина Александровна 19
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович 109
Манн Томас 215
Мариа Ярослав 251
Мариан Газдик 163
Маркевич Болеслав Михайлович 75
Маркес Габриэль Гарсиа 178
Маркс Карл Генрих 271, 279 (см. также Marx K.)
Марушич Тина 210 (см. также Marušić T.)
Масарик Томаш Гарриг 16, 220-226, 233, 234, 237, 238, 266, 267, 280, 281-294 (см. также Masaryk T.G.)
Матезиус Богумил 259-264 (см. также Mathesius B.)
Матушка Александер 157, 174, 190 (см. также Matuska A.)
Маха Карел Гинек 228, 229
Махал Ян 266, 268
Махар Йозеф Сватоплук 15
Мацкевич-Цат Станислав 95 (см. также Mackiewicz-Cat S.)
Мацковчак Ян 169 (см. также Mackovčák J.)
Мачеевский Януш 73
Машкова Алла Германовна 187
Маяковский Владимир Владимирович 270
Мейснар Гинек Й. 258
Менгер Вацлав 252
Менцель Йозеф 259
Мережковский Дмитрий Сергеевич 167, 171, 231, 265, 271 (см. также Merežkovský D.)
Местр — см. Мэстр Ж.
Мефодий, святой 60
Мигал Штефан 155
Мизов Максим 49, 50
Микулашова-Шкридлова Вера 162
Микш Йозеф 265
Миланович Зоран 143
Миларов Илия 206 (см. также Milarov I.)
Милош Чеслав 105 (см. также Miłosz Cz.)
Милошевич Никола 142
Милотин Дмитрий Алексеевич 62
Минаржик Станислав 258, 259
Митана Душан 188
Михайлов Михайло 202, 206 (см. также Mihajlov M.)
Михайловский Николай Константинович 96

Михелко Роман 163
Мицкевич Адам 74, 85, 103, 226
Мишчин Даниэль 202, 208, 210, 212 (см. также Miščin D.)
Молек Павел 252 (см. также Molek P.)
Мольер Жан-Батист Поклен 89, 90, 272
Моравек Владимир 245, 246 (см. также Morávek V.)
Моравкова Алена 164, 252
Морева Любовь Михайловна 144
Морозов Тимофей Саввич 59, 61-63
Морозова Мария Федоровна 62
Мраз Андрей 155
Мрштик Вилем 238, 258, 267
Мужик Богумил 259
Муравьев Михаил Николаевич 75
Мурко Матия 229 (см. также Murko M.)
Мусатов Григорий Алексеевич 263
Мусич Франо 209 (см. также Musić F.)
Мусялович Ян 101
Мэстр Жозеф де 287
Мюссе Альфред де 222

Надаши-Еге Ладислав 174

Налётова Людмила Николаевна 250
Неедлы Эденек 267, 270, 278, 279 (см. также Needlý Z.)

Незвал Витезслав 241
Нейман Станислав Костка 233, 269, 270
Некрасов Николай Алексеевич 223
Немирович-Данченко Владимир Иванович 250
Немы А. (наст. имя Немец Алоис) 270
Николавская Татьяна Евгеньевна 144
Николай I 24, 78
Николай Николаевич Старший. великий князь 62
Ницше Фридрих Вильгельм 215, 275
Новак Богумил 267
Новак Ян 164, 179, 265
Новомеский Лацо 158, 159, 160, 161

Оболенская Варвара Дмитриевна 180
Одоевский Александр Иванович 74
Ожешко Элиза 79
Орловский Ян 80 (см. также Orlowski J.)
Орнатская Тамара Ивановна 15
Осипов Николай Евграфович 266
Островский Александр Николаевич 175
Острчил Отакар 251
Отто Ян 259
Отченашек Штепан 244

- Павел**, апостол 83
- Павлац** Петер 164, 183
- Панек** Йозеф 279 (см. также Pánek J.)
- Папоушек** Владимир 15, 21
- Парменид** 81, 88
- Паролек** Радегаст 267
- Пастернак** Борис Леонидович 234
- Паточка** Ян 233, 267
- Пекич** Борислав 142
- Пелишек** Йозеф 258
- Перны** Лукаш 163 (см. также Perný L.)
- Пероутка** Фердинанд 268
- Пескова** Анна Юрьевна 175
- Петр I** 77, 194, 228
- Петрушевский** Александр Васильевич 31
- Печерин** Владимир Сергеевич 75
- Пешль** Арношт 259
- Писемский** Алексей Феофилактович 75, 223
- Питинский** Ян А. 265
- Плаксин** Сергей Иванович 250
- Платон** 215
- Победоносцев** Константин Петрович 57, 287
- Полак** Роман 179, 182
- Полачек** Карел 264
- Полонский** Яков Петрович 75
- Померанц** Григорий Соломонович 92
- Попович** Милош 204, 205 (см. также Popović M.)
- Порочкина** Ирина Макаровна 237
- Поспишил** Иво 219, 221, 224, 226, 228-231, 239, 282, 290 (см. также Pospíšil I.)
- Прах** Войтех 258
- Проданов** Васил 49
- Прокофьев** Сергей Сергеевич 250
- Прохаска** Драгутин 201, 203, 205, 266 (см. также Prohaska D.)
- Прус** Болеслав 74, 79
- Пруст** Марсель 166
- Прушкова** Зора 190 (см. также Prušková Z.)
- Пуйман** Фердинанд 251
- Путин** Владимир Владимирович 50
- Путна** Мартин 255 (см. также Putna M.C.)
- Пушкин** Александр Сергеевич 13, 14, 50, 57, 72, 76, 89, 166, 176, 222, 223, 226, 236 (см. также Puškin A.S.)
- Пшибыльский** Рышард 84
- Пшибышевский** Станислав 224, 226 (см. также Przybyszewski S.)
- Пытлик** Радко 239, 266 (см. также Pytlík R.)
- Радимски** Ладислав 267
- Радлов** Эрнест Львович 281, 282, 284-286, 288

Разин Степан Тимофеевич 155
Разусова-Мартакова Мария 156, 176
Ранкович Светолик 141
Ребиков Владимир Иванович 250
Ризенкампф Александр Егорович 171
Римарич-Волынский Константин 202, 214 (см. также Rimarić-Volinski K.)
Роб-Грийе Ален 188
Рогулич Гана 252
Розанов Василий Васильевич 16
Розкопфова Марта 243
Ролл Иржи 252
Росицкий Эвжен 267
Роубичек Паул 266
Ружичкова-Ванёва Гелена 155, 258 (см. также Ružičková-Váňová H.)
Руссо Жан-Жак 273

С
Сабова Надя 166, 167

Садовничий Виктор Антонович 20
Салтыков-Щедрин Михаил Еврафьевич 75, 76, 79, 206, 223
Саррот Натали 188
Сартр Жан-Поль 67, 188
Сватонь Владимир 239
Свобода Эмиль 266
Свобода Йозеф 243
Селимович Меша 142

Сенкевич Генрик Адам Александр Пиус 79, 98
Сенкович Желько 205 (см. также Senković Ž.)
Сераковский Сигизмунд 80 (см. также Sierakowski Z.)
Сивак Светлана Сергеевна 237
Симонов Константин Михайлович 176
Слабигоудова Надежда 252
Слабинац Гордана 214 (см. также Slabinac G.)
Славейков Петко Рачов 65
Славик Ян 226 (см. также Slavík J.)
Слобода Рудольф 188
Словацкий Юлиуш 227
Слонимский Антоний 85
Смелков Александр Павлович 250
Смочек Ладислав 265
Сокол Кирилл Гелиевич 71
Солар Миливой 214 (см. также Solar M.)
Солженицын Александр Исаевич 21, 246
Соловьев Владимир Сергеевич 67, 82, 265, 287 (см. также Solovjov V.S.)
Солоневич Иван Лукьянович 294
Сомп Йозеф 252
Сохоуп Йозеф 265
Слесивцев Вячеслав Семенович 178
Спрушанский Светозар 179

Срезневский Вячеслав Измаилович 224, 240

Сталин Иосиф Виссарионович (наст. фам. Джугашвили) 30, 31, 50, 142, 160

Стамболов Стефан 26, 27

Станилов Станислав 49

Станиславский Константин Сергеевич 172, 175, 250

Станкович Борисав 141

Сташек Антал 268

Стемповский Ежи Чеслав 90 (см. также Stempowski J.Cz.)

Степняк — см. Степняк-Кравчинский С.М.

Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович 283, 284

Столетов Николай Григорьевич 62

Стоянов Васил 238 (см. также Stojanov V.)

Стоянов Михаил 34, 47, 48

Страхов Николай Николаевич 81, 287

Стрниско Владимир 164, 183

Суворин Алексей Сергеевич 171

Сугай Лариса Анатольевна 176

Суслова Аполлинария Прокофьевна (Паулина) 204

Суханек Владимир 177

Сухарский Тадеуш Кшиштоф 84, 86, 92, 93, 95, 106 (см. также Sucharski T.K.)

Сухово-Кобылин Александр Васильевич 175

Такачова Мария 166, 167

Тврды Петер 155, 156, 176

Терич Милан 143

Тесаржова Яна 156, 174 (см. также Tesařová J.)

Тескова Анна Антоновна 224, 259, 266

Тилле Вацлав 266

Тимрава (наст. имя Сланчикова Божена) 174

Тинин Иван Григорьевич 29

Тито Броз Иосиф 142

Товстоногов Георгий Александрович 177

Токажевский Шимон Винцентий 96, 97, 100

Толбухин Федор Иванович 29

Толстой Алексей Николаевич 275

Толстой Владимир Ильич 20

Толстой Лев Николаевич 14, 20, 50, 72, 75, 79, 154, 167, 175, 183, 203, 211, 217, 223, 229, 270, 271, 275, 277, 287 (см. также Tolstoj L.N.)

Томић Лидија 143

Третьяк Юзеф 96

Третьяков Сергей Михайлович 61

Троев Петко 48

Троповский Евгений Наумович 73

Тужинский Ян 163

Тукалевский Владимир 266

Туниманов Владимир Артемович 15

Тургенев Иван Сергеевич 14, 61, 72, 75, 76, 166, 200, 223, 230, 271, 275, 277

Тынянов Юрий Николаевич 16, 232

Тютчев Федор Иванович 75 (см. также Tjutczew T.)

Уваров Сергей Семенович 77

Уевич Мате 207 (см. также Ujević M.)

Ужаревич Йосип 202, 210, 212 (см. также Užrević J.)

Уличанска Зузана 164 (см. также Uličianska Z.)

Урбан Мило 174

Фальков Валерий Николаевич 20

Федотов Сергей Павлович 246, 247

Феликс Йозеф 158

Фердинанд Кобургский 25

Ференчик Ян 161, 163, 166, 168

Ферко Милош 163

Фет Афанасий Афанасьевич 75

Фирсов Евгений Федорович 281–284, 286, 290

Флакер Александар 202, 213 (см. также Flaker A.)

Фольпрехт Йозеф 259, 266

Фонвизина Наталья Дмитриевна 98

Форбес (Форбс) Арчибалд 40

Фотие, епископ 202, 209 (см. также Fotije, episkop)

Фразнкл Павел 266

Фринга Эмануэль 259

Фрипес Карел 258

Фукс Альфред 267

Фучик Бедржих 260, 261, 263 (см. также Fučík B.)

Фучик Юлиус 270

Херцег Арияна 210, 211 (см. также Herceg A.)

Хомяков Алексей Степанович 287

Хорват Михал 158

Хорев Виктор Александрович 106

Хробак Доброслав 174

Цвейг Стефан 16, 265

Цветаева Марина Ивановна 224

Целестин Фран 199, 200 (см. также Celestin F.)

Цесарец Аугуст 202, 216, 217 (см. также Cesarec A.)

Цецич Винко 202, 210 (см. также Cesić V.)

Цигер-Гронский Йозеф 174

Цыпкин Леонид Борисович 168 (см. также Cyprkin L.B.)

Чайковский Николай Васильевич 283

Чале Морана 215 (см. также Čale M.)

Червенияк Андрей 163, 173, 174, 230, 233, 234, 235 (см. также Červeňák A.)

Червинка Винценц 259, 266

Черный Вацлав 158, 159, 160, 226, 245 (см. также Černý V.)

Чернышевский Николай Гаврилович 80, 206

Чехов Антон Павлович 14, 50, 73, 171, 175, 237, 245, 249, 275

Чехова Соня 158 (см. также Čechová S.)

Чешихин-Ветринский Василий Евграфович 265

Чижевский Дмитрий 266

Чосич Добрица 142

Шальда Франтишек Ксаверий 232, 233, 238, 261, 266, 267 (см. также Šalda F.X.)

Шафф Адам 106

Швантнер Франтишек 174

Шевченко Влада 185

Шевченко Тарас Григорьевич 80

Шекспир Уильям 14, 89-90, 171

Шестов Лев Исаакович 144, 148

Шикла Винцент 188

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих фон 204

Шимачек Франтишек 259

Шинко Эрвин 204, 206, 207 (см. также Šinko E.)

Шишко Тадеуш 79

Шкваркин Василий Васильевич 175, 176

Шкловский Виктор 261

Шкультеты Йозеф 155 (см. также Škultéty J.)

Шмид Якуб 248

Шмид Ян 265

Шорм Эвальд 244, 253

Шпецингрова Клара 259

Шпинар Даниэла 250

Шрепел Миливой 202 (см. также Šrepeľ M.)

Штевчек Петер 158

Штепанек Вацлав 265

Штепанек Зденек 243

Штепанек Карел 258

Шукало Миодраг 143

Щербина Юлия Ивановна 237

Экснер Милан 266

Энгесфельд Младен 216 (см. также Engesfeld M.)

Юричек Мартин 180

Юркевич Памфил Данилович 287

Яковенко Борис Валентинович 292, 293 (см. также Jakovenko B.V.)

Яначек Леош 251

Ярак Веко-Божо 202, 208 (см. также Jarak V.-B.)

Ясперс Карл 67

Ястребов Николай Владимирович 284

Armanini Ante 202, 208 (см. также Арманини А.)

Bachtin Michail Michailovič 230 (см. также Бахтин М.М.)

Badalić Josip 201, 205 (см. также Бадалич Й.)

Belknap Robert 230 (см. также Белнеп Р.)

Bem Alfred Ljudvigovič 224, 225 (см. также Бем А.Л.)

Berg Josef 251 (см. также Берг Й.)

Borodáč Janko 175 (см. также Бородач Я.)

Borodáčová-Országhová Oľga 175

Brnčić Jadranka 212 (см. также Брнчич Я.)

Brykalska Maria 72

Brzozowski Stanisław Leopold 99 (см. также Бжозовский С.Л.)

Bulatović Miodrag 143, 150-152 (см. также Булатович М.)

Bystroletov Dmitrij 274, 275 (см. также Быстролётов Д.А.)

Catteau Jacques 230

Cecić Vinko 210 (см. также Цецич В.)

Celestin Fran 199, 200 (см. также Целестин Ф.)

Cesarec August 216 (см. также Цесарец А.)

Cypkin Leonid Borisovič 168 (см. также Цыпкин Л.Б.)

Čale Morana 215 (см. также Чале М.)

Čapek Karel 219

Čechová Soňa 158, 160 (см. также Чехова С.)

Černý Václav 226 (см. также Черный В.)

Červeňák Andrej 235, 236 (см. также Червеняк А.)

Deml Jakub 219

Diderot Denis 255

Dlouhý Čestmír 279 (см. также Длоути Ч.)

Dlouhý Oleg 181

Dokoupil Blahoslav 257

Donadini Ulderiko 204, 213 (см. также Донадини У.)

Dostojevská Anna Grigorjevna 168 (см. также Достоевская А.Г.)

Dostojevskij (Dostojevský, Dostoievski, Dostojevski, Dostoevsky) Fiodor (Fjodor, Feodor, Teodor)

Michajlovič (Mihajlović) 68, 90, 93, 95-96, 99, 155, 157, 162-164, 166, 168, 200-214, 216, 217, 219, 224-226, 230, 232, 233, 235, 239, 241, 244, 246, 250, 252, 255, 257, 265, 266, 267, 271, 273-275, 277-279 (см. также Достоевский Ф.М.)

Doubek Vratislav 282 (см. также Доубек В.)

Đurišin Dionýz 229 (см. также Дюришин Д.)

Durman Milan 207 (см. также Дурман М.)

Dvořák Jozef 175

Dvořák Libor 242 (см. также Дворжак Л.)

E**ngesfeld** Mladen 216 (см. также Энгесфельд М.)

F**erko** Miloš 235

Firsov Evgenij Fjodorovič 281

Flaker Aleksandar 202, 213, 216 (см. также Флакер А.)

Forst Vladimír 257, 260

Fotije, episkop 202 (см. также Фотие, епископ)

Franěk Jiří 260

Fučík Bedřich 260 (см. также Фучик Б.)

G**áfrík** Róbert 163 (см. также Гафрик Р.)

Gnisci Armando 229

Gombrowicz Witold Marian 104, 105 (см. также Гомбрович В.М.)

Gorovský Karel (наст. фам. Goliat(h)) 274 (см. также Горовский К.)

Grebeníčková Růžena 244 (см. также Гребеничкова Р.)

Green J.F. 283 (см. также Грин Дж.Ф.)

Grossman Leonid 168 (см. также Гроссман Л.П.)

Gruber Milan 207 (см. также Грубер М.)

H**ajko** Dalimír 235

Hanus Ladislav 157 (см. также Ганус Л.)

Herceg Arijana 211 (см. также Херцег А.)

Holý Jiří 268

Homola Oleg 260

Horák Jiří 226 (см. также Горак И.)

Hron Lukáš 242

Hultsch Anne 290

I**lić** Aleksandar 151 (см. также Илич А.)

J**akovenko** Boris Valentinovič 292 (см. также Яковенко Б.В.)

Janáčková Jaroslava 268

Janoušek Pavel 244, 257

Jarak Vjeko-Božo 202, 208, 209 (см. также Ярак В.-Б.)

Johanides Ján 187–198

Kalajdžić Dragan 209 (см. также Калайджич Д.)

Kalezić-Durisković Svetlana 144, 147 (см. также Калезич-Джуричковиц С.)

Katunarić Dražen 214 (см. также Катунарич Д.)

Kautman František 234, 238, 282 (см. также Каутман Ф.)

Kolanović Nada Kisić 29

Kopaničák Juraj 162 (см. также Копаничак Ю.)

Kopecký Václav 271

Kostřica Vladimír 223

Kotoučová Anežka 255 (см. также Котоучова А.)

Kovač Mirko 144, 148 (см. также Ковач М.)

Kribl Josip 202, 209 (см. также Крибл Й.)

Krklec Gustav 201, 203, 204 (см. также Крклец Г.)

Krleža Miroslav 210, 215, 216 (см. также Крлежа М.)

Krobot Miroslav 181, 182 (см. также Кробот М.)

Kšicová Danuše 239 (см. также Кишицова Д.)

Kubáňová Tatiana 165

Kubka František 241 (см. также Кубка Ф.)

Kundera Milan 255 (см. также Кундера М.)

Kuś Barbara 76

Kusá Mária 155 (см. также Куся М.)

Kusý Ivan 154 (см. также Кусы И.)

Lange Antoni 94 (см. также Ланге А.)

Leersen Joep 92 (см. также Леерсен Й.)

Lehár Jan 268

Leskov Nikolaj Semjonovič 223, 224 (см. также Лесков Н.С.)

Lipatow Aleksander 86 (см. также Липатов А.В.)

Ludvig Sonja 211 (см. также Лудвиг С.)

Lukács Georg 230

Luxemburgová Rosa 271 (см. также Люксембург Р.)

Łagowski Bronisław 93 (см. также Лаговский Б.)

Łużny Ryszard 69 (см. также Лужный Р.)

Mackiewicz-Cat Stanisław 95 (см. также Мацкевич-Цат С.)

Mackovčák Ján 170 (см. также Мацковчак Я.)

Majerová Marie 272, 277, 278 (см. также Майерова М.)

Maliti Eva 161, 162 (см. также Мали́ти Э.)

Marušić Tina 210 (см. также Марушич Т.)

Marx Karl Heinrich 271 (см. также Маркс К.)

Masaryk Tomáš Garrigue 221, 226 267, 268 (Т.Г.М.), 281 (см. также Масарик Т.Г.)

Mathesius Bohumil 260-264 (см. также Матезиус Б.)

Matuška Alexander 157, 174, 190 (см. также Матушка А.)

Merežkovský Dmitrij 271 (см. также Мережковский Д.С.)

Merhaut Luboš 257

Mihajlov Mihajlo 206 (см. также Михайлов М.)

Milarov Ilija 206 (см. также Миларов И.)

Miłosz Czesław 105 (см. также Милош Ч.)

Miščin Daniel 202, 208, 212 (см. также Мишчин Д.)

Molek Pavel 253 (см. также Молек П.)

Morávek Vladimír 246 (см. также Моравек В.)

Mrlan Rudolf 175

Murko Matia 229 (см. также Мурко М.)

Musić Frano 209 (см. также Мусич Ф.)

Nejedlý Zdeněk 278 (см. также Неядлы З.)

Opelík Jiří 257

Orłowski Jan 75, 80 (см. также Орловский Я.)

Pánek Josef 279 (см. также Панек Й.)

Paučova Lenka 257

Perný Lukáš 163 (см. также Перны Л.)

Pijanović Petar 143

Pomjalovský Nikolaj Gerasimovič 223

Popović Miloš 205 (см. также Попович М.)

Pospíšil Ivo 219, 221, 224-226, 228-231, 235, 236, 239 (см. также Поспишил И.)

Prohaska Dragutin 201, 203 (см. также Прохаска Д.)

Prušková Zora 191

Przybyszewski Stanisław 226 (см. также Пшибышевский С.)

Puškin Alexandr Sergejevič 228, 236 (см. также Пушкин А.С.)

Putna Martin C. 255 (см. также Путна М.)

Pytlík Radko 239 (см. также Пытлик Р.)

R
Radlov Ernest Lvovič 281 (см.

также Радлов Э.Л.)

Rimarič-Volinski Konstantin 214
(см. также Римарич-Волын-
ский К.)

Ružičková-Váňová Helena 155 (см.
также Ружичкова-Ванёва Г.)

S
Sak Robert 260

Senković Željko 205 (см. также
Сенкович Ж.)

Sierakowski Zygmunt 80 (см. также
Сераковский С.)
также Шкультеты Й.)

Slabinac Gordana 214 (см. также
Слабинац Г.)

Slavík Jan 226 (см. также Сла-
вик Я.)

Solar Milivoj 214 (см. также Со-
лар М.)

Solovjov Vladimir Sergejevič 235
(см. также Соловьев В.С.)

Stempowski Jerzy Czesław 90 (см.
также Стемповский Е.Ч.)

Stich Alexandr 268

Stojanov Vasil 238 (см. также Сто-
янов В.)

Sucharski Tadeusz Krzysztof 93 (см.
также Сухарский Т.К.)

Š
Salda František Xaver 233, 266
(см. также Шальда Ф.К.)

Šinko Ervin 206, 207 (см. также
Шинко Э.)

Škultéty Jozef 155 (см.

Šrepel Milivoj 202 (см. также
Шрепел М.)

Štědroň Miloš 251

T
ěndrjakov Vladimir Fjodorovič 219

Terras Victor 230

Tesařová Jana 157, 174, 187 (см.
также Тесаржова Я.)

Tihanov Galin 230

Tiutczew Teodor 69 (см. также
Тютчев Ф.И.)

Tolstoj Lav Nikolajevič 211 (см. так-
же Толстой Л.Н.)

Tužinský Ján 235

U
jević Mate 207 (см. также
Уевич М.)

Uličianska Zuzana 164, 181 (см.
также Уличианска З.)

Užarević Josip 202, 213 (см. также
Ужаревич Й.)

V
alentová Soňa 177 (см. также
Валентова С.)

Vilinskij Valerij Sergejevič 290 (см.
также Вилинский В.С.)

Vojvodić Jasmina 217

Vondráček Lukáš 246

W**agner** Jan 260 (см. также Вагнер Я.)

Wajda Andrzej 68 (см. также Байда А.)

Wedemann Marek 96 (см. также Ведеманн М.)

Weil Jiří 273, 277 (см. также Вайль И.)

Wollman (Vollman) Frank 228 (см. также Вольман Ф.)

Z**ach** Aleš 260

Zahrádka Miroslav 270 (см. также Заградка М.)

Zdziechowski Marian Ursyn 94 (см. также Здзеховский М.У.)

Zelenka Miloš 228

Ž**emberová** Viera 169 (см. также Жемберова В.)

Žeromski Stefan 94, 95, 103 (см. также Жеромский С.)

Žmegač Viktor 206 (см. также Жмегач В.)

Указатель произведений Ф.М. Достоевского

Бесы 89, 151, 152, 157, 158, 159, 160, 164, 165, 166, 177, 178, 183-185, 231, 259, 262-264, 273, 274, 279

Бобок 183

Борис Годунов (неосущ. замысел) 171

Братья Карамазовы 89, 90, 95, 100, 101, 103, 105, 107, 113, 138, 139, 156, 157, 161, 163, 168, 171, 172, 176, 177, 182, 209, 210-212, 226, 230, 259, 272, 278, 290 (в переводе не чеш. яз. см. также **Карамазовы**)

Вечный муж 112

Двойник 162, 168, 193, 196

Дневник писателя 32, 34, 47, 56, 57, 58, 60, 61, 63, 87, 88, 168, 207

Дядюшкин сон 95, 139, 162, 171, 273

Записки из Мертвого дома 95-97, 100, 104, 156, 167, 176, 214, 259

Записки из подполья 144, 215, 233

Зимние заметки о летних впечатлениях 91, 92, 112, 138

Игрок 91, 95, 100, 101, 110, 124, 137-139, 168

Идиот 95, 105, 109, 107, 124, 139, 156, 167, 169, 170, 172, 176, 177, 180, 181, 192, 210, 259, 263, 264, 272, 278

Карамазовы (**Братья Карамазовы** в переводе на чеш. яз.) 253, 254, 278

Катарина (**Хозяйка** в переводе на словац. яз.) 162, 177

Кроткая 19, 183

Маленький герой 173

Мария Спюарт (неосущ. замысел) 171

Мужик Марей 19

Неточка Незванова 155, 167, 199

Подросток 172, 175

Преступление и наказание 19, 89, 109, 124, 137, 138, 149, 155, 156,
164, 167, 171, 172, 173, 176, 177, 179, 180, 192, 232, 259, 277, 278

Роман из девяти писем 109, 112

Село Степанчиково и его обитатели 19, 156, 172, 176, 177

Сон смешного человека 19, 183

Униженные и оскорбленные 167, 199, 262

Хозяйка 177 (в переводе на словац. яз. см. также **Катарина**)

Чужая жена и муж под кроватью 164, 183

Щедродаров 90

Краткие сведения об авторах и рецензентах

Адельгейм Ирина Евгеньевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (г. Москва)

Амелина Анна Вячеславовна, младший научный сотрудник и ученый секретарь Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН (г. Москва)

Ананьева Наталия Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Билек Ян (Mgr. Jan Bílek, PhD.), доцент, руководитель секции кафедры чешского языка и литературы педагогического факультета Университета Градец-Кралове (г. Градец-Кралове, Чехия).

Войводиц Ясмина (prof. dr. sc. Jasmina Vojvodić), профессор кафедры русской литературы отделения восточнославянских языков и литератур философского факультета Загребского университета (г. Загреб, Хорватия).

Герчикова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН (г. Москва).

Калиганов Игорь Иванович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН (г. Москва).

Косик Виктор Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (г. Москва).

Куса Мария (prof. PhD. Mária Kusá, CSc.), профессор кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета Университета им. Я.А. Коменского (г. Братислава, Словакия).

Котова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор филологического факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

Липатов Александр Владимирович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН, член Польской академии наук и искусств (г. Москва).

Мальцев Леонид Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград).

Мешеряков Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Пескова Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН (г. Москва).

Поспишил Иво (prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.), профессор Института славистики философского факультета Университета им. Т.Г. Масарика (г. Брно, Чехия).

Смолянинова Марина Геннадиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН (г. Москва).

Фирсов Евгений Федорович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Широкова Людмила Федоровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (г. Москва).

Научное издание

Ф.М. Достоевский и славянство

Ответственный редактор: А.Ю. Пескова

Корректурa: Т.Ю. Кравченко

Оригинал-макет: А.В. Амелина

Обложка: рукописи произведений Ф.М. Достоевского («Бесы»,
«Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»)

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 5 заседания Ученого совета ФГБУН Института
славяноведения РАН от 27.06.2023)

Подписано в печать 19 декабря 2023 г.

Формат 60×90 1/16

Объем 20 печ. л. Тираж 300 экз.

Институт славяноведения РАН

119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты: inslav@inslav.ru